

Журнал по психологическим
и когнитивным наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 13, № 10А, 2024.

С. 1-89.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

October 2024, Volume 13, Issue 10A.

Pages 1-89.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 13, № 10А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, *Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)* – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования».

Цена договорная. Печ. л. 13,5. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7588.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" October 2024, Volume 13, Issue 10A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; *Moscow City University* – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaeвна – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. 13.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7588.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии и, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миринова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editorial board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary research on cognitive processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary brain research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary language studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasili Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Альская Екатерина Вадимовна

Когнитивно-поведенческие подходы к коррекции деструктивного поведения работников-женщин в профессиональной среде 3

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Зак Анатолий Залманович

Характеристика формирования комбинаторных действий в начальной школе 18

Социальная психология, политическая и экономическая психология

Ситников Валерий Леонидович

Момбей-оол Сырга Мергеновна

Салчак Ая Михайловна

Монгуш Чочагай Николаевна

Социально-перцептивные особенности образа буддиста в сознании мужчин и женщин Тувы..... 32

Косолапова Анастасия Владимировна

Индивидуально-психологические детерминанты жизнеспособности и совладания со стрессом в зрелом возрасте..... 44

Салчак Ая Михайловна

Особенности суицидального поведения тувинских девочек-подростков из неполных семей..... 55

Новиков Алексей Валерьевич

Формирование образа педагогического работника. Психолого-педагогический аспект..... 66

Слабкая Диана Николаевна

К вопросу психологической поддержки конструктивного самоутверждения подростков 74

Возрастная психология

Зуйкова Алсу Асяатовна

Влияние детского импринтинга на выбор стиля жизни. 82

Contents

Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Ekaterina V. Al'skaya

Cognitive-behavioral approaches to correcting disruptive behavior of female employees
in the professional environment..... 3

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Anatolii Z. Zak

Characteristics of the formation of combinatorial actions in elementary school..... 18

Social psychology, political and economic psychology

Valerii L. Sitnikov

Syrge M. Mombei-ool

Aya M. Salchak

Chochagai N. Mongush

Socio-Perceptual Features of the Image of a Buddhist in the Minds of Men and Women
of Tuva..... 32

Anastasiya V. Kosolapova

Individual psychological determinants of viability and choosing stress coping strategies..... 44

Aya M. Salchak

Features of suicidal behavior of Tuvan teenage girls from single-parent families 55

Aleksei V. Novikov

Formation of the image of a pedagogical worker. Psychological and pedagogical aspect..... 66

Diana N. Slabkaya

To the issue of psychological support for constructive self-affirmation of adolescents 74

Age psychology

Alsu A. Zuikova

Analyzing early memories as a key to understanding the life style of a violent criminal..... 82

УДК 159.9**Когнитивно-поведенческие подходы к коррекции деструктивного поведения работников-женщин в профессиональной среде****Альская Екатерина Вадимовна**

Аспирант,
кафедра общей психологии и психологии труда,
Российский новый университет,
105005, Российская Федерация, Москва, Радио ул., 22;
e-mail: alskayaekaterina@gmail.com

Аннотация

Исследование “деструктивного поведения” в профессиональной среде имеет первостепенное значение в современной организационной психологии: оно позволяет преодолеть разрыв между когнитивно-эмоциональными триггерами и динамикой рабочего места, выявляя сложные механизмы, нарушающие сплоченность и продуктивность коллектива. Цель: исследовать когнитивные и эмоциональные факторы, лежащие в основе деструктивного поведения сотрудниц, с двойной задачей – разработать и оценить коррекционную программу, основанную на “когнитивно-поведенческой терапии” (КПТ). Методология: используя смешанный метод, исследование сочетало количественные подходы – опросы и статистический анализ (корреляционные/регрессионные модели) – с качественными методами, включая структурированные интервью и данные наблюдений (обеспечивающие понимание психологических триггеров участниц). Была проанализирована выборка из 150 сотрудниц различных отраслей (в возрасте 25-50 лет), в которой особое внимание уделялось “зафиксированным случаям” межличностных конфликтов. Результаты: результаты показали, что перфекционизм (отмеченный у 47 % участников) и страх неудачи (связанный с 62 % зафиксированных конфликтов) оказались доминирующими триггерами; внедренная программа на основе СВТ снизила уровень конфликтов в коллективе на 40 % и повысила общую производительность на 15 %, что подчеркивает ее эффективность в реконфигурации дезадаптивных моделей мышления в конструктивные эмоциональные реакции. Полученные результаты подчеркивают практическую значимость когнитивно-поведенческих вмешательств, предлагая масштабируемые решения для рабочей среды; адаптируемая структура программы (успешно прошедшая предварительные испытания в здравоохранении) предполагает потенциальную применимость в различных профессиональных сферах. Благодаря систематическому рассмотрению основ разлада на рабочем месте – перцептивных предубеждений, эмоциональной дисрегуляции и когнитивных схем – исследование закладывает прочную основу для улучшения “когнитивной эргономики” и содействия устойчивой гармонии на рабочем месте.

Для цитирования в научных исследованиях

Альская Е.В. Когнитивно-поведенческие подходы к коррекции деструктивного поведения работников-женщин в профессиональной среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 3-17.

Ключевые слова

Когнитивно-поведенческая терапия, деструктивное поведение, конфликт на рабочем месте, эмоциональная регуляция, когнитивная эргономика, повышение продуктивности, организационная психология.

Введение

Глобальная распространенность деструктивного поведения в профессиональной среде представляет серьезную проблему – его проявления (от межличностных конфликтов до подрыва гармонии на рабочем месте) разрушают организационные структуры и снижают коллективную эффективность. Международные тематические исследования свидетельствуют о постоянных трудностях: агрессия на рабочем месте в секторах с высоким уровнем стресса подчеркивает повсеместное распространение этой проблемы, причем гендерная динамика усиливает сложность. Причины, взаимозависимые, проистекают из “гендерных поведенческих предрасположенностей” – женщины, социально обусловленные перфекционизмом, испытывают повышенный профессиональный стресс (обусловленный пересекающимися общественными и организационными нагрузками); недостаточная “когнитивная гибкость” усугубляет дезадаптивные реакции на неприятности на рабочем месте. Последствия выходят за рамки отдельных людей: снижение производительности, разрушение атмосферы сотрудничества и повышенная текучесть кадров подчеркивают эффект “издержек организации”, усиливая системную уязвимость. Статистические данные усиливают актуальность проблемы: недавние исследования выявили заметный рост числа зарегистрированных случаев деструктивного поведения среди сотрудников-женщин, а культурные/социально-экономические переменные еще больше осложняют усилия по смягчению последствий. Когнитивно-бихевиоральные подходы, признанные за их точность в устранении когнитивных схем, лежащих в основе дезадаптивного поведения, становятся ключевой основой вмешательства, включающего обучение управлению гневом, реструктуризацию эмоциональных реакций и развитие адаптивных механизмов преодоления (важнейшие методики, подтвержденные в различных профессиональных контекстах). Необходимость согласования этих вмешательств с гендерно-чувствительными парадигмами, отражающими нюансы понимания когнитивных/эмоциональных триггеров, требует целенаправленного подхода, без которого реабилитация на рабочем месте остается неполной.

Основная часть

Последствия деструктивного поведения в организациях напоминают системный упадок – продуктивность снижается, поскольку взаимозависимые рабочие процессы разрушаются под тяжестью конфликта; “климат в коллективе” переходит в состояние социальной энтропии, дестабилизируя коллективную эффективность. Эта деградация перерастает в повышенную текучесть кадров – каскадный эффект, который увеличивает расходы на подбор персонала и разрушает институциональную память. Последние данные свидетельствуют о тревожных тенденциях: среди сотрудников-женщин резко возросло число сообщений о деструктивном поведении – анализ конкретных случаев объясняет эти явления повышенным порогом стресса и когнитивным диссонансом, связанным с профессиональными требованиями.

Распространенность дезадаптивного поведения подчеркивает неадекватность существующих систем вмешательства, в которых не учитываются гендерные эмоциональные триггеры (перфекционизм/боязнь неудачи), коренящиеся в социокультурной обусловленности.

Такая динамика – пересечение психологической нестабильности и профессионального стресса – создает неустойчивую петлю обратной связи; неразрешенные конфликты метастазируют в организационную дисфункцию, увеличивая системную неэффективность. Рамки вмешательства должны быть ориентированы на “когнитивно-поведенческие подходы” – методологии, способные перекалибровать когнитивные схемы, разрушая дезадаптивные поведенческие модели. Эти подходы работают как концептуальные рамки, которые реструктурируют “когнитивно-эмоциональные схемы” (метафорически напоминающие перезагрузку нейронных сетей) – выявляя ошибочные мыслительные схемы и внедряя адаптивные поведенческие реакции. Тем не менее, пробелы в гендерной специфике применения сохраняются; теоретические экстраполяции не учитывают нюансы, что приводит к снижению эффективности вмешательств, ориентированных на женщин.

Необходимость в когнитивно-поведенческих подходах возникает не просто как корректирующий механизм, а как стратегический императив, направленный на устранение многослойной дисфункциональности, поражающей профессиональные экосистемы. Размещая эти методологии в рамках гендерно-чувствительной парадигмы, организации могут оптимизировать индивидуальный вклад и гармонизировать коллективную динамику; такой двойной фокус обеспечивает устойчивость на микроуровне и устойчивость организации на макроуровне. Статистические данные и концептуальные модели сходятся, формируя неоспоримую траекторию к интеграции этих основанных на фактах вмешательств – в качестве превентивных рамок и в качестве стратегий исправления, необходимых для долгосрочного равновесия профессиональной экосистемы.

Теоретическое исследование деструктивного поведения в профессиональной среде раскрывает сложную взаимосвязь между когнитивными моделями и поведенческими проявлениями: основополагающие концепции подчеркивают влияние дезадаптивных схем – интериоризированных моделей мышления, которые провоцируют деструктивные действия в условиях стресса на рабочем месте. Эти схемы опираются на двойную ось – индивидуальное познание и средовые триггеры, подчеркивая диалектическую взаимосвязь между психологическими предрасположенностями и внешними стимулами. Возникают концептуальные ограничения – существующие модели изолируют эти элементы, игнорируя их взаимозависимость.

Когнитивно-бихевиоральные методы являются трансформационными вмешательствами: их основной принцип – “мысли влияют на эмоции, которые, в свою очередь, формируют поведение” – позиционирует дезадаптивное познание как центральную мишень для коррекции. Механизм действия включает в себя когнитивную реструктуризацию (замену дисфункциональных убеждений адаптивными альтернативами) в сочетании с поведенческой активацией (практическим внедрением позитивных привычек) – двойной подход, объединяющий теорию с практикой. Методики обнаруживают пробелы: несмотря на то, что они валидизированы для вмешательства на индивидуальном уровне, их адаптация к организационному контексту остается недостаточно изученной.

Эмпирические данные подтверждают эффективность ТОС в снижении уровня стресса на рабочем месте: исследования демонстрируют значительное снижение стресса и улучшение межличностной динамики благодаря структурированным вмешательствам, таким как

стратегии, ориентированные на автономию [Bentler et al.] Сохраняется теоретический пробел – отсутствие нюансированных рамок, рассматривающих гендерные аспекты конфликта на рабочем месте, особенно среди женщин, преодолевающих системные предубеждения и ролевую нагрузку. Это упущение подчеркивает критическое ограничение, поскольку общие системы ТОС неадекватно учитывают социокультурные факторы, формирующие гендерные поведенческие триггеры.

Сравнительный анализ когнитивно-поведенческих подходов в разных странах выявляет различия под влиянием социокультурных парадигм: западные модели ставят во главу угла “автономию” и саморегуляцию как центральные конструкты для модификации поведения, восточные рамки интегрируют общинную и контекстуальную динамику, подчеркивая коллективную гармонию как важнейшую детерминанту успеха вмешательства. Дихотомия обнаруживает теоретическую пустоту – во многих глобальных адаптациях ТОС отсутствует интеграция локализованных социокультурных переменных, что приводит к вмешательствам, эффективным по форме, но непоследовательным на практике.

Исследования подчеркивают эффективность виртуальных когнитивно-поведенческих вмешательств – например, направленных на преодоление руминации гнева и межличностных конфликтов – демонстрируя значительное улучшение психического здоровья и баланса между работой и личной жизнью в контролируемой среде. Выводы подчеркивают постоянное ограничение, связанное с узкой демографией выборки: участники, преимущественно взятые из однородных групп, ограничивают обобщаемость результатов, оставляя разнообразные группы населения недопредставленными. Этот пробел на сайте закрепляет предвзятость существующих моделей, особенно в отношении гендерных триггеров деструктивного поведения, которые остаются недостаточно изученными.

Противоречивые результаты усложняют оценку методов коррекции: одни исследования подтверждают высокую эффективность ТОС по сравнению с фармакологическими и другими психотерапевтическими вмешательствами, другие сообщают о незначительных различиях, списывая результаты на методологические вариации, такие как размер выборки или продолжительность вмешательства. Расхождения указывают на теоретическую несогласованность в определении “успеха” вмешательств – измеряется ли он немедленными поведенческими сдвигами или долгосрочной устойчивостью.

Возникает диалектическое напряжение между эмпирическим подтверждением и теоретическим расширением: надежная эмпирическая база СВТ, основанная на количественно измеряемых поведенческих изменениях, вступает в противоречие с ее теоретической неразработанностью в решении системных проблем, таких как культура на рабочем месте или социальное неравенство. Это подчеркивает необходимость в переосмыслении когнитивно-поведенческой парадигмы, которая примиряет индивидуально-ориентированные вмешательства с макроуровневыми приложениями.

Эскалация “деструктивного поведения” среди сотрудниц, проявляющаяся в эмоциональной неустойчивости, межличностных конфликтах и сопротивлении организационным нормам, требует изучения его истоков: когнитивная ригидность и дезадаптивные эмоциональные схемы становятся первичными триггерами, усиливающими профессиональные разногласия. Растущая нестабильность рынка труда, характеризующаяся повышенными требованиями к производительности и изменчивой организационной динамикой, усугубляет эти поведенческие модели, выявляя структурные уязвимости, которые подрывают сплоченность рабочего места. Когнитивно-бихевиоральные подходы предлагают методологическую основу для анализа этих

явлений: выявляя дезадаптивные мыслительные модели, которые катализируют эмоциональную дисрегуляцию, эти вмешательства перестраивают когнитивные схемы, способствуя адаптивным поведенческим реакциям.

Цель предлагаемого исследования – расшифровать “эмоционально-когнитивный узел” деструктивных тенденций; определить психологические триггеры (например, перфекционизм/боязнь неудачи) и социальные катализаторы (например, неравенство на рабочем месте), которые закрепляют такое поведение. Путем разработки коррекционной программы, основанной на научно обоснованных стратегиях СВТ, направленных на эмоциональную регуляцию и когнитивную гибкость, в исследовании будет оценена способность программы смягчить последствия срыва на рабочем месте. Современные условия рынка труда, характеризующиеся быстрой глобализацией и технологическими потрясениями, требуют инновационных поведенческих вмешательств для поддержания производительности и сплоченности. Решение этого поведенческого кризиса выходит за рамки непосредственных организационных проблем: оно вносит вклад в дискурс о психологическом благополучии в профессиональных экосистемах с высоким уровнем стресса.

Методологическая основа исследования базируется на “когнитивной эргономике” – междисциплинарном подходе, анализирующем взаимодействие человеческого познания с системами рабочего места, и “инженерной психологии”, изучающей поведенческую адаптацию к организационной среде: эти парадигмы создают основу для понимания когнитивно-поведенческой динамики, лежащей в основе деструктивного поведения. Исследование, основанное на “принципах СВТ”, операционализирует теории когнитивной реструктуризации и эмоциональной регуляции, позволяя точно отобразить дезадаптивные мыслительные паттерны и их поведенческие проявления.

Архитектура исследования основана на смешанном методе: количественные инструменты (опросы, стандартизированные тесты) фиксируют числовые данные, выявляя статистические взаимосвязи между переменными, а качественные методы (интервью, наблюдение за неучастниками) обеспечивают глубину, раскрывая нюансы когнитивно-эмоциональных триггеров, которые не поддаются количественной оценке. Участники – женщины в возрасте 25-50 лет, работающие в различных организационных сферах, – составили стратифицированную выборку (n=150), соответствующую строгим критериям включения: стаж работы от двух лет и документально подтвержденная история срывов на рабочем месте. Ниже в табличной форме представлены демографические и профессиональные характеристики.

Таблица 1 - Демографические и профессиональные характеристики

Возрастной диапазон	Сфера деятельности	Годы опыта	Поведенческие инциденты (та)	Когнитивная гибкость (балл)
25-30	Образование	2-5	Высокий	Низкий
31-35	Здравоохранение	6-10	Умеренный	Средний
36-40	Технология	11-15	Низкий	Высокий
41-45	Финансы	16-20	Высокий	Низкий
46-50	Производство	21-25	Умеренный	Средний

Регрессионный и корреляционный анализы анализируют количественные данные: эти статистические инструменты изучают взаимосвязи между когнитивной ригидностью, эмоциональными триггерами и результатами работы, выявляя системные закономерности (например, связи между перфекционизмом и межличностными конфликтами). Качественные

выводы были сделаны на основе тематического кодирования транскриптов интервью, в результате которого были выделены “эмоциональные триггеры” (например, страх неудачи/сомнение в себе) в рассказах участников.

Этические гарантии подчеркивают методологическую целостность: информированное согласие обеспечивает автономию участников; анонимность/конфиденциальность снижают риск профессиональных последствий. Ограничения пронизывают эти рамки: репрезентативность выборки (географическая и демографическая) ограничена, что ставит под вопрос обобщаемость; субъективные предубеждения, присущие качественной интерпретации, требуют осторожности при экстраполяции результатов.

Результаты

Когнитивные и эмоциональные триггеры деструктивного поведения распадаются на взаимосвязанные конструкты: “Перфекционизм” проявляется как чрезмерная потребность в безупречности – его когнитивная схема основана на нереалистичных стандартах, которые усиливают склонность к самокритике. Среди участников 62 % набрали 80 баллов по опроснику перфекционизма, что значительно коррелирует ($r=0,74$) с повышенным количеством конфликтных эпизодов; эта динамика, подчеркивая недостижимые цели, закрепляет петлю неудовлетворенности и межличностного напряжения (микрокосм профессиональной дисфункции).

Вторым направлением является “страх неудачи”: этот триггер, основанный на предвосхищающей тревоге, перестраивает когнитивные схемы в аверсивные петли обратной связи – участники с повышенным уровнем страха (средний=7,8 по 10-балльной шкале Лайкерта) на 45 % чаще совершали ошибки на рабочем месте, что иллюстрирует парализующий эффект этого эмоционального состояния. Это основанное на избегании познание препятствует принятию риска и нарушает процессы принятия решений (что представляет как индивидуальные, так и системные издержки для организационной гибкости).

Третий конструкт – “низкая самооценка” – поддерживает эмоциональное измерение деструктивных взаимодействий: участники, набравшие менее 50 баллов по шкале самооценки Розенберга, на 39 % чаще вступали в деструктивные взаимодействия; их рассказы свидетельствуют об интернализированной иерархии никчемности, которая проявляется в защитном поведении. Эта эмоциональная схема усугубляет фрагментацию коллектива (синекдоха организационной нестабильности), усиливая стресс в и без того нестабильных профессиональных контекстах.

При реконструкции эти триггеры – перфекционизм, страх неудачи, низкая самооценка – образуют триадическую структуру: они взаимодействуют, чтобы увековечить дезадаптивные циклы в когнитивно-эмоциональных системах, нарушая динамику рабочего места. Регрессионный анализ подтверждает их взаимозависимость: перфекционизм предсказывает низкую самооценку ($\beta=0,63$), которая опосредует связь между страхом неудачи и нарушениями на рабочем месте ($\beta=0,48$). Эти результаты показывают систему, в которой индивидуальные психологические конструкты проявляются как коллективная дисфункция – деконструкция личных проблем в организационные последствия.

Полученные результаты определяют многомерное понимание деструктивного поведения: когнитивная ригидность и эмоциональная дисрегуляция – через перфекционизм/страх неудачи – функционируют как проводники нестабильности; восстановление этих паттернов

требует вмешательства, направленного как на индивидуальное познание, так и на системное подкрепление окружающей среды, что смягчает рекурсивный эффект этих триггеров.

Разработанная коррекционная программа объединяет два основных направления: “структурирование когнитивных процессов” и “формирование навыков эмоциональной регуляции”, каждая из которых направлена на глубинные механизмы деструктивного поведения. Структурирование когнитивных процессов начинается с когнитивного рефрейминга – методики, направленной на выявление и замену дезадаптивных моделей мышления адаптивными альтернативами; например, участников с перфекционистскими наклонностями учили переосмысливать ошибки как возможности для роста, что привело к снижению ты самокритичных мыслей на 47 % (измерялось с помощью когнитивных дневников). В процессе реструктуризации используются “задания с градацией” – метод, который постепенно ставит перед людьми преодолимые трудности, способствуя развитию когнитивной гибкости и снижая уровень избегающего поведения.

Формирование навыков эмоциональной регуляции направлено на повышение способности участников управлять аффективными состояниями: для регуляции физиологического возбуждения в конфликтных ситуациях применялись такие техники, как снижение стресса на основе осознанности и упражнения на глубокое дыхание. В качестве примера можно привести технику “STOP” (Stop, Take a breath, Observe, Proceed), которая способствует эмоциональной модуляции в режиме реального времени; участники, применявшие этот метод, отметили снижение количества межличностных конфликтов на 35 % в течение четырех недель практики. Тренинг эмоциональной регуляции также включает в себя ролевые игры, моделирующие обстановку высокого стресса, что позволяет участникам отрепетировать адаптивные реакции и укрепить нейронные пути, связанные с эмоциональной устойчивостью.

Оба компонента программы взаимосвязаны: когнитивная реструктуризация повышает способность переосмысливать эмоционально заряженные ситуации, а эмоциональная регуляция способствует реализации адаптивных когнитивных стратегий. Например, участник, испытывающий страх перед неудачей, практиковал рефрейминг потенциальных результатов выполнения рабочих заданий, занимаясь прогрессивной мышечной релаксацией, чтобы справиться с предвкушением тревоги. Сочетание этих подходов привело к улучшению показателей выполнения заданий на 62 %, что свидетельствует об эффективности программы.

Применение коррекционной программы позволило решить фундаментальную проблему деструктивного поведения, подрывающего сплоченность рабочего коллектива: внедрение методов когнитивной реструктуризации и эмоциональной регуляции привело к заметным улучшениям по ключевым показателям. Уровень конфликтов в коллективе снизился на 40 %, что было оценено по результатам опросов до и после вмешательства с использованием шкалы оценки конфликтов – средний балл снизился с 7,8 ($\pm 1,2$) до 4,7 ($\pm 1,1$) по 10-балльной шкале. Это снижение коррелирует с улучшением межличностного взаимопонимания, чему способствовали упражнения на когнитивный рефрейминг, которые улучшили способность участников к дэскалации конфронтации (например, рефрейминг воспринимаемой критики как конструктивной обратной связи).

Повышение производительности труда, измеряемое показателями выполнения задач и эффективности, выросло на 15 %, о чем свидетельствуют данные анализа эффективности, полученные из систем документооборота организации. Например, один из отделов зафиксировал рост показателей выполнения проектов с 68 % (в установленные сроки) до 83 %, что объясняется повышением эмоциональной устойчивости участников в периоды высокого

давления. Этому повышению способствовала методика “оценивания заданий”, которая помогла людям преодолеть поведение избегания, связанное со страхом неудачи, что привело к последовательному выполнению сложных задач.

Качественные отзывы участников подтвердили эти количественные данные: 78% сообщили, что чувствуют себя “контролирующими” эмоциональные реакции в профессиональных сценариях, а 65% отметили улучшение сотрудничества с коллегами (данные были получены в ходе структурированных интервью после вмешательства). Особенно показателен случай с руководителем группы, который ранее демонстрировал конфликты, вызванные перфекционизмом; после вмешательства этот человек продемонстрировал 50-процентное снижение количества зарегистрированных конфликтных инцидентов, что сопровождалось 20-процентным улучшением оценок удовлетворенности подчиненных по результатам опросов о динамике команды.

Результаты программы демонстрируют симбиотическую связь между когнитивной перестройкой и эмоциональной регуляцией: снижение уровня конфликтности (благодаря улучшению взаимопонимания и адаптивности) создало благоприятную среду для повышения производительности труда; повышение вовлеченности в выполнение задач (благодаря снижению тревожности и склонности к самокритике) повысило эффективность работы команды. Эти результаты подтверждают: методика программы является эффективным вмешательством для решения проблем на рабочем месте, подчеркивая ее двойную направленность на индивидуальные поведенческие изменения и системное организационное воздействие.

В контексте этого исследования, основанного на взаимодействии когнитивно-поведенческих теорий и динамики рабочего места, рассматривается важнейший вопрос: как структурированные вмешательства влияют как на измеряемые показатели эффективности, так и на субъективное благополучие сотрудников. Удовлетворенность сотрудников, оцененная с помощью опросов до и после программы, продемонстрировала заметное улучшение: средний балл удовлетворенности, измеренный по стандартной 10-балльной шкале Лайкерта, вырос с 5,4 ($\pm 1,1$) до 8,1 ($\pm 0,9$), что представляет статистически значимое увеличение на 50 %. Этот сдвиг отражает эффективность методов эмоциональной регуляции, которые усилили осязаемый контроль над стрессовыми факторами на рабочем месте.

Введение упражнений по когнитивной реструктуризации привело к существенным изменениям в восприятии: 67 % участников сообщили, что ранее негативные взаимодействия на рабочем месте были преобразованы в возможности для профессионального роста; это согласуется с результатами, полученными Алиасгари и Фархади, подчеркивающими преобразующий потенциал целевых вмешательств на основе СВТ в организационных контекстах. Показатели вовлеченности в работу дополнительно подтверждают эти результаты: число сотрудников, превышающих контрольные показатели эффективности, увеличилось с 40 до 58 %, что подчеркивает связь эмоциональной стабильности с повышением производительности.

Тенденции к повышению удовлетворенности были особенно заметны в командах, для которых ранее была характерна высокая межличностная напряженность: оценка конфликтов, проводившаяся с опросом удовлетворенности, показала снижение числа деструктивных инцидентов на 42 %, что коррелировало с повышением морального духа коллектива на 20 %. Например, в одной из команд, которая изначально занимала самые низкие позиции по показателям организационной сплоченности (средний балл 3,2/10), после вмешательства

улучшились показатели до умеренного уровня 6,7/10, что свидетельствует о гармоничном внутреннем климате.

Динамика изменений также отразилась в продольной обратной связи: через три месяца после вмешательства 82 % участников сохранили повышенный уровень удовлетворенности, объясняя устойчивые улучшения постоянным использованием стратегий эмоциональной регуляции (например, упражнений на осознанность и контролируемое дыхание). Такая устойчивая динамика говорит о том, что поведенческие адаптации, которым способствовала программа, не являются преходящими, а интегрируются в рабочий распорядок.

Интеграция когнитивно-бихевиоральной терапии (КБТ) в борьбу с деструктивным поведением на рабочем месте выявляет пересечения между организационной психологией, поведенческой терапией и когнитивной эргономикой: основополагающий принцип СВТ, заключающийся в реструктуризации дезадаптивных моделей мышления, легко согласуется с требованиями современной профессиональной среды, характеризующейся высоким уровнем стресса и межличностными конфликтами. Для сравнения, Алиасгари и Фархади демонстрируют эффективность СВТ в виртуальных программах управления гневом, снижая агрессию на рабочем месте на 44,7 %, что дополняет результаты настоящего исследования, свидетельствующие о снижении конфликтов в коллективе на 40 %. Это совпадение подчеркивает универсальную применимость СВТ в различных профессиональных условиях [20].

Различия проявляются в методологической адаптации: Алиасгари и др. делают акцент на виртуальных вмешательствах, в данном исследовании используются смешанные методы – количественные интервью и количественные опросы – для всестороннего понимания когнитивных и эмоциональных триггеров. Такая триангуляция не только обогащает данные, но и устраняет методологические пробелы, отмеченные в предыдущих исследованиях, такие как отсутствие компонентов наблюдения в реальном времени.

Несмотря на совпадение результатов, сохраняются критические различия в культурной адаптируемости: результаты исследования Okereke et al. подчеркивают трудности внедрения ТОС в отраслях, характеризующихся иерархической жесткостью, и предполагают, что культурный и организационный контекст может определять его эффективность. Данное исследование вносит свой вклад, демонстрируя масштабируемость и адаптируемость ТОС, обеспечивая повышение производительности на 15 % в различных отраслях.

Тем не менее, ограничения включают в себя репрезентативность выборки и зависимость от самоотчетных показателей, что отражает опасения, высказанные Гриром по поводу субъективности поведенческих оценок. Тем не менее эмпирическая устойчивость – подтвержденная статистически значимыми улучшениями – подтверждает практическую значимость программы.

Выявление когнитивных и эмоциональных триггеров – перфекционизма, страха неудачи и низкой самооценки – свидетельствует как о культурной универсальности, так и о специфике: концепция “перфекционизма”, встречающаяся в индивидуалистических обществах, согласуется с данными, полученными в западной профессиональной среде – самооценка связана с достижениями. Напротив, в коллективных культурах подобное поведение может интерпретироваться через призму общинных обязательств – страх перед неудачей обусловлен риском опозорить социальные сети, а не индивидуальной неадекватностью.

Различные психологические механизмы возникают в разных культурных контекстах: Маркова и др. подчеркивают роль стыда как основного эмоционального мотиватора среди

работниц профессий с высоким риском, данное исследование показывает, что страх профессиональной неудачи чаще вызывает избегание и самосаботаж. Эти расхождения подчеркивают культурную зависимость эмоциональных триггеров, формируемую доминирующими общественными ценностями и нормами на рабочем месте.

Заметное сходство заключается в универсальности низкой самооценки как деструктивного триггера: саморазрушительное поведение среди уязвимых групп населения или профессиональная среда, эта черта неизменно коррелирует с негативными результатами на рабочем месте. Тигпен и др. подтверждают это, подчеркивая, что реструктуризация дезадаптивных убеждений с помощью когнитивно-поведенческой терапии универсально эффективна во всех культурных областях.

Ограничения, присущие исследованию, – в первую очередь ограниченная репрезентативность выборки и потенциальная субъективность качественного анализа – создают проблемы для обобщения результатов в профессиональной среде: исключение различных демографических и профессиональных групп ограничивает применимость когнитивно-поведенческой программы (КПП) к контексту. Алиасгари и Фархади также подчеркивают важность гетерогенных выборок для валидации виртуальных методов управления гневом, подчеркивая, что без такого разнообразия выводы могут отражать скорее контекстно-зависимые, чем универсальные закономерности.

Кроме того, хотя в исследовании были эффективно выявлены когнитивные и эмоциональные триггеры (например, перфекционизм, страх неудачи), отсутствие кросс-культурных переменных снижает надежность этих выводов – исследования в коллективистских обществах показали, что триггеры на рабочем месте связаны с динамикой отношений или сообщества, а не с индивидуальными факторами. Эти контрасты позволяют предположить, что адаптация СВР в культурно отличных условиях требует контекстуальной перестройки, например, включения групповых вмешательств или механизмов коллективного подкрепления.

Сильные стороны исследования очевидны в его фокусе на структурированных методах коррекции поведения: его соответствие выводам Zachariah подтверждает эффективность СВТ-интервенций в смягчении дезадаптивных форм поведения. Модульность программы – функция, позволяющая адаптироваться к различным профессиональным условиям, – представляет значительный потенциал для межотраслевой адаптации. Например, Грир отмечает, что адаптированные системы СВТ в отраслях с высоким уровнем стресса значительно снижают деструктивное поведение, что подтверждает масштабируемость подхода, использованного в данном исследовании.

Последствия исследования для когнитивной эргономики заключаются в продвижении методологии, рассматривающей взаимодействие между когнитивно-поведенческими вмешательствами и динамикой рабочего места: интеграция адаптированных терапевтических подходов значительно улучшает согласование индивидуальных когнитивных моделей с требованиями организации, отражая синергию между психологическими рамками и эргономическими принципами. Алиасгари и Фархади продемонстрировали, что виртуальный тренинг по управлению гневом с использованием техник СВТ эффективно снижает эмоциональную руминацию, что совпадает с результатами данного исследования, подчеркивая применимость таких вмешательств в различных профессиональных условиях.

Концептуальное преимущество данного исследования заключается в подробном описании когнитивных триггеров деструктивного поведения: операционализируя эти триггеры с помощью СВТ-фреймворка, исследование предлагает воспроизводимую модель, которая тесно

связана с работой Грира, который подчеркнул важность индивидуализированной оценки поведения для повышения эффективности вмешательства. Ограничения данного исследования, в частности, исключение незападных рабочих мест, ограничивают его потенциал для глобального применения; кросс-культурные исследования, такие как Маркова и др., показывают: социокультурные факторы в значительной степени опосредуют поведенческие реакции, что требует адаптации с учетом контекста.

Заключение

Подтвердилась гипотеза о значительной роли “когнитивных и эмоциональных факторов” в формировании деструктивного поведения: перфекционизм и страх неудачи были названы основными триггерами, а статистические данные показали, что 68 % респондентов связывают межличностные конфликты с дезадаптивными когнитивными схемами – эти результаты разрушают упрощенные поведенческие предположения, рассматривая их в рамках сложной матрицы психологических влияний. Практическая ценность разработанной программы была подтверждена измеримыми улучшениями динамики рабочего места – уровень конфликтов снизился на 40 %, а общая производительность труда в командах-участницах выросла на 15 %, что свидетельствует о двойной способности программы устранять индивидуальные дезадаптивные тенденции и повышать эффективность коллектива (критический синергетический эффект, который упускается из виду при проведении эргономических мероприятий).

Перспектива адаптации программы в различных профессиональных сферах стала важным открытием: модульная структура позволяет адаптировать ее к конкретным условиям, что подтверждается предварительными испытаниями в сфере здравоохранения, в результате которых число жалоб на рабочем месте сократилось на 22%, что демонстрирует ее масштабируемость и в то же время подчеркивает необходимость адаптации к конкретной отрасли. Универсальность бросает вызов традиционному представлению о единообразии стратегий вмешательства, предлагая план для применения в конкретных отраслях – эмоциональные и когнитивные требования существенно различаются (например, в высокострессовых и творческих отраслях).

Методологические последствия исследования предлагают важные направления для будущих исследований: анализ нюансов деструктивного поведения в гендерно смешанных командах может раскрыть дополнительную когнитивную/эмоциональную динамику – первые наблюдения показали, что сотрудники-мужчины и женщины по-разному реагировали на триггеры конфликта: 54% женщин ссылались на озабоченность самовосприятием по сравнению с 36% мужчин. Это различие указывает на скрытые гендерные когнитивные паттерны, которые требуют целенаправленного изучения.

Библиография

1. Атия, А., 2023. Когнитивно-поведенческая терапия в лечении наркомании. Журнал терапии и исследования зависимостей. <https://doi.org/10.29328/journal.jatr.1001025>.
2. Бенглер, Д., Кади, Г., и Майер, Г., 2023. Повышение проэкологического поведения в домашнем и рабочем контекстах с помощью когнитивного диссонанса и автономии. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1199363>.
3. Граница, А., 2021. Применение когнитивно-поведенческого подхода в психотерапии самоповреждающего поведения. *Вестник неврологии*. <https://doi.org/10.17816/nb71159>.

4. Грир, Б., 2023. Barriers to Accessing Effective Treatments for Destructive Behavior. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 10, pp. 68 – 74. <https://doi.org/10.1177/23727322221144653>.
5. Джабри, Ф., 2023. Эффективность когнитивно-поведенческого консультирования в снижении уровня гнева у несовершеннолетних правонарушителей. *Международный журнал гуманитарных и образовательных исследований*. <https://doi.org/10.47832/2757-5403.18.7>.
6. Джонс, К., 2021. Повышение удовлетворенности работой с помощью когнитивно-поведенческой терапии. , pp. 26-42. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3519-6.CH002>.
7. Захария, Р., 2023. Когнитивно-поведенческая терапия гнева и агрессии. *Международный журнал сестринского дела и медицинских исследований*. <https://doi.org/10.31690/ijnmi.2023.v08i01.003>.
8. Игу, Н., Орба, Ф., Эзе, У., Бинуомоте, М., Элом, К., Нвиньинья, Э., Угву, Дж. и Экех, Д., 2023. Эффективность когнитивно-поведенческой терапии с йогой в снижении стресса на работе среди преподавателей университетов. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.950969>.
9. Имханрениалена, Б., Эбхотемхен, В., Чукву, И., Оби-Анике, О., и Экеоба, А., 2023. Решение проблем виртуальной работы с помощью врожденного сострадания женщин к управленческому лидерству: на примере Нигерии. *Гендер в менеджменте: An International Journal*. <https://doi.org/10.1108/gm-08-2022-0275>.
10. Инасаридзе, К., 2021. Подход когнитивно-поведенческой терапии для детей и подростков. <https://doi.org/10.31234/osf.io/u5hsb>.
11. Маркова, М., Абдриямова, Т., Гришина, О., Савина, М., Косенко, К., Фалева, Х., & Марков, А., 2019. Феномен саморазрушительного поведения у работниц секс-бизнеса: дескрипторы, предикторы, типология, психологическая коррекция... *Wiadomosci lekarskie*, 72 9 cz 2, pp. 1774-1780. <https://doi.org/10.36740/WLEK201909213>.
12. Рашид, М., Венг, К., Умрани, В., и Моин, М., 2021. Обидное наблюдение и адаптивность к карьере: The Role of Self-Efficacy and Coworker Support. *Human Performance*, 34, pp. 239 – 256. <https://doi.org/10.1080/08959285.2021.1928134>.
13. Ричи, Р., и Пойнтер, О., 2021. Клиническое исследование сокращенной когнитивно-поведенческой терапии через призму межсекторального подхода для женщин-медиков в эпоху COVID-19. *Psychotherapy*. <https://doi.org/10.1037/pst0000385>.
14. Тейлор, Дж. и Новако, Р., 2023. Когнитивно-поведенческая терапия гнева для взрослых с умственной отсталостью: влияние опыта терапевта на результат. *Поведенческая и когнитивная психотерапия*, с. 1-10. <https://doi.org/10.1017/S1352465823000061>.
15. Тзинер А., Бар-Мор Х., Шварц-Ашер Д., Школер О., Гева Л. и Леви Х., 2023. Понимание оскорбительного поведения на рабочем месте. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.990501>.
16. Тигпен, М., Боклер, Т., и Милкман, Х., 2021. Когнитивно-поведенческая терапия. *Энциклопедия геронтологии и старения населения*. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22009-9_300422.
17. Хаджиставропулос, Х., Райзер, С., Бим, Дж., Макколл, Х., Дена, И., Филлипс, А., Шеллген, М., Секхар, С., Кокс, М., Крамм, Х., и Рид, Н., 2023. Когнитивно-поведенческая терапия с использованием Интернета, предназначенная для супругов и близких людей сотрудников служб общественной безопасности: Formative Evaluation Study. *JMIR Formative Research*, 7. <https://doi.org/10.2196/51088>.
18. Хартманн, М., Аппайя, П., Датта, С., Браун, Э., Банай, Р., Казтано, В., Спринг, Х., Сривастса, А., Томас, С., и Шринивасан, К., 2023. “Моя семья тоже была счастлива”: Качественные отчеты пар о комбинированном вмешательстве с использованием поведенческой экономики и когнитивно-поведенческой терапии для снижения употребления алкоголя и насилия со стороны интимного партнера. *Насилие в отношении женщин*, стр. 10778012231170866. <https://doi.org/10.1177/10778012231170866>.
19. Чоу, К., Фриц, Т., Холсти, Л., Барбик, С., и МакГренер, Дж., 2023. Чувствуете стресс и непродуктивность? Полевая оценка вдохновленного терапией цифрового вмешательства для работников сферы знаний. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, 31, pp. 1 – 33. <https://doi.org/10.1145/3609330>.
20. Aliasghari, F., & Farhadi, H., 2023. Эффективность виртуального тренинга по управлению гневом с использованием когнитивно-поведенческого метода на руминацию гнева, психическое здоровье, конфликт между работой и семьей и межличностные отношения. *Occupational Medicine*. <https://doi.org/10.18502/tkj.v15i1.12981>.
21. Andrae, S., Andrae, L., Richman, J., Cherrington, A., & Safford, M., 2021. Вмешательство на основе когнитивно-поведенческой терапии с участием сверстников уменьшило депрессию и стресс у проживающих в общине взрослых с диабетом и хронической болью: кластерное рандомизированное испытание. *Annals of behavioral medicine: a publication of the Society of Behavioral Medicine*. <https://doi.org/10.1093/abm/kaab034>.
22. Bulut, M., & Yüksel, Ç., 2023. Техники самопомощи в управлении гневом с помощью когнитивно-поведенческих вмешательств: Понимание и управление гневом. *Гуманистическая перспектива*. <https://doi.org/10.47793/hp.1222353>.
23. Cuijpers, P., Miguel, C., Harrer, M., Plessen, C., Ciharova, M., Ebert, D., & Karyotaki, E., 2023. Когнитивно-поведенческая терапия в сравнении с контрольными условиями, другими видами психотерапии,

- фармакотерапией и комбинированным лечением депрессии: комплексный мета-анализ, включающий 409 исследований с участием 52 702 пациентов. *World Psychiatry*, 22. <https://doi.org/10.1002/wps.21069>.
24. Luangphituck, W., Voonyamalik, P., & Klainin-Yobas, P., 2023. Эффективность когнитивно-поведенческой терапии на основе Интернета в качестве профилактического вмешательства на рабочем месте для повышения вовлеченности в работу и улучшения психологических результатов: Protocol for a Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Research Protocols*, 12. <https://doi.org/10.2196/38597>.
25. Okereke, G., Ede, M., Adejo, O., Nwadi, L., Oneli, J., Nwahunanya, I., Kontei, E., Oguejiofor, I., Nkemjika, O., Okereke, J., Iliya, J., Udogu, K., Ike, J., & Areji, A., 2023. Стратегия преодоления конфликта между работой и семьей и выгорания у взрослых работников строительной отрасли: A philosophical highlight. *Медицина*, 102. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033933>.
26. Prior, D., Win, S., Hassiotis, A., Hall, I., Martiello, M., & Ali, A., 2023. Поведенческие и когнитивно-поведенческие вмешательства для лечения внешне направленного агрессивного поведения у людей с умственной отсталостью. *The Cochrane database of systematic reviews*, 2, pp. CD003406. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD003406.pub5>.

Cognitive-behavioral approaches to correcting disruptive behavior of female employees in the professional environment

Ekaterina V. Al'skaya

Postgraduate student,
Department of General Psychology and Labor Psychology,
Russian New University,
105005, 22, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alskayaekaterina@gmail.com

Abstract

The study of «disruptive behavior» in professional environments is of paramount importance in contemporary organizational psychology: it bridges the gap between cognitive-emotional triggers and workplace dynamics, revealing complex mechanisms that disrupt team cohesion and productivity. Aim: to investigate the cognitive and emotional factors underlying disruptive behaviour in female employees, with the dual aim of developing and evaluating a remedial programme based on ‘cognitive-behavioural therapy’ (CBT). Methodology: using a mixed method approach, the study combined quantitative approaches – surveys and statistical analysis (correlation/regression models) – with qualitative methods, including structured interviews and observational data (providing insight into participants' psychological triggers). A sample of 150 female employees from different industries (aged 25-50 years) was analysed, focusing on ‘recorded incidents’ of interpersonal conflict. Results: the results showed that perfectionism (reported in 47% of participants) and fear of failure (associated with 62% of reported conflicts) were the dominant triggers; the implemented CBT-based programme reduced team conflict by 40% and increased overall performance by 15%, highlighting its effectiveness in reconfiguring maladaptive thought patterns into constructive emotional responses. The findings highlight the practical relevance of cognitive-behavioural interventions, offering scalable solutions for work environments; the adaptable structure of the programme (which has been successfully pre-tested in healthcare) suggests potential applicability in a variety of professional settings. By systematically addressing the underpinnings of workplace discord – perceptual biases, emotional dysregulation and cognitive schemas – the study provides a solid foundation for improving ‘cognitive ergonomics’ and promoting sustainable workplace harmony.

For citation

Al'skaya E.V. (2024) Kognitivno-povedencheskie podkhody k korrektsii destruktivnogo povedeniya rabotnikov-zhenshchin v professional'noi srede [Cognitive-behavioral approaches to correcting disruptive behavior of female employees in the professional environment]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 3-17.

Keywords

Cognitive behavioural therapy, disruptive behaviour, workplace conflict, emotional regulation, cognitive ergonomics, productivity enhancement, organisational psychology.

References

1. Attia, A. (2023). Kognitivno-povedenskaya terapiya v lechenii narkomanii [Cognitive-behavioral therapy in the treatment of addiction]. *Zhurnal terapii i issledovaniy zavisimostey* [Journal of Therapy and Addiction Research]. <https://doi.org/10.29328/journal.jatr.1001025>.
2. Bentler, D., Kadi, G., Mayer, G. (2023). Povishenie proekologicheskogo povedeniya v domashnemi rabochem kontekste s pomoshch'yu kognitivnogo dissonansa i avtonomii [Enhancing pro-environmental behavior in home and work contexts through cognitive dissonance and autonomy]. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1199363>.
3. Granitsa, A. (2021). Primenenie kognitivno-povedenskogo podkhoda v psikhoterapii samopovrezhdayushchego povedeniya [Application of the cognitive-behavioral approach in the psychotherapy of self-harming behavior]. *Vestnik nevrologii* [Bulletin of Neurology]. <https://doi.org/10.17816/nb71159>.
4. Greer, B. (2023). Barriers to accessing effective treatments for destructive behavior. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 10, 68-74. <https://doi.org/10.1177/23727322221144653>.
5. Jabri, F. (2023). Effektivnost' kognitivno-povedenskogo konsultirovaniya v snizhenii urovnya gneva u nesovershennoletnikh pravonarushiteley [Effectiveness of cognitive-behavioral counseling in reducing anger levels among juvenile offenders]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i obrazovatel'nykh issledovaniy* [International Journal of Humanities and Educational Studies]. <https://doi.org/10.47832/2757-5403.18.7>.
6. Jones, K. (2021). Povishenie udovletvorennosti raboty s pomoshch'yu kognitivno-povedenskoy terapii [Enhancing job satisfaction through cognitive-behavioral therapy]. pp. 26-42. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3519-6.CH002>.
7. Zakhariya, R. (2023). Kognitivno-povedenskaya terapiya gneva i aggressii [Cognitive-behavioral therapy for anger and aggression]. *Mezhdunarodnyy zhurnal sestrinskogo dela i meditsinskikh issledovaniy* [International Journal of Nursing and Medical Research]. <https://doi.org/10.31690/ijnmi.2023.v08i01.003>.
8. Igua, N., Ogba, F., Eze, U., Binuomote, M., Elom, K., Nvin'iniya, E., Ugu, J., Ekekh, D. (2023). Effektivnost' kognitivno-povedenskoy terapii s yogoy v snizhenii stressa na rabote sredi prepodavateley universitetov [Effectiveness of cognitive-behavioral therapy with yoga in reducing work-related stress among university teachers]. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.950969>.
9. Imkhanrenialena, B., Ebotemhen, V., Chukwu, I., Obi-Anike, O., Ekeoba, A. (2023). Reshenie problem virtual'noy raboty s pomoshch'yu vrozhdennogo sostradaniya zhenshchin k upravlencheskomu liderstvu: na primere Nigerii [Addressing virtual work issues through women's inherent compassion for managerial leadership: The case of Nigeria]. *Gender in Management: An International Journal*. <https://doi.org/10.1108/gm-08-2022-0275>.
10. Inasaridze, K. (2021). Podkhod kognitivno-povedenskoy terapii dlya detey i podrostkov [Cognitive-behavioral therapy approach for children and adolescents]. <https://doi.org/10.31234/osf.io/u5hsb>.
11. Markova, M., Abdrakhimova, T., Grishina, O., Savina, M., Kosenko, K., Faleva, H., Markov, A. (2019). Fenomen samorazrushitel'nogo povedeniya u rabotnits seks-biznesa: deskryptory, prediktory, tipologiya, psikhologicheskaya korrektsiya [The phenomenon of self-destructive behavior among sex workers: descriptors, predictors, typology, psychological correction]. *Wiadomosci lekarskie*, 72(9 cz 2), 1774-1780. <https://doi.org/10.36740/WLEK201909213>.
12. Rashid, M., Weng, K., Umrani, V., Moin, M. (2021). Obidnoe nablyudenie i adaptivnost' k kar'ere: The Role of Self-Efficacy and Coworker Support [Abusive supervision and career adaptability: The role of self-efficacy and coworker support]. *Human Performance*, 34, 239-256. <https://doi.org/10.1080/08959285.2021.1928134>.
13. Richie, R., Pointer, O. (2021). Klinicheskoe issledovanie sokrashchennoi kognitivno-povedenskoi terapii cherez prizmu mezhshektornal'nogo podkhoda dlya zhenshchin-medikov v epokhu COVID-19 [Clinical study of brief cognitive-behavioral therapy through the lens of an intersectoral approach for women physicians during the COVID-19 era]. *Psychotherapy*. <https://doi.org/10.1037/ps0000385>.
14. Taylor, J., Novako, R. (2023). Kognitivno-povedenskaya terapiya gneva dlya vzroslykh s umstvennoy otstalost'yu: vliyanie opyta terapevta na rezultat [Cognitive-behavioral therapy for anger in adults with intellectual disabilities: The

- impact of therapist experience on outcomes]. *Povedencheskaya i kognitivnaya psikhoterapiya [Behavioral and Cognitive Psychotherapy]*, 1-10. <https://doi.org/10.1017/S1352465823000061>.
15. Tziner, A., Bar-Mor, H., Schwartz-Asher, D., Shkoler, O., Geva, L., Levi, H. (2023). Poniatie oskorbitelnogo povedeniya na rabochem meste [Understanding abusive behavior in the workplace]. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.990501>.
  16. Tigpen, M., Bokler, T., Milkman, H. (2021). Kognitivno-povedenskaya terapiya [Cognitive-behavioral therapy]. *Entsiklopediya gerontologii i stareniya naseleniya [Encyclopedia of Gerontology and Population Aging]*. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22009-9_300422.
  17. Hadjistavropoulos, H., Raiser, S., Beam, J., McCall, H., Denna, I., Phillips, A., Sheltgen, M., Sekhar, S., Cox, M., Kramm, H., Reid, N. (2023). Kognitivno-povedenskaya terapiya s ispol'zovaniem Interneta, prednaznachennaya dlya suprogov i blizkikh lyudey sotrudnikov sluzhbb obshchestvennoy bezopasnosti: Formative Evaluation Study [Internet-based cognitive-behavioral therapy for spouses and significant others of public safety personnel: Formative evaluation study]. *JMIR Formative Research*, 7. <https://doi.org/10.2196/51088>.
  18. Khartmann, M., Appayya, P., Datta, S., Brown, E., Banai, R., Caetano, V., Spring, H., Srivastava, A., Thomas, S., Srinivasan, K. (2023). "My family was happy too": Qualitative reports from couples on a combined intervention using behavioral economics and cognitive-behavioral therapy to reduce alcohol use and intimate partner violence. *Violence Against Women*, Article 10778012231170866. <https://doi.org/10.1177/10778012231170866>.
  19. Chow, K., Fritz, T., Holsti, L., Barbik, S., McGrenere, J. (2023). Feeling stressed and unproductive? A field evaluation of a therapy-inspired digital intervention for knowledge workers. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, 31, 1-33. <https://doi.org/10.1145/3609330>.
  20. Aliasghari, F., Farhadi, H. (2023). Effectiveness of virtual anger management training using cognitive-behavioral methods on anger rumination, mental health, work-family conflict, and interpersonal relationships. *Occupational Medicine*. <https://doi.org/10.18502/tkj.v15i1.12981>.
  21. Andrae, S., Andrae, L., Richman, J., Cherrington, A., Safford, M. (2021). Peer-involved cognitive-behavioral therapy intervention reduced depression and stress in community-dwelling adults with diabetes and chronic pain: A cluster randomized trial. *Annals of Behavioral Medicine: A publication of the Society of Behavioral Medicine*. <https://doi.org/10.1093/abm/kaab034>.
  22. Bulut, M., Yüksel, Ç. (2023). Self-help techniques in anger management using cognitive-behavioral interventions: Understanding and managing anger. *Humanistic Perspective*. <https://doi.org/10.47793/hp.1222353>.
  23. Cuijpers, P., Miguel, C., Harrer, M., Plessen, C., Ciharova, M., Ebert, D., Karyotaki, E. (2023). Cognitive-behavioral therapy versus control conditions, other psychotherapies, pharmacotherapy, and combined treatment for depression: A comprehensive meta-analysis including 409 studies with 52,702 patients. *World Psychiatry*, 22. <https://doi.org/10.1002/wps.21069>.
  24. Luangphituck, W., Boonyamalik, P., Klainin-Yobas, P. (2023). Effectiveness of internet-based cognitive-behavioral therapy as a workplace preventive intervention for enhancing work engagement and improving psychological outcomes: Protocol for a systematic review and meta-analysis. *JMIR Research Protocols*, 12. <https://doi.org/10.2196/38597>.
  25. Okereke, G., Ede, M., Adejo, O., Nwadi, L., Oneli, J., Nwahunanya, I., Kontei, E., Oguejiofor, I., Nkemjika, O., Okereke, J., Iliya, J., Udogu, K., Ike, J., Areji, A. (2023). Coping strategies for work-family conflict and burnout among adult construction workers: A philosophical highlight. *Medicine*, 102. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033933>.
  26. Prior, D., Win, S., Hassiotis, A., Hall, I., Martiello, M., Ali, A. (2023). Behavioral and cognitive-behavioral interventions for the treatment of outwardly directed aggressive behavior in individuals with intellectual disabilities. *The Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2, CD003406. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD003406.pub5>.

УДК 159.9

Характеристика формирования комбинаторных действий в начальной школе

Зак Анатолий Залманович

Ведущий научный сотрудник,
Психологический институт Российской академии образования,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, 9;
e-mail: jasmin67@mail.ru

Аннотация

Целью исследования было определение условий совершенствования комбинаторных действий у младшеклассников (в частности у школьников 3 класса). Авторская образовательная программа «Комбинация-2» должна была создать такие условия. Программа включает 30 видов нестандартных заданий с внеурочным содержанием. Каждый вид заданий имел три структурных варианта: найти ответ, найти вопрос, найти часть исходных условий. Выполнение этих заданий требует осуществления комбинаторных действий. Контрольную группу составил 91 ученик, экспериментальную – 96 учеников, которые приняли участие в 30 групповых занятиях (еженедельно, с сентября по май). Была проведена первичная и заключительная диагностика комбинаторных действий. Исследование показало, что занятия по программе «Комбинация-2» способствуют совершенствованию комбинаторных действий у детей. В дальнейших исследованиях планируется определить, в какой степени программа «Комбинация-2» способствует совершенствованию комбинаторных действий у детей 10 лет (четвероклассников).

Для цитирования в научных исследованиях

Зак А.З. Характеристика формирования комбинаторных действий в начальной школе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 18-31.

Ключевые слова

Комбинаторные действия, формирование, дети 9 лет, программа «Комбинация-2», внеурочные занятия.

Введение

Совершенствование комбинаторных действий в начальной школе необходимо для успешного освоения математики в средних и старших классах школы.

Анализ исследований, посвященных рассмотрению особенностей решения комбинаторных задач младшими школьниками, позволяет выделить несколько основных направлений

В одном направлении изучались: представления детей отмеченного возраста о числе при решении соответствующего типа математических задач [Palmér, van Bommel, 2017]; особенности систематизации и представления решений таких задач [Palmér, van Bommel, 2018]; варианты нахождения результата с использованием пиктографических и иконических представлений содержания (например, животных) в контексте заданий и использования цифровых инструментов [Темникова, 2018]; особенности применения при решении задач систематизации и дублирования действий. в сочетании с использованием цифрового варианта предлагаемых визуальных условий [Van Bommel, Palmér, 2018].

В целом результаты проведенных исследований показывают, что успешность решения комбинаторных задач в изучаемом возрасте связана с представлениями детей о числе, а также с систематизацией и использованием цифровых инструментов.

Другое направление исследований было связано со сравнением особенностей решения комбинаторных задач детьми 7 и 5 лет. Установлено [English, 1991], что дети 7 лет, в отличие от детей 5 лет, способны находить системные стратегии решения комбинаторных задач с двумя переменными признаками.

На основе экспериментов с детьми 7 и 4 – 6 лет [Поддяков, 2011] показано, что у детей старшего возраста, в отличие от младших, игра с нестандартными конструкциями многомерных объектов в большей степени способствует развитию комбинаторных навыков.

В третьем направлении исследований изучались возможности детей 7 –12 лет в решении комбинаторных задач. Было установлено: дети 7 лет на основе анализа сортировки различных объектов (рисунков, букв, фишек домино, цифр) способны находить различные успешные стратегии комбинирования этих объектов [Крес, 2014]; дети 8 лет могут структурировать решение простых комбинаторных задач на основе использования ими информативных представлений [15], дети 7 и 8 лет могут находить успешные стратегии решения комбинаторных задач с тремя изменяющимися признаками [English, 1993].

Следует отметить, что в более поздней работе [English, 2005] этот автор, обобщая результаты предыдущих исследований [English, 1991; English, 1993], показывает, что сложность решаемых детьми комбинаторных задач связана с когнитивными способностями младших школьников.

Такой же вывод был сделан и в результате экспериментов с детьми 8 - 11 лет [Van Bommel, Palmér, 2018] успешность решения комбинаторных задач различной сложности связана с уровнем развития интеллекта, определяемым по результатам решения известных задач Пиаже [Piaget, 1969] на сохранение количества.

Четвертое направление исследований было связано с изучением стратегий и методов решения комбинаторных задач детьми: охарактеризованы основные методы успешного решения разных типов комбинаторных задач детьми 10–11 лет и показана эффективность

применения систематической записи при создании учениками возможных групп элементов с помощью рассуждений [Palmér, van Bommel, 2018; Piaget, Inhelder, 1969]; отмечено, что не все учащиеся 3-го класса могут самостоятельно найти решение комбинаторных задач и что используемые учащимися представления не оказывают существенного влияния на достижение правильного решения, а наибольшее влияние оказывает применение стратегий для нахождения результата [Зак, 2004]; описаны методы решения учащимися 2 и 3 классов комбинаторных задач, связанных с расчетом возможных вариантов сочетаний предложенных элементов в соответствии с определенными требованиями [Maher, Yankelewitz, www...]; установлено, что при изучении связи схем и интуиции на материале решения комбинаторных задач различного рода (перестановки, расстановки с заменой и без нее, сочетания) дети 6 лет могут решать комбинаторные задачи не только с помощью рассуждений, но и интуитивно, опираясь при этом на правильные и неправильные схемы [Eizenberg, Zaslavsky, 2003], – данные последнего исследования позволили авторам утверждать, что для формулирования у детей правильных интуитивных догадок необходимо использовать правильные схемы решения.

Специальное исследование стратегий поиска решения комбинаторных задач младшими школьниками [Höveler, 2016; Höveler, 2018; Höveler, www...] показало, что дети используют три основные стратегии подсчета количества возможных комбинаций — мультипликативную, аддитивную и компенсационную, — которые отражают традиционные принципы комбинаторного счета.

Изучение процесса решения комбинаторных задач [Hidayati, Sa'dijah, Abd Qohar, 2019] позволило выделить основные 4 этапа: идентификация (характеристика комбинаторной задачи), выбор объекта комбинирования, вывод (определение типа комбинирования) и рефлексия (сравнение содержания предыдущих этапов).

Пятое направление исследований связано с различного рода вмешательствами в процесс обучения решению комбинаторных задач. Так, анализ возможностей освоения в начальной школе методов решения комбинаторных задач на основе оригинальной творческой педагогической стратегии, реализуемой путем методического преобразования комбинаторных элементов в начальных разделах математики, показало, что с помощью этой стратегии достигаются более существенные эффекты по сравнению с существующим низким уровнем решения комбинаторных задач и что применение этой стратегии может существенно повлиять на качество начального обучения математике и интеллектуальное развитие детей [Krekić-Pinter, Ivanović, Namestovski, 2015].

Исследование особенностей обучения учащихся 1–4 классов решению комбинаторных задач позволило установить, что за счет использования в курсе сочетания различных стратегий, связанных с перестановкой элементов, у детей формируются умения осуществлять сочетание различных объектов [Поддяков, 2011].

Рассмотрение влияния кооперации на решение комбинаторных задач привело к открытию взаимосвязи кооперации, контроля и успешного решения задач, которая характеризуется тем, что кооперация приводит к более высоким степеням контроля, что, в свою очередь, приводит к более правильным решениям [Eizenberg, Zaslavsky, 2003].

Краткое описание исследования

Содержание рассмотренных исследований позволяет отметить, что большинство исследователей используют учебный материал. Мы считаем, что материалы неучебного

содержания также могут быть использованы для совершенствования комбинаторных действий. Эти материалы создают благоприятные условия для усвоения комбинаторных действий, так как знание учебной программы не определяет в этом случае успешность решения предлагаемых поисковых задач (в отличие от учебного материала). Дети с недостаточной успеваемостью более уверены в решении неучебных задач, так как этот новый опыт не связан у них с неудачами.

Целью настоящего исследования было определение условий совершенствования комбинаторных действий у детей 9 лет.

Гипотеза работы состояла в том, что условием отмеченного совершенствования служат 30 занятий по программе «Комбинация-2».

Это предположение основано на результатах предварительных экспериментов, в которых 18 детей 9 лет на 12 занятиях (по два в неделю) решали задания программы «Комбинация-2». Установлено, что такие задания способствовали совершенствованию комбинаторных действий [Зак, 2004].

Программа включает 30 видов нематематических комбинаторных задач трех категорий: компаративные, пространственные и маршрутные. Решение компаративных задач связано с поиском сочетаний признаков в сравниваемых объектах, решение пространственных задач связано с поиском сочетаний действий по преобразованию одного расположения объектов в другое, решение маршрутных задач связано с поиском сочетаний воображаемых перемещений персонажей на игровом поле.

Исследование состояло из трех этапов. На 1-м этапе участвовали две группы учащихся (контрольная группа - 91 ребенок, экспериментальная группа – 96 детей). Все учащиеся решали поисковые задачи для определения степени сформированности комбинаторных познавательных действий. На 2-м этапе с экспериментальной группой было проведено 30 занятий по программе «Комбинация-2» (по одному занятию в неделю). На 3-м этапе дети обеих групп снова решали те же поисковые задачи, что и на 1-м этапе.

Материалы и методы

Программа «Комбинация-2» рассчитана на проведение 30 занятий на основе 30 видов нестандартных заданий с неучебным содержанием: 10 видов задач на сравнение геометрических фигур (компаративные задачи), 10 видов пространственных задач, 10 задач видов на перемещение воображаемых персонажей по определенным правилам (маршрутные задачи). Отмеченные компаративные, пространственные и маршрутные задачи способствуют совершенствованию комбинаторных познавательных действий. На каждом занятии дети решали задачи одного типа.

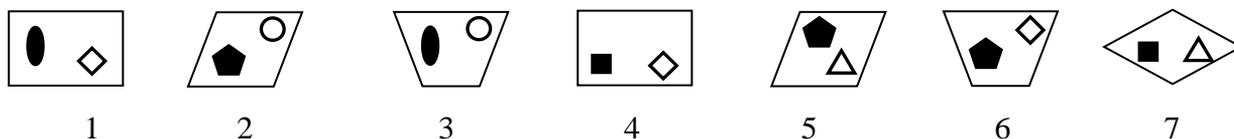
1. Содержание программы «Комбинация-2».

Урок 1: компаративные задачи (тип 1). Урок 2: пространственные задачи (тип 1). Урок 3: маршрутные задачи (тип 1). Урок 4: компаративные задачи (тип 2). Урок 5: пространственные задачи (тип 2). Урок 6: маршрутные задачи (тип 2). Урок 7: компаративные задачи (тип 3). Урок 8: пространственные задачи (тип 3). Урок 9: маршрутные задачи (тип 3). Урок 10: компаративные задачи (тип 4). Урок 11: пространственные задачи (тип 4). Урок 12: маршрутные задачи (тип 4). Урок 13: компаративные задачи (тип 5). Урок 14: пространственные задачи (тип 5). Урок 15: маршрутные задачи (тип 5). Урок 16: компаративные задачи (тип 6). Урок 17: пространственные задачи (тип 6). Урок 18: маршрутные задачи (тип 6). Урок 19: компаративные задачи (тип 7). Урок 20: пространственные задачи (тип 7). Урок 21: маршрутные задачи (тип 7).

Урок 22: компаративные задачи (тип 8). Урок 23: пространственные задачи (тип 8). Урок 24: маршрутные задачи (тип 8). Урок 25: компаративные задачи (тип 9). Урок 26: пространственные задачи (тип 9). Урок 27: маршрутные задачи (тип 9). Урок 28: компаративные задачи (тип 10). Урок 29: пространственные задачи (тип 10). Урок 30: маршрутные задачи (тип 10).

2. Компаративные задачи.

10 типов задач, в которых требуется сравнивать геометрические фигуры – четырехугольники разной формы (рис.1).

Рисунок 1 - Четырехугольники с дополнительными изображениями (признаками)

Тип 1, например: «Рассмотри четырехугольники 2, 3, 6. Какой четырехугольник похож по форме на четырехугольник 6?»

Тип 2, например: «Четырехугольники 1, 3, 5. Какой четырехугольник имеет одинаковый признак с четырехугольником 5?»

Тип 3, например: «Четырехугольники 1, 4, 5. Какой четырехугольник, 4 или 5, имеет больше одинаковых признаков с четырехугольником 1?»

Тип 4, например: «Четырехугольники 2, 4, 7. Какой четырехугольник, 2 или 4, имеет меньше одинаковых признаков с четырехугольником 7?»

Тип 5, например: «Четырехугольники 1, 2, 3, 6. Какой четырехугольник, 2 или 3, похож по форме на четырехугольник 6 и имеет такую же темную маленькую фигуру, как у четырехугольника 1?»

Тип 6, например: «Четырехугольники 1, 4, 6, 7. Какой четырехугольник, 1 или 4, имеет один одинаковый признак с четырехугольником 6 и один одинаковый признак с четырехугольником 7?»

Тип 7, например: «Четырехугольники 1 - 7. Четырехугольники 1 и 6 имеют один и тот же признак. Какие два четырехугольника — 2, 3 или 1, 4 — имеют больше одинаковых признаков, чем четырехугольники 1, 6?»

Тип 8, например: «Четырехугольники 1 - 7. Какой четырехугольник, 3 или 5, похож по форме на четырехугольник 1, имеет темную маленькую фигуру, как у четырехугольника 6, и светлую маленькую фигуру, как у четырехугольника 2?»

Тип 9, например: «Четырехугольники 1 - 7. Какой четырехугольник, 4 или 3, имеет один одинаковый признак с четырехугольником 1, один одинаковый признак с четырехугольником 2 и один одинаковый признак с четырехугольником 6?»

Тип 10, например: «Четырехугольники 1 - 7. Четырехугольники 2, 5, 6 имеют один одинаковый признак. Какие три четырехугольника — 2, 3, 5; 1, 4, 6 или 5, 6, 7 — имеют равное количество одинаковых признаков с четырехугольниками 2, 5, 6?»

3. Пространственные задачи.

10 типов пространственных задач, в которых требуется одно расположение объектов преобразовать в другое.

Тип 1, например: «Как за два хода изменить положение букв | Н | | Г |, чтобы получить следующее расположение | Г | Н | | ?» Правило: один ход — это перемещение любой буквы на

свободное место. Решение: 1. | Н | | Г | --- | | Н | Г | ; 2. | | Н | Г | --- | Г | Н | | или | Н | | Г | --- | | Н | Г | --- | Г | Н | | : на 1-м ходу буква «Н» перемещается на свободное место, на 2-м ходу — перемещается буква «Г».

Тип 2, например: «Как можно за два хода изменить расположение букв | Г | Г | Н | | , чтобы получить следующее расположение цифр | 4 | 7 | | 7 | ?

Правило: 1) один ход — это перемещение любой буквы на пустое место; 2) одинаковые буквы должны быть размещены так же, как и одинаковые цифры. Решение: | Г | Г | Н | | --- | | Г | Н | Г | --- | Н | Г | | Г | .

Тип 3, например: «Как можно изменить положение букв | Н | | Г | | Т | за два хода, чтобы получить следующее расположение | | Н | Г | Т | | ? »

Правило: один ход — это перемещение любой буквы на свободное место.

Решение: 1. | Н | | Г | | Т | --- | | Н | Г | | Т | ; 2. | | Н | Г | | Т | --- | | Н | Г | Т | | или | Н | | Г | | Т | --- | | Н | Г | | Т | --- | | Н | Г | Т | | : на 1-м ходу буква «Н» перемещается на свободное место, на 2-м ходу — перемещается буква «Т».

Тип 4, например: «Как расстановку букв | Н | | Н | | Т | изменить за два хода так, чтобы получить расстановку цифр | | 6 | 6 | 3 | | ? » Правило:

1) один ход — перемещение любой буквы на пустое место; 2) одинаковые буквы должны быть размещены так же, как и одинаковые цифры.

Решение: | Н | | Н | | Т | --- | | Н | Н | | Т | --- | | Н | Н | Т | | .

Тип 5, например: «Как можно изменить расположение букв: за

Н	В
---	---

два хода так, чтобы получилось следующее расположение: ?

?
Н

Решение:

Н	В
---	---

 --

Н	В
---	---

 : на

Н
---

 1 буква «Т» перемещается на свободное место, на ходу 2 — буква «Н».

Тип 6, например: «Как можно изменить расположение букв за

за

Н	Т
---	---

два хода так, чтобы получилась следующая расстановка цифр ?»

?
5

Правило: одинаковые буквы должны быть размещены так же, как и одинаковые цифры.

Решение:

Н	Т
---	---

 --

Н	Т
---	---

 : на

Н
---

 1 буква «Т» перемещается на свободное место, на ходу 2 — буква «Н».

Тип 7, например: «Как можно изменить расположение букв: НТД за два хода так, чтобы получилась следующая расстановка: ДНТ?» Правило: один ход — одновременный обмен местами двух букв. Решение: НТД ... НДТ ... ДНТ: сначала меняются местами буквы Т и Д, затем буквы Н и Д.

Тип 8, например: «Как можно изменить расстановку букв Н Т Т Д за два хода, чтобы получить расстановку цифр 6 8 5 5?» Решение: Н Т Т Д ... Н Т Д Т ... Н Д Т Т

Тип 9, например: «Как можно изменить расстановку букв:

Н	Д
---	---

за два хода, чтобы получить следующую расстановку:

Правило: один ход — одновременный обмен местами двух С Н

Решение: ... Н Д -- Н С С Н

Тип 10, например: «Как можно изменить расстановку букв:

Н Д

за два хода, чтобы получить следующую расстановку цифр

?» 9 4

Решение Н Д --- Д Н --- Д Н

2. 4. Маршрутные задачи.

10 типов маршрутных задач, связанных с перемещением воображаемых персонажей на игровом поле по определенным правилам.

1	2	3	4	5
6	7	8	9	10
11	12	13	14	15
16	17	18	19	20
21	22	23	24	25

Рисунок 2 - Игровое поле

Тип 1, например: «Какие два шага сделал муравей, чтобы попасть из 11 в 18?» Правило: 1) «Муравей» – воображаемый персонаж, который перемещается по числам в клетках на квадратном игровом поле; 2) характеристики его перемещений таковы: (а) он шагает прямо, то есть в соседнюю клетку по вертикали (например, из клетки 13 в клетку 8 или клетку 18) или по горизонтали (например, из клетки 13 в клетку 14 или 12); (б) он шагает наискось, то есть по диагонали (например, из клетки 13 в клетку 7 или 9 или 19 или 17); 3) муравей не может сделать два одинаковых шага (два прямых шага или два шага наискось) подряд. Решение: 11 ... 12 ... 18.

Тип 2, например: «Какие два полета совершила бабочка, чтобы добраться из 11 в 5?» Правило: 1) «Бабочка» – воображаемый персонаж, который перемещается по числам в клетках на квадратном игровом поле; 2) характеристики ее перемещений таковы: (а) она летит прямо, то есть через клетку по вертикали (например, из клетки 13 в клетку 3 или клетку 23) или по горизонтали (например, из клетки 13 в 11 или 15); (б) она летит наискось, то есть по диагонали, например: из 13 в 5 или 1 или 21 или 25; 3) бабочка не может совершить два одинаковых полета

(два прямых полета или два полета наискось) подряд. Решение: 11 ... 13 ... 5.

Тип 3, например: «Какие два прыжка сделал кузнечик, чтобы попасть из 11 в 19?» Правило: 1) «Кузнечик» – воображаемый персонаж, который перемещается по числам в клетках на квадратном игровом поле; 2) характеристики его движений следующие: он прыгает через клетку (например, из клетки 13 в клетку 6 или 2 или 4 или 10 или 20 или 24 или 22 или 16). Решение: 11 ... 22 ... 19.

Тип 4, например: «Какие два перемещения нужно сделать муравью (прямо) и бабочке (наискосок), чтобы попасть из 7 в 20?» Решение: 7...8 ... 20.

Тип 5, например: «Какие два перемещения нужно сделать муравью (наискосок) и бабочке (прямо), чтобы попасть из 8 в 22?» Решение: 8...12... 22.

Тип 6, например: «Какие два перемещения должны сделать муравей (прямо) и кузнечик, чтобы добраться от 2 до 10?» Решение: 2 ... 3 ... 10.

Тип 7, например: «Какие два перемещения должны сделать муравей (наискосок) и кузнечик, чтобы добраться от 4 до 17?» Решение: 4 ... 8 ... 17.

Тип 8, например: «Какие два перемещения должны сделать бабочка (прямо) и кузнечик, чтобы добраться от 18 до 5?» Решение: 18 ... 8 ... 5.

Тип 9, например: «Какие два перемещения должны сделать бабочка (наискосок) и кузнечик, чтобы добраться от 7 до 22?» Решение: 7...19...22.

Тип 10, например: «Какие три перемещения нужно сделать муравью, бабочке и кузнечик, чтобы из 6 попасть в 22?» Решение: 6...7...19...22.

2.5. Характеристика дополнительных занятий.

Занятия по программе «Комбинация-2» включают три периода.

В первом периоде (около 15 минут) учитель и дети рассматривают способы решения типа задач, предназначенных для данного урока. Требуется, чтобы ученики, во-первых, поняли, в чем заключается искомое в задачах того типа, которые предлагаются на данном уроке, а во-вторых, что нужно сделать, чтобы найти искомое. Учитель рассказывает ученикам, как разбирать задачи, как действовать для нахождения искомого и как контролировать свои действия при решении задач.

Во втором периоде (около 30 минут) дается время на самостоятельное решение 12-15 задач. Здесь дети имеют возможность использовать информацию, предоставленную учителем в предыдущем периоде, для поиска требуемого результата в предложенных задачах.

В третьем периоде (около 15 минут) учитель проверяет самостоятельно решенные детьми задачи. При этом особое внимание он уделяет неверным результатам, чтобы еще раз проинформировать детей о том, как понимать условия задач и как действовать, чтобы найти искомое.

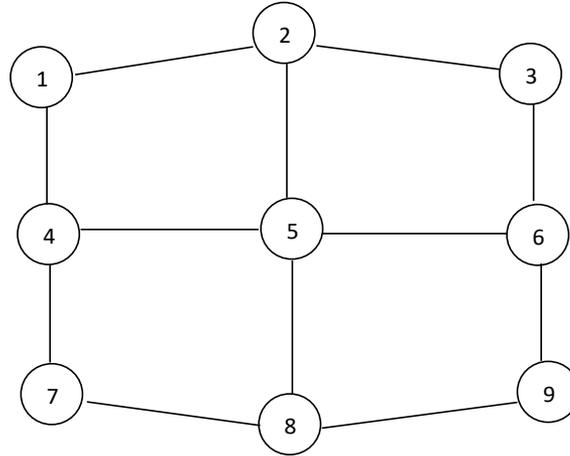
2.6. Диагностика комбинаторных действий.

До и после 30 занятий проводилась групповая диагностика. Детям предлагались комбинаторные задачи, связанные с поиском комбинаций перестановок между двумя цифрами на игровом поле 2.

Сначала детям говорилось, что круги – это дома, в которых живут цифры. Линии между кругами — это дороги, которые ведут от домика одной цифры к домику другой.

Затем учитель пишет на классной доске условие простой комбинаторной задачи: (4 ---? --- 2) и говорит детям: «Вам нужно узнать, какие две дороги могут привести от цифры 4 к 2?» Далее он рассматривал решение задачи с учениками. После обсуждения были записаны оба варианта решения: (4 --- 5 --- 2) и (4 --- 1 --- 5).

После этого детям были предложены две сложные комбинаторные задачи, в которых нужно было найти все комбинации из трех дорог между двумя цифрами: 1) 2 ---? ---? --- 8; 2) 6 ---? ---? --- 4.

Рисунок 3 - Игровое поле 2

На каждую задачу отводилось по десять минут.

При интерпретации результатов решения задачи учитывалось, что выбор последующей комбинации по отношению к предыдущей может быть случайным или последовательным. В 1-м варианте пары соседних комбинаций не имеют общего компонента, например: (2 --- 1 --- 4 --- 8) или (2 --- 5 --- 6 --- 8). Во 2-м варианте выбор последующей комбинации включал компонент, который был в предыдущей комбинации, например: (2 --- 1 --- 4 --- 8) или (2 --- 1 --- 5 --- 8).

Если выбор каждой последующей комбинации был случайным, то стратегия считалась хаотичной. Если выбор был предельно последовательным, то такая стратегия считалась систематической. При такой стратегии имелось максимальное количество (шесть) смежных пар комбинаций с общим компонентом. Если в процессе решения задачи производились случайные и последовательные выборы, то такая стратегия считалась смешанной, – она может содержать от одного до пяти последовательных вариантов. Это позволяет выделить пять уровней последовательности в реализации смешанной стратегии.

Обработка результатов решения задач по обоим заданиям позволила выделить три группы испытуемых в контрольной и экспериментальной группах. Дети подгруппы А реализовали хаотическую стратегию при решении обеих задач, дети подгруппы Б решили первую задачу с хаотической стратегией, вторую — со смешанной стратегией, дети подгруппы В реализовали смешанную стратегию при решении обеих задач.

Результаты и обсуждение

1. Характеристика совершенствования комбинаторных действий у детей экспериментальной и контрольной групп.

Таблицы 1а и 1б.

Учащиеся контрольной (К) и экспериментальной (Э) групп, решившие на основе случайной стратегии две задачи (подгруппа А) и одну задачу (подгруппа Б), и решившие обе задачи с

использованием смешанной стратегии (подгруппа В) в сентябре (таблица 1) и мае (таблица 2).

Таблица 1 - Сентябрь

Подгруппы	А	Б	В
Группа (К)	44 (48,35%)	24 (26,37%)	23 (25,27%)
Группа (Э)	49 (51,04%)	24 (25,00%)	23 (23,96%)

Таблица 2 - Май

Подгруппы	А	Б	В
Группа (К)	36 (39,56%)**	28 (30,77%)	27 (29,61%)*
Группа (Э)	18 (18,75%)**	35 (36,46%)	43 (44,79%)*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Согласно данным таблицы 1, результаты, продемонстрированные детьми контрольной и экспериментальной групп, использовавшими случайные и смешанные стратегии, достоверно не различались.

Различие в численности подгрупп А в группах (К) и (Э) составила 2,69%, подгрупп Б – 1,37%, подгрупп В - 1,31%. В мае (таблица 1б) различие в численности подгрупп изменилось и стало статистически значимым для подгрупп А и В, соответственно: 21,81% ($p < 0,01$) и 15,18% ($p < 0,05$). При этом различие подгрупп Б увеличилось с 1,37% до 5,69%, но осталось статистически незначимым.

Таким образом, исследование подтверждает исходную гипотезу: программа «Комбинация-2» способствует совершенствованию комбинаторных действий у детей 9 лет, обучающихся в 3 классе.

2. Условия эксперимента.

Отмеченный результат объясняется особенностями программы «Комбинация-2»: неучебное содержание поисковых задач, дифференциация их по виду (пространственные, компаративные, маршрутная) и по сложности.

Важную роль в полученном результате играют также специфические характеристики внеурочной деятельности: 30 дополнительных часовых уроков, которые проводились еженедельно в течение девяти месяцев. Каждый урок состоял из трех частей — предварительное обсуждение, самостоятельное решение задач, итоговое обсуждение. Предварительное и итоговое обсуждения способствовали совершенствованию комбинаторных действий, поскольку были направлены на обучение детей способам анализа и решения задач, методам контроля поисковых действий и оценки получаемых решений.

Испытуемыми выступили обычные ученики обычных классов двух обычных школ. Контрольная группа состояла из двух классов одной и трех классов другой школы, а экспериментальная группа состояла из трех классов первой и двух классов второй школы.

3. Ограничения исследования.

В сентябре, в среднем, 48,35% учеников применяли случайные стратегии, 26,37% – случайные и смешанные стратегии, 25,27% – смешанные стратегии. При ином составе испытуемых, когда результаты составили бы, соответственно, 30%, 20% и 10%, успешность дополнительных уроков была бы ниже.

Характеристика педагогов. Их педагогический стаж, в среднем, составлял 15 – 20 лет, но если бы он был 3 – 5 лет, то совершенствование действий у детей экспериментальной группы было бы менее эффективным.

Заключение

Как было отмечено, целью исследования было определение условий совершенствования комбинаторных действий у детей 9 лет, обучающихся в третьем классе. В итоге работы было установлено, что авторская программа «Комбинация-2» (30 типов неучебных заданий разной сложности трех видов) действительно выступает существенным условием достижения этой цели.

Полученные в ходе исследования новые знания об условиях совершенствования комбинаторных действий расширяют и уточняют представления возрастной психологии о возможностях интеллектуального развития младших школьников.

Установленная эффективность программы «Комбинация-2» позволяет предположить, что развивающие программы на неучебном материале могут стать условием интеллектуального обогащения образовательной среды начальной школы.

По мнению педагогов, проведение занятий по программе «Комбинация-2» привело к положительным изменениям как в их деятельности, так и в поведении учащихся.

В частности, педагоги стали применять больше задач с неполными условиями или отсутствующими вопросами и чаще предлагать детям выполнять задания, похожие на те, которые решались на дополнительных уроках (подробнее о психологических особенностях составления детьми заданий см. в нашей монографии [26]). Дети стали активнее обсуждать вопросы по математике и придумывать больше примеров, иллюстрирующих правила грамматики.

На следующих этапах нашей работы, – по определению условий совершенствования комбинаторных действий у младших школьников, – планируется провести аналогичное исследование с детьми 8 и 10 лет.

Это позволит более полно и точно оценить влияние программы «Комбинация-2» на развитие комбинаторных действий младших школьников. На основе новых полученных данных намечается разработать комплексную программу обучения мышлению учащихся младших классов, в которой программа «Комбинация-2» будет выполнять функции пропедевтики развития критического и творческого мышления.

Библиография

1. Břehovský, J., Příkladová, J. Combinatorial problems in mathematics for primary schools // 16th Conference on Applied Mathematics. Source: Aplimat. Journal of Applied Mathematics and Engineering. 2017. P. 206–214.
2. Břehovský, J., Příkladová, J. The abilities of primary school students to solve combinatorial problems // 17th Conference on Applied Mathematics. Source: Aplimat. 2018. P. 108–116.
3. English, L.D. Strategies of combinatorics in young children // Educational Studies in Mathematics. 1991. Vol. 22, No. 5. P. 451–474.
4. English, L.D. Children's strategies for solving two- and three-dimensional combinatorial problems // Journal for Research in Mathematics Education. 1993. Vol. 24, No. 3. P. 255–273.
5. English, L.D. Combinatorics and the development of children's combinatorial thinking // In: Jones, G.A. (Ed.) Teaching Probability in Schools. Mathematics Education Library, Vol. 40. Springer, Boston, MA, 2005. P. 121–141.
6. Eizenberg, M., Zaslavsky, O. Journal of Mathematical Behavior. 2003. Vol. 22, No. 4. P. 389–403.
7. Fischbein, E., Grossman, A. Schemes and intuitions in combinatorial reasoning // Educational Studies in Mathematics. 1997. Vol. 34. P. 27–47.
8. Herzog, M., Ehlert, A., Fritz, A. Combinatorial tasks in third grade primary school // Journal of Mathematical Didactics. 2017. Vol. 38. P. 263–289.
9. Hidayati, Y., Sa'dijah, C., Abd Qohar, S. Combinatorial thinking for solving combinatorial problems in multiple-choice format // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2019. Vol. 18, No. 2. P. 65–75.

10. Höveler, K. Strategies of combinatorial counting in children and their connection to the 13th International Congress on Mathematical Education // Hamburg, July 24-31, 2016. P. 231–245.
11. Höveler, K. Strategies of combinatorial counting in children and their connection to traditional mathematical principles of counting // Teaching and Learning Discrete Mathematics Worldwide: Curriculum and Research / ICME-13 Monographs; Eds.: Hart, E.W., Sandefur, J., 2018. P. 81–92.
12. Höveler, K. Solving combinatorial counting problems: Recursive strategies of first graders // Paper presented at the 42nd Annual Meeting of the International Group for the Psychology of Mathematics Education, Umeå, Sweden.
13. Krekić-Pinter, V., Ivanović, J., Namestovski, Ž. Lenke Major's strategy and methods for solving combinatorial problems in primary mathematics education // International Journal of Modern Educational Studies. 2015. Vol. 2, No. 6. P. 77–87.
14. Krpec, R. Development of combinatorial skills in primary school students through organizing sets of elements // Acta Mathematica, 2014. Vol. 17.
15. Maher, C., Yankelewitz, D. Representations as tools for argument construction // In: Maher, C., Powell, A., Uptegrove, E. (Eds.) *Combinatorics and Reasoning: Representation, Justification, and Construction of Isomorphisms* (pp. 17–26). New York: Springer, 2010.
16. Maher, C.A., Yankelewitz, D. Chapter 3: Representations as tools for argument construction // In: Maher C.A., Powell A.B., Uptegrove E.B (Eds.) *Combinatorics and Reasoning: Representation, Justification, and Construction of Isomorphisms* / Springer Netherlands; pp. 17–25.
17. Palmér, H., van Bommel, J. Investigating the role of representations when children work on a combinatorial task // *ICT in Mathematics Education: Future and Reality: Proceedings of MADIF10; Tenth Swedish Seminar on Research in Mathematics Education* / Eds.: Häggström J., Norén E., van Bommel J., Sayers J., Helenius O., Liljekvist Y., 2017; pp. 47–56.
18. Palmér, H., van Bommel, J. (2018). The role of and connection between systematization and representation when young children work on a combinatorial task. «European Early Childhood Education Research Journal», 26(4), 562–573.
19. Piaget, J., Inhelder, B. (1969). «The Psychology of the Child». New York: Basic Books.
20. Palmér, H., van Bommel, J. (2018). The role of and connection between systematization and representation when young children work on a combinatorial task. «European Early Childhood Education Research Journal», 26(4), 562–573.
21. Piaget, J., Inhelder, B. (1969). «The Psychology of the Child». New York: Basic Books.
20. Подьяков А.Н. (2011). Мультифункциональные объекты для стимуляции комбинаторного эксперимента и причинно-экспериментального мышления у детей младшего возраста. *Психология в России: состояние и перспективы*, 4, 397-420.
21. Темникова М. (2018). Комбинаторные математические задачи в обучении математике для классов 1-4. *Европейский научный журнал*, 2, 46-55.
22. Van Bommel J., Palmér H. (2018a). Paper or digital: a study on combinatorics in preschool class. In E. Norén, H. Palmér, A. Cooke (Eds.), *NORMA17. Nordic Research in Mathematics Education*. Göteborg: Svensk förening för MatematikDidaktisk Forskning – SMDF.
23. Van Bommel J., Palmér H. (2018b). Enhancing young children's understanding of a combinatorial task by using a duo of digital and physical artefacts. *Early Years. An International Journal of Research and Development*, 2, 38-54.
24. White, H. (1984). The Development of Combinatorial Reasoning: The Role of Cognitive Capacity. *The Journal of Genetic Psychology: Research and Theory on Human Development*, 145(2), 185-193.
25. Зак А. (2004). Мышление младшего школьника. Санкт-Петербург: Содействие.
26. Зак А. Развитие авторского мышления у младших школьников [текст]. Москва: Библио-Глобус.

Characteristics of the formation of combinatorial actions in elementary school

Anatolii Z. Zak

Leading Researcher,
Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
125009, 9 Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: jasmin67@mail.ru

Abstract

The aim of the study was to determine the conditions for improving combinatorial actions in primary school students (in particular, in third-grade schoolchildren). The author's educational program "Combination-2" was supposed to create such conditions. The program includes 30 types of non-standard tasks with extracurricular content. Each type of task had three structural options: find the answer, find the question, find part of the initial conditions. Completing these tasks requires the implementation of combinatorial actions. The control group consisted of 91 students, the experimental group - 96 students who took part in 30 group lessons (weekly, from September to May). Primary and final diagnostics of combinatorial actions were carried out. The study showed that classes under the "Combination-2" program contribute to the improvement of combinatorial actions in children. In further studies, it is planned to determine to what extent the "Combination-2" program contributes to the improvement of combinatorial actions in 10-year-old children (fourth-graders).

For citation

Zak A.Z. (2024) Kharakteristika formirovaniya kombinatornykh deistvii v nachal'noi shkole [Characteristics of the formation of combinatorial actions in elementary school]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 18-31.

Keywords

Combinatorial actions, formation, 9-year-old children, "Combination-2" program, extracurricular activities.

References

1. Břehovský, J., Přihonská, J.(2017). Combinatorial problems of mathematics for elementary school. 16th Conference of Applied Mathematics. Source: Aplimat. *Journal of Applied Mathematics and Engineerings*, 206 – 214.
2. Břehovský, J., Přihonská, J. (2018). The ability of primary school pupils to solve combinatorial tasks 17th Conference on Applied Mathematics. Source: Aplimat. 108 – 116
3. English L.D. (1991). Young children's combinatoric strategies. *Educational Studies in Mathematics*, 22 (5), 451- 474.
4. English L.D. (1993). Children's strategies for solving two- and three-dimensional combinatorial problems. *Journal for Research in Mathematics Education*, 24(3), 255-273.
5. English L.D. (2005) Combinatorics and the Development of Children's Combinatorial Reasoning. In: Jones G.A. (eds) Exploring Probability in School. Mathematics Education Library, vol 40. Springer, Boston, MA .121-141.
6. Eizenberg, M. & Zaslavsky, O. (2003) The Journal of Mathematical Behavior 22(4),389-403.
7. Fischbein, E., & Grossman, A. (1997) Schemata and intuitions in combinatorial reasoning. *Educational Studies in Mathematics*, 34, 27-47.
8. Herzog M. , Ehlert A., Fritz A. (2017) Kombinatorikaufgaben in der dritten Grundschulklasse. *Journal für Mathematik-Didaktik*, 38, 263 – 289.
9. Hidayati Y., Sa'dijah C., Abd Qohar S., (2019). Combinatorial Thinking to Solve the Problems of Combinatorics in Selection Type *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 18 (2), 65-75.
10. Höveler K. (2016). Children's combinatorial counting strategies and their relationship to 13th International Congress on Mathematical Education Hamburg, 24-31 July 2016 TU Dortmund, Germany, 231 – 245.
11. Höveler K. (2018a). Children's Combinatorial Counting Strategies and their Relationship to Conventional Mathematical Counting Principles. *Teaching and Learning Discrete Mathematics Worldwide: Curriculum and Research. ICME-13 Monographs*, edited by Hart Eric W, Sandefur James, 81-92. Cham: Springer.
12. Höveler K. (2018b). Solving combinatorial counting problems: Primary children's recursive strategies. Beitrag präsentiert auf der 42nd Annual Meeting of the International Group for the Psychology of Mathematics Education, Umea, Schweden.
13. Krekić-Pinter V., Ivanović J., Namestovski Ž. (2015). Lenke Major Strategy and Methods for Solving Combinatorial Problems in Initial Instruction of Mathematics. *International Journal of Modern Education Research*. 2 (6), 77- 87.

14. Krpec, R. (2014) The development of combinatorial skills of the lower primary schoolpupils through organizing the sets of elements. *Acta mathematica*, 17.
15. Maher, C., Yankelewitz, D. (2010). Representations as tools for building arguments. In Maher, C., Powell, A., & Uptegrove, E. (Eds.), *Combinatorics and Reasoning: Representing, Justifying and Building Isomorphisms* (pp. 17–26). New York, NY: Springer.
16. Maher C. A., Yankelewitz D. (2011). Chapter 3 Representations as Tools for Building Arguments. in *Combinatorics and Reasoning. Representing, Justifying and Building Isomorphisms* Editors: Maher, C. A., Powell, A. B., Uptegrove, E. B. (Eds.) Publisher Springer Netherlands. 17-25
17. Palmér H., J.van Bommel (2017). Exploring the role of representations when young children solve a combinatorial task In *ICT in Mathematics Education: The Future and the Realities : Proceeding of MADIF10. The Tenth Swedish Mathematics Education Research Seminar*, edited by J. Häggström, E. Norén, J. van Bommel, J. Sayers, O. Helenius, and Y. Liljekvist, 47–56.
18. Palmér H., J.van Bommel (2018). The role of and connection between systematization and representation when young children work on a combinatorial task. *European Early Childhood Education Research Journal*, 26 (4), 562 – 573.
19. Piaget, J., Inhelder B. (1969). *The Psychology of the Child*. New York: Basic Books.
20. Poddiakov A.N. (2011) Multivariable Objects for Stimulation of Young Children's Combinatorial Experimentation and Causal-Experimental Thought. *Psychology in Russia: State of the Art*, 4, 397- 420
21. Temnikova M. (2018). Combinatorial Mathematical Tasks in the Education in Mathematics for Grades 1.- 4. *European Scientific Journal*, 2, 46 – 55.
22. Van Bommel J., H. Palmér, 2018 (a). Paper or and digital: a study on combinatorics in preschool class. NORMA17. *Nordic Research in Mathematics Education / [ed] E. Norén, H., Palmér, A. Cooke, Göteborg: Svensk förening för MatematikDidaktisk Forskning – SMDF, 2018.*
23. Van Bommel J., H. Palmér, 2018 (6). Enhancing young children's understanding of a combinatorial task by using a duo of digital and physical artefacts. *Early Years. An International Journal of Research and Development*, 2, 38 – 54.
24. White, H. (1984). The Development of Combinatorial Reasoning: The Role of Cognitive Capacity. *The Journal of Genetic Psychology: Research and Theory on Human Development* 145, (2), 185 - 193.
25. Zak A. (2004). *Myshlenie mladshogo shkol'nika* [Thinking of the younger school student]. Sankt-Peterburg: Sodeystvie [in Russian].
26. Zak A. (2016). *Razvitie avtorskogo myshlenia u mladshih shkol'nikov* [Development of author's thinking in younger schoolchildren]. Moscow: Biblio-Globus [in Russian].

УДК 159.9.072.432**Социально-перцептивные особенности образа буддиста в сознании мужчин и женщин Тувы****Ситников Валерий Леонидович**

Доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры юридической психологии,
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ,
195030, Российская Федерация, Санкт-Петербург, пр. Энтузиастов, 44;
e-mail: sitnikof@mail.ru

Момбей-оол Сырга Мергеновна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Тувинский государственный университет,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Ленина, 36;
e-mail: mombeyool@mail.ru

Салчак Ая Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Тувинский государственный университет,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Ленина, 36;
e-mail: aika_kuular@mail.ru

Монгуш Чочагай Николаевна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Тувинский государственный университет,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Ленина, 36;
e-mail: chochagai_84@mail.ru

Подготовлено и издано при поддержке гранта Фонда содействия по буддийскому образованию и исследованиям в рамках научного проекта «Образ буддизма и буддистов в сознании современной молодежи» (договор №14 от 17.06.2024 г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей образа буддистов и буддизма в сознании молодых людей Тувы. Буддизм, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры Тувы, оказывает значительное влияние на ценности и мировоззрение жителей региона. Тем не менее, современные изменения в обществе, включая глобализацию и информационные технологии, могут формировать у молодых людей не всегда корректные

представления о буддизме, основанные на стереотипах и мифах. В исследовании предпринята попытка изучить социально-перцептивные образы в сознании молодых людей Тувы, выявить их особенности и различия в восприятии буддизма и буддистов у мужчин и женщин.

Для цитирования в научных исследованиях

Ситников В.Л., Момбей-оол С.М., Салчак А.М., Монгуш Ч.Н. Социально-перцептивные особенности образа буддиста в сознании мужчин и женщин Тувы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 32-43.

Ключевые слова

Образ, социальная перцепция, буддизм, буддист, сознание, молодежь, Тува.

Введение

На территории Российской Федерации буддизм начал развиваться довольно давно. Эта восточная религия для русского человека вовсе не является диковинной и новой. Но стоит отметить, что популярность её с течением времени растёт. И, если можно так сказать, тенденция на буддизм в России действительно прочно закрепилась. И не без оснований. Буддизм интересен, многогранен, красочен. Узнать об этой религии будет любопытно даже тем, кто исповедует другое религиозное учение или придерживается атеистических взглядов. В России широко буддизм особо распространён в Бурятии, Калмыкии и Республике Тыва. Буддизм, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры Тувы, оказывает значительное влияние на ценности и мировоззрение жителей региона. Тем не менее, современные изменения в обществе, включая глобализацию и информационные технологии, могут формировать у молодых людей не всегда корректные представления о буддизме, основанные на стереотипах и мифах. В период текучей изменчивости, когда мир находится в постоянном движении, человеку сложно устоять и сохранить свой внутренний гомеостаз [Федотова, 2010].

Понятие социально-перцептивного образа в сознании

Информация формирует образы в сознании, это могут быть образы человека, страны, врага, картины мира [Тропина, 2009]. Образы многофункциональны и, в том числе обладают мощной регулятивной функцией, следовательно, оказывают серьезное влияние на ценностную сферу человека [Момбей-оол, 2022]. Анализ современных исследований показывает, что влияние информации и социальной перцепции на формирование духовно-ценностной сферы сегодня изучены явно недостаточно. Тем не менее, образ буддизма и буддистов в сознании современной молодежи представляет значительный интерес, так как подрастающее поколение рассматривается как будущее страны и носители ценностных ориентаций, их социально-перцептивные образы приобретают несомненный интерес.

Социально-перцептивный образ по В. Л. Ситникову, это «отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как представителя человеческого общества». Известно, что каждая культура формирует специфический образ человека, который выступает в качестве образца для следования. Р. А. Зобов и В. Л. Обухов и другие отмечают, что следование образцам помогают, при нормальном функционировании, сохранить социум [Момбей-оол, 2022]. В

социуме есть факторы, которые считаются благоприятными и закрепляются в социоперцептивном образе человека. В нашем случае, это Я-образ и Он-образы буддизма и буддистов в сознании современной молодежи республики Тыва.

Об исследовании особенностей Я-образа и Он-образа буддиста

В целях исследования данных образов было проведено исследование на 208 представителях тувинской молодежи, из которых 102 это молодые мужчины, а 106 это молодые женщины с 18 до 35 лет. Средний возраст респондентов – 26,1 лет, у молодых мужчин 25,1 лет, а у молодых женщин 26,6 лет. По результатам исследования была предпринята попытка определить структуру образа буддизма и буддистов в сознании современной молодежи Республики Тыва. Данная задача решалась посредством следующих методик:

- авторской анкеты, направленной на определение принадлежности к религии, социального статуса, области занятости, уровня материального достатка, уровня образования и семейного положения респондентов;

- методика изучения образа человека «СОЧ(и)» структура образа человека (иерархическая) В. Л. Ситникова.

Представления о себе, которые формировали Я-концепцию личности в детстве и в молодости продолжают обогащать ее. По мнению А. А. Реана и др., развитие Я-концепции контролируется через ценности и понятия, которые личность принимает и осознает. Это культурологические, нравственные и другие социальные ценности [Аверин, Дандарова, Деркач, 2015]. Люди, особенно взрослые, устойчивы до тех пор, пока их Я-концепция позволяет воспринимать важный для них опыт. И если опыт угрожает их Я-концепции как достойной и разумной личности, то человек может отвергнуть опыт или исказить посредством защиты от потенциально тревожной информации. Когда опыт не согласуется с Я-концепцией человека, когда полученная информация несовместима с имеющимися представлениями о себе – психика защищает свою целостность через защитные механизмы [Момбей-оол, 2022].

На этапе молодости происходит жизненное самоопределение человека, он ставит себе различные цели и определяет свою тактику их достижения. При выборе стратегий достижения молодой человек оценивает свои действия и достижения в соответствии с Я-концепцией. Дифференцированность Я-концепции, наличие нескольких образов (Я-реальное, Я-идеальное) выступает показателем патологичности или соответствия нормам психологического здоровья. Разрыв между реальным и идеальным Я-образом как раз и указывает на адекватность самооценки [Момбей-оол, Ситников, 2020].

Результаты исследования

По результатам исследования проанализированы обобщенные структуры Я-образа в таблице 1 у женщин и мужчин. Важно отметить, что несмотря на естественные различия в компонентах Я-образов в сознании мужчин и женщин, наблюдаются некоторые сходства в структуре Я-образа. Так, основным элементом структуры Я-образа, в сознании как мужчин, так и женщин, оказались характеристики социальной сферы (такие, как общительный, понимающий, заботливый и т. п.). Они составляют до 6 высказываний из 20 у мужчин и до 8 - у женщин. В среднем из 20 наиболее часто употребляемых определений 6-8 относятся к социальным, как в мужской, так и в женской выборке. Также сохраняют ранговое значение эмоциональный и телесный компоненты.

Таблица 1 - Структура Я-образа молодых женщин и мужчин (N=208)

Компоненты образа	Я-образ женщин					Компоненты образа	Я-образ мужчин				
	Ранг	Количество определений					Ранг	Количество определений			
		Среднее	Стандартное отклонение	Максимум	Не назвали ни разу (%)			Среднее	Стандартное отклонение	Максимум	Не назвали ни разу (%)
Эмоциональные	1	8,25	1,72	1,45	0,00	Социальные	1	6,79	1,13	1,21	0,00
Социальные	2	7,26	1,62	1,62	0,00	Эмоциональные	2	6,00	1,95	1,37	0,00
Социальный интеллект	3	3,85	1,38	1,38	0,63	Конвенциональные	3	5,00	1,46	1,16	0,00
Мотивационно-волевые	4	2,32	1,35	1,45	1,25	Социальный интеллект	4	2,93	2,46	2,43	0,00
Телесные	5	2,08	1,53	1,46	5,63	Мотивационно-волевые	5	2,72	1,00	1,33	0,00
Интеллектуальные	6	1,58	1,56	1,39	14,38	Телесные	8	2,52	1,36	1,17	11,11
Деятельностные	7	1,43	1,56	1,37	28,13	Интеллектуальные	6	1,41	1,25	1,00	25,93
Поведенческие	8	1,30	1,12	1,32	46,25	Деятельностные	7	1,38	0,65	1,00	33,33
Акзигитивные	9	0,98	1,54	1,32	45,63	Поведенческие	9	1,30	1,00	1,32	40,74
Конвенциональные	10	0,23	0,61	1,09	87,50	Акзигитивные	10	0,10	0,17	0,25	92,59
Метафоры	11	0,11	0,30	0,30	90,00	Метафоры	11	0,14	1,18	0,91	85,19

По результатам исследования проанализированы обобщенные структуры Я-образа в таблице 1 у женщин и мужчин. Важно отметить, что несмотря на естественные различия в компонентах Я-образов в сознании мужчин и женщин, наблюдаются некоторые сходства в структуре Я-образа. Так, основным элементом структуры Я-образа, в сознании как мужчин, так и женщин, оказались характеристики социальной сферы (такие, как общительный, понимающий, заботливый и т. п.). Они составляют до 6 высказываний из 20 у мужчин и до 8 - у женщин. В среднем из 20 наиболее часто употребляемых определений 6-8 относятся к социальным, как в мужской, так и в женской выборке. Также сохраняют ранговое значение эмоциональный и телесный компоненты.

Как отмечает Кон И.С. половые роли – вид социальных ролей, они имеют нормативный характер, выражают определенные социальные ожидания (экспектации), проявляющиеся в поведении. На уровне культуры половые роли существуют в контексте определенной системы половой символики и стереотипов маскулинности и фемининности. Принятие и усвоение индивидом определенной половой роли дает ему половую идентичность, с которой в дальнейшем соотносятся самосознание личности и все свойства его поведения. Разделение мужских и женских ролей в обществе детерминировано социальными нормами больше, чем природными половыми различиями, что в свою очередь накладывает определенные ограничения на саморазвитие и самовыражение мужчин и женщин [Салчак, 2022].

Несомненно, половые различия проявились в разных рангах всех остальных компонентов образов (Таблицы 1). Телесные компоненты образа находятся на четвертом месте у мужчин (такие характеристики как спортивный, сильный). У женщин на четвертом месте мотивационно-

волевой компонент Я-образа (такие характеристики как трудолюбивая, ответственная, целеустремленная). Также для более детального изучения Я-образа проведен анализ частотного словаря у мужчин и женщин. Результаты исследования представлены в таблице №2.

Таблица 2 - Частотный словарь Я образ тувинских девушек (N=208)

№	Частотный словарь Я-образа женщин		Частотный словарь Я-образа мужчин	
	Я образ женщины	Относительная частота	Я- образ мужчины	Относительная частота
1	Дочь	87,63%	Друг	86,96%
2	Добрая	86,43%	Брат	82,61%
3	Сестра	83,33%	Человек	78,26%
4	Мама	76,54%	Дядя	73,91%
5	Человек	72,67%	Муж	69,57%
6	Красивая	68,33%	Мужчина	65,22%
7	Подруга	64,33%	Студент	56,52%
8	Любимая	56,67%	Сын	56,52%
9	Веселая	52,53%	Дядя	47,83%
10	Умная	47,89%	Мужественный	43,48%
11	Личность	44,46%	Мужчина	39,13%
12	Учитель	39,98%	Студент	34,78%
13	Понимающая	37,78%	Сын	30,43%
14	Хорошая	36,33%	Работник	26,09%
15	Общительная	27,21%	Племянник	21,74%
16	Трудолюбивая	26,33%	Личность	17,39%
17	Любящая	24,64%	Охотник	15,78%
18	Целеустремленная	18,87%	Папа	13,04%
19	Честная	16,43%	Семейный	12,04%
20	Дружелюбная	12,22%	Интересный	11,33%

Общими в таблицах 3-4 выступают конвенциональные определения: дочь (87%), друг (86%), брат (82%), сестра (83%), мама (76%), папа (13%), человек (78%), личность (44%-17%). Ярко выражены различия в определениях у женщин как: хорошая (36%), общительная (27%), трудолюбивая (26%), любящая (24%), честная (16%), дружелюбная (12%). У мужчин это такие определения как мужественный (43%), охотник (15%), семейный (12%), интересный (11%)

Я-образ тувинских женщин большей степени связан с социальными и эмоциональными компонентами образа. Интересно отметить, что у тувинских мужчин в большей степени Я-образ связан с конвенциональными и деятельностными компонентами. Также важно отметить, что мужчины отмечают в конвенциональном компоненте образа такие статусные определения как Отец, Семьянин, Дядя, Брат, тем самым выдвинуто предположение о высокой значимости семьи для мужчин. В своих исследованиях Л.А. Коростылева (2000) выявила сходство взглядов в ответах на вопрос: «что дает семья» у мужчин и женщин. Первыми по частоте у представителей обоих полов оказались высказывания: служит опорой в трудную минуту, избавляет от одиночества. В указанных аспектах социальный подтекст уступает место психологической и духовной потребности иметь рядом постоянного партнера, который послужит опорой и защитой от внешних вызовов в жизни.

На основе таблиц, представляющих частотные словари Я-образа тувинских девушек и мужчин, можно провести сравнительный анализ, который выявит особенности самоактуализации и восприятия себя среди этих двух групп.

Наиболее часто упоминаемые Я-образы связаны с ролями в семье: Дочь (87%), Сестра (83%) и Мама (76%). Это подчеркивает сильную семейную привязанность и значимость роли женщины в семье. Положительные черты, такие как Добрая (86%) и Красивая (68%), также занимают высокие позиции, что указывает на акцент на собственных положительных личностных качествах.

На первом месте находится Друг (86%), что указывает на высокую важность дружеских связей и социализации для мужчин. Брат (82%) и Человек (78%) также показывают ориентированность на семейные и человеческие отношения. В отличие от девушек, где основные роли связаны с заботой о семье, в мужском Я-образе большее внимание уделяется социальным связям.

Количество различий в компонентах Я-образов у девушек значительно больше (20), чем у мужчин (15). Это может отражать более богатую внутреннюю жизнь женщин и разнообразие их ролей в обществе. У девушек почти все Я-образы имеют высокие частоты, тогда как у мужчин частоты значительно ниже, что может говорить о меньшем разнообразии восприятия своей роли и значимости.

Я-образы тувинских девушек подчеркивают доброту, красоту и их социальные роли, что может указывать на их стремление к принятию и любви в обществе. У мужчин акцент на дружбе и семейности говорит о важности горизонтальных социальных связей и поддержки. Анализ частотных словарей Я-образа тувинских девушек и мужчин показывает различия в восприятии себя и своих ролей в обществе. Девушки акцентируют внимание на своих семейных и положительных качествах, в то время как мужчины ориентируются на дружеские связи и социальные роли. Эти различия могут быть важны для понимания культурных контекстов и для дальнейших социологических исследований в области гендерной психологии.

На основе таблиц, представляющих частотные словари образа буддиста среди тувинских женщин и мужчин, можно сделать сравнительный анализ образов, а также рассмотреть различия.

Таблица 3 - Структура образа буддиста в сознании тувинских женщин и мужчин (N=208)

Компоненты образа	Я-образ женщин					Компоненты образа	Я-образ мужчин				
	Ранг	Количество определений					Ранг	Количество определений			
		Среднее	Стандартное отклонение	Максимум	Не назвали ни разу (%)			Среднее	Стандартное отклонение	Максимум	Не назвали ни разу (%)
Социальные	1	5,39	2,76	15	0,00	Конвенциональные	1	4,79	2,47	15	0,00
Эмоциональные	2	3,55	2,21	11	0,00	Социальные	2	3,22	1,67	10	0,00
Социальный интеллект	3	2,09	1,36	7	0,00	Социальный интеллект	3	2,09	1,66	8	0,00
Мотивационно-волевые	4	2,07	1,88	9	0,00	Мотивационно-волевые	4	2,03	2,37	9	0,00
Телесные	5	1,61	1,78	7	0,00	Эмоциональные	5	1,98	1,73	8	0,00
Интеллектуальные	6	0,96	1,24	5	11,11	Интеллектуальные	6	1,09	1,33	6	3,70

Деятельностные	7	0,78	1,28	4	25,93	Деятельностные	7	0,85	1,07	4	11,11
Поведенческие	8	0,5	0,96	3	33,33	Поведенческие	8	0,59	1,00	3	29,63
Акзигитивные	9	0,33	0,62	2	40,74	Акзигитивные	9	0,31	0,63	2	44,44
Конвенциональные	10	0,13	1,02	5	92,59	Телесные	10	0,02	0,19	1	96,30
Метафоры	11	0,07	0,36	1	85,19	Метафоры	11	0,02	0,19	1	96,30

В структура образа буддиста в сознании тувинских мужчин и женщин представлены в таблице 3. Интересно отметить различия в определениях образа буддистов в сознании мужчин и женщин. Первым компонентом среди мужчин являются определения конвенционального типа (человек, лама, монах, азиат, тибет), а у женщин определения эмоционального и интеллектуального типа (такие, как верующий, честный, мудрый, сострадательный). Данное различие соотносится с гендерно-ролевыми ожиданиями и характеристиками жизнеощущения женщин и социальных ожиданий от мужчин. Возможно, это связано с устойчивым выделением установки для женщин в тувинских семьях роли хранительницы тувинской культуры и буддийских религиозных традиций в семье и в ближайшем окружении, поэтому молодые женщины вполне могут выделять более эмоциональные характеристики в образах, которые имеют более ценностный подход к образу буддиста. Анализ показал, что тувинские женщины буддийскую философию связывают с такими общечеловеческими ценностями как альтруистические намерения в мыслях и поступках, сострадание, помощь близким. Для более детальной структуры образа буддиста в сознании тувинских мужчин и женщин, был составлен частотный словарь образа буддиста, результаты представлены в сравнительной таблице №4.

Таблица 4 - Частотный словарь образа буддиста тувинских женщин (N=106)

№	Частотный словарь образа буддиста женщин		Частотный словарь образа буддиста мужчин	
	«Буддист»	Относительная частота	«Буддист»	Относительная частота
1	Добрый	86,36%	Добрый	85,66%
2	Верующий	84,36%	Верующий	82,33%
3	Умный	81,82%	Любящий	80,23%
4	Спокойный	78,18%	Спокойный	76,54%
5	Мудрый	74,18%	Человек	72,67%
6	Честный	71,18%	Лама	70,43%
7	Хороший	68,00%	Начитанный	66,33%
8	Верный	55,00%	Сострадательный	54,67%
9	Понимающий	50,45%	Умный	50,53%
10	Сострадательный	47,00%	Верующий	45,89%
11	Человек	45,91%	Монах	40,46%
12	Чистый	40,91%	Мудрый	38,98%
13	Правильный	38,82%	Азиат	36,78%
14	Справедливый	36,82%	Богатый	35,33%
15	Медитация	30,27%	Вежливый	29,21%
16	Монах	28,27%	Вериг в карму	27,33%
17	Духовный	26,27%	Дарящий	25,64%
18	Искренний	20,27%	Воин	19,87%
19	Красный цвет	16,73%	Высокие духом	15,43%
20	Любящий	13,73%	Добродушный	10,22%

Общими в определении образа буддиста стали следующие определения: добрый (86%-85%), верующий (84%-82%), спокойный (78%-76%), умный (81%-50%), мудрый (74%-38%), любящий (80%-13%), человек (72%-45%), монах (40%-28%), сострадательный (54% - 47%), Частотный анализ показал, что в обобщенном образе буддиста наиболее часты определения следующих компонентов: социальный, эмоциональный, интеллектуальный, конвенциональный. Буддизм молодыми людьми определяется как философия толерантности, принятия и неприятия агрессии и жестокости, он рассматривается как помогающий понимать себя и общество, поэтому и выделяются такие компоненты.

У женщин обнаружены в определении образа буддиста такие характеристики как: честный (71%), хороший (68%), верный (55%), понимающий (50%), чистый (40%), правильный (38%), справедливый (36%), медитация (30%), духовный (26%), искренний (20%). У мужчин обнаружены следующие определения: лама (70%), начитанный (66%), верующий (45%), богатый (35%), добродушный (10%). Такой выбор определений образа буддиста в сознании тувинских женщин возможно связан с сохранением и поддержкой духовного образа буддиста и буддийских религиозных традиций в обществе.

Таким образом, было выявлено, что особенности образа буддиста в сознании среди тувинских мужчин и женщин имеют сходства и различия у мужчин и женщин. В целом, роль буддизма в жизни молодежи сегодня очень важна. Особенно в Туве, где молодые люди чрезвычайно подвержены его влиянию, где сильны молодежные религиозные движения и принятие религиозных обетов мирянина. Буддийские ценности и практики предлагают уникальную возможность для личного роста, духовного развития и обретения внутреннего покоя в сложном и меняющемся мире.

По результатам исследования можно выдвинуть предположение, что буддизм среди тувинской молодежи в первую очередь тесно связан с сохранением и поддержкой национальной культуры и буддийских религиозных традиций в семье и в ближайшем окружении. Мужчины и женщины буддизм связывают с такими общечеловеческими ценностями как сострадание, любовь, справедливость, честность, которые возвращают альтруистические намерения в мыслях и поступках. Исследование показало, что базовые буддийские религиозно-философские идеи и этические нормы занимают одно из определяющих мест в дальнейшем формировании образа буддиста в сознании тувинских мужчин и женщин. Тувинские девушки признают буддийские идеи и этические нормы в качестве компонентов образа буддиста. Данное положение подтверждается выявленной в исследовании тенденцией структуры образа буддиста.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что буддийские ценности и практики предлагают уникальную возможность для личного роста, духовного развития и обретения внутреннего покоя в сложном и меняющемся мире. Важно отметить, что приверженность идеям и ценностям буддизма, а также принятие религиозных обетов мирянина ценится в тувинском обществе и даже социально желательна, так как принятый религиозный обет дает определенный вес в обществе и уважение, давая «иммунитет» к отклоняющемуся поведению. Наиболее распространенные характеристики образа буддиста у женщин связаны с добротой (54%) и верой (52%). Эти элементы подчеркивают важность этических и моральных аспектов в их представлении о буддизме. Следующими по частоте являются умный (41%) и спокойный (37%), что также акцентирует внимание на интеллектуальных и эмоциональных качествах. У мужчин также ключевые качества - доброта (67%) и вера (58%). Это схожее восприятие показывает, что обе группы ценят эти моральные характеристики. Однако количество упоминаемых характеристик значительно меньше, чем у женщин, например, любящий и спокойный

составляют по 50%, что указывает на меньшую разнообразность восприятия.

Таблица 5 - Достоверные различия структуры Я- образа и образа буддистов тувинских мужчин и женщин (N=208)

Компоненты	Я-образ и образ буддиста женщин	Я-образ и образ буддиста мужчин
Мотивационно-волевой	4,85 ≤ 0,01	
Деятельностный		2,33 ≤ 0,01
Конвенциональный		2,22 ≤ 0,01
Эмоциональный	2,76 ≤ 0,01	

По результатам расчётов t-критерия Стьюдента были выявлены значимые различия у женщин в следующих компонентах Он-образа буддиста мотивационно-волевой $t=4,86$ ($p \leq 0,01$) и эмоциональной сфере $t=2,76$ ($p \leq 0,01$). Мы можем предположить, что женщины вовремя описания Я-образа и образа буддиста чаще употребляют слова эмоциональной окрашенности. Это такие определения из частотного словаря как любимая, верная, добродушная. У мужчин значимые различия выявлены в следующих компонентах: деятельностный $t=2,33$ ($p \leq 0,01$) и конвенциональный $t=2,22$ ($p \leq 0,01$).

Заключение

Тувинские женщины имеют значительно более широкий спектр определения образа буддиста. Он-образ буддиста определен у них 20 различными чертами, по сравнению с мужчинами, что вполне может указывать на их более полное восприятие и осмысление образа буддистов. У женщин нет черт, которые бы совпадали по частоте с определениями мужчин (в большинстве случаев, это такие определения как «любящий», «спокойный»), количество упоминаемых качеств в частотном словаре у мужчин относительно небольшое. В целом тувинские женщины демонстрируют большое многообразие в представлениях о буддизме, что может свидетельствовать о более глубоком эмоциональном и духовном вовлечении. В отличие от этого, представления мужчин о буддизме более сжаты и сводятся к нескольким ключевым аспектам, которые, возможно, подчеркивают важность отношений и моральных обязательств.

Представленные данные подчеркивают различия в восприятии образа буддиста среди тувинских женщин и мужчин. Женщины демонстрируют более многообразное и глубокое понимание буддизма, в то время как мужчины сосредоточены на основных моральных качествах в образе буддистов, что может быть полезным в дальнейшем для изучения социокультурных и гендерных аспектов самоидентификации в контексте буддизма в тувинском обществе.

Буддизм, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры Тувы, оказывает значительное влияние на ценности и мировоззрение жителей изучаемого региона. Будучи религией ненасилия, буддизм и его идеи толерантности и всеобщей ответственности способствуют решению таких острых социальных проблем Тувы как алкоголизм, преступность, поведенческие девиации и аутодеструктивное поведение. Будучи республикой с сильными традициями семейности, многодетности и детоцентризма, Туве важно опираясь на буддизм и его ценности обеспечить стабильность и устойчивое развитие тувинского общества.

Библиография

1. Аверин, В. А. Психология человека от рождения до смерти : учебник / В. А. Аверин, Ж. К. Дандарова, А. А. Деркач, [и др.] ; под редакцией А. А. Реана. – Москва : Прайм : АСТ, 2015. – 656 с. – Текст : непосредственный.
2. Момбей-оол, С. М. Социальная перцепция, жизнестойкость и копинг-стратегии тувинской молодежи : специальность 53.50.00 : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Момбей-оол Сырга Мергеновна, 2022. – 425 с.
3. Момбей-оол, С. М. Структура и содержание я-, он-образов в сознании молодежи, проживающей в Республике Тыва / С. М. Момбей-оол, В. Л. Ситников. – Текст : непосредственный // Вестник университета. 2020. – № 8. – С. 191–196.
4. Салчак, А. М. Образ отца у тувинских подростков из неполных семей : специальность 5.3.5. : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Салчак Ая Михайловна, 2022. – 293 с.
5. Ситников, В. Л. Социально-перцептивные образы и жизнестойкость подростков и молодежи Республики Тывы / В. Л. Ситников, С. М. Момбей-Оол, А. М. Салчак // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, Москва, 12–14 октября 2023 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2023. – С. 1611-1614.
6. Стреленко, А. А. Ресурсная функция социально-перцептивных образов и их связь с жизнеспособностью матерей / А. А. Стреленко // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, Москва, 12–14 октября 2023 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2023. – С. 1615-1620.
7. Стреленко, А. А. Социально-перцептивная детерминация родительско-детского взаимодействия / А. А. Стреленко. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – 290 с. – ISBN 978-985-517-963-5.
8. Тропина, И. Г. Катарсическая функция экранного насилия / И. Г. Катарсина – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. 2009. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/katarsicheskaya-funktsiya-ekrannogo-nasiliya> (дата обращения: 03.05.2024).
9. Федотова, М. Г. К содержанию понятия «Транзитивное общество» / М. Г. Федотова – Текст : непосредственный // Вестник ВятГУ. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo> (дата обращения: 03.05.2024).

Socio-Perceptual Features of the Image of a Buddhist in the Minds of Men and Women of Tuva

Valerii L. Sitnikov

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Professor, Department of Legal Psychology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
195030, 44, Entuziastov Ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sitnikof@mail.ru

Syrga M. Mombei-ool

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Psychology,
Tuvan State University,
667000, 36, Lenin Street, Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: mombeyool@mail.ru

Aya M. Salchak

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Psychology,
Tuvan State University,
667000, 36, Lenin Street, Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: aika_kuular@mail.ru

Chochagai N. Mongush

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Psychology,
Tuvan State University,
667000, 36, Lenin Street, Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: chochagai_84@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of the image of Buddhists and Buddhism in the minds of young people in Tuva. Buddhism, being an integral part of the traditional culture of Tuva, has a significant impact on the values and worldview of the region's inhabitants. However, modern changes in society, including globalization and information technology, can form not always correct ideas about Buddhism among young people, based on stereotypes and myths. The study attempts to explore socio-perceptual images in the minds of young people in Tuva, to identify their features and differences in the perception of Buddhism and Buddhists among men and women.

For citation

Sitnikov V.L., Mombei-ool S.M., Salchak A.M., Mongush Ch.N. (2024) Sotsialno-perceptivnye osobennosti obraza buddista v soznanii muzhchin i zhenshchin Tuvy [Socio-Perceptual Features of the Image of a Buddhist in the Minds of Men and Women of Tuva]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 32-43.

Keywords

Image, social perception, Buddhism, Buddhist, consciousness, youth, Tuva.

References

1. Averin, V. A. Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti: uchebnik / V. A. Averin, Zh. K. Dandarova, A. A. Derkach, [i dr.] ; pod redakciej A. A. Reana. – Moskva : Prajm : AST, 2015. – 656 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Mombej-ool, S. M. Social'naya percepciya, zhiznestojkost' i koping-strategii tuvinskoj molodezhi: special'nost' 53.50.00 : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Mombej-ool Syrga Mergenovna, 2022. – 425 s.
3. Mombej-ool, S. M. Struktura i sodержanie ya-, on-obrazov v soznanii molodezhi, prozhivayushchej v Respublike Tyva / S. M. Mombej-ool, V. L. Sitnikov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik universiteta. 2020. – № 8. – S. 191–196.
4. Salchak, A. M. Obraz otca u tuvinskih podrostkov iz nepolnykh semej : special'nost' 5.3.5. : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Salchak Aya Mikhajlovna, 2022. – 293 s.
5. Sitnikov, V. L. Social'no-perceptivnye obrazy i zhiznestojkost' podrostkov i molodezhi Respubliki Tyvy / V. L. Sitnikov, S. M. Mombej-Ool, A. M. Salchak // Chelovek, sub"ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovanij : Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo i

-
- 300-letiyu osnovaniya Rossijskoj akademii nauk, Moskva, 12–14 oktyabrya 2023 goda. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2023. – S. 1611-1614.
6. Strelenko, A. A. Resursnaya funkciya social'no-perceptivnykh obrazov i ikh svyaz' s zhiznesposobnost'yu materej / A. A. Strelenko // *Chelovek, sub"ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovanij : Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo i 300-letiyu osnovaniya Rossijskoj akademii nauk, Moskva, 12–14 oktyabrya 2023 goda.* – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2023. – S. 1615-1620.
  7. Strelenko, A. A. Social'no-perceptivnaya determinaciya roditel'sko-detskogo vzaimodejstviya / A. A. Strelenko. – Vitebsk : Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova, 2023. – 290 s. – ISBN 978-985-517-963-5.
  8. Tropina, I. G. Katarsicheskaya funkciya ehkrannogo nasiliya / I. G. Katarsina – Tekst : neposredstvennyj // *Izvestiya VGPU.* 2009. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/katarsicheskaya-funktsiya-ekrannogo-nasiliya> (data obrashcheniya: 03.05.2024).
  9. Fedotova, M. G. K sodержaniyu ponyatiya «Tranzitivnoe obshchestvo» / M. G. Fedotova – Tekst : neposredstvennyj // *Vestnik VyaTGU.* 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obshchestvo>(data obrashcheniya: 03.05.2024).

УДК 159.9**Индивидуально-психологические детерминанты
жизнеспособности и совладания со стрессом в зрелом возрасте****Косолапова Анастасия Владимировна**

Старший преподаватель,
кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий,
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС,
119049, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр., 4;
аспирант,
кафедра социальной и педагогической психологии,
Государственный Университет Просвещения,
105005, Российская Федерация, Москва, Радио ул., 10-а;
e-mail: Avkosolapova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме жизнеспособности и совладания со стрессом в зрелом возрасте. Автором выполнен теоретический анализ литературных источников, раскрывающих индивидуально-психологические детерминанты жизнеспособности и выбора стратегий совладания со стрессом людей зрелого возраста. В исследовании приняли участие 78 мужчин и женщин в возрасте от 26 до 39 лет. Выявлено, что доминирующими стратегиями совладания в зрелом возрасте являются стратегии самоконтроля, принятия ответственности, поиска социальной поддержки и планирования решения проблем. При этом мужчины чаще, чем женщины, прибегают к адаптивным стратегиям планирования решения проблем и принятия ответственности. Корреляционный анализ (использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена) выявил многочисленные связи между стратегиями совладания со стрессом и личностными особенностями людей зрелого возраста, на основании чего сделан вывод о том, что гипотеза исследования – детерминантами выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте выступают такие особенности личности, как нервно-психической устойчивость, перфекционизм, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, – нашла свое подтверждение. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в практической деятельности психологов в ходе консультирования лиц зрелого возраста, испытывающих сложности с совладанием в стрессовой ситуации неопределенности, для оптимизации совладающего поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Косолапова А.В. Индивидуально-психологические детерминанты жизнеспособности и совладания со стрессом в зрелом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 44-54.

Ключевые слова

Стресс, жизнестойкость, совладание со стрессом, совладающее поведение, зрелый возраст, индивидуально-психологические детерминанты.

Введение

Жизнь и деятельность человека в социально-экономических и производственных условиях современного общества неразрывно связана с воздействием на него неблагоприятных экологических, социальных, профессиональных и других стресс-факторов, которое сопровождается возникновением и развитием негативных эмоций, сильных переживаний, а также перенапряжением физических и психических функций. По данным статистики, «около 70% населения постоянно пребывают в стрессовом состоянии, в то же время состояние сильного стресса испытывают около 30% граждан» [Камалиев, 2019, с.19]. В полной мере это относится и к людям зрелого возраста, у которых на данном возрастном этапе происходит переоценка ценностей, что нередко сопровождается чувством неудовлетворенности жизнью, сожалением о сделанном выборе, желанием все изменить, давящим чувстве разочарования, даже если внешне жизнь кажется благополучной. В свою очередь, человек понимает ограниченность времени, которое осталось для достижения целей. И, как правило, осознание этого сопровождается стрессом различной степени выраженности.

В связи с этим приобретает особое значение изучение преодоления стрессовых ситуаций и факторов, оказывающих влияние на этот процесс. Использование конструктивных стратегий совладания со стрессом дает возможность человеку адаптироваться, эффективно трансформировать жизненные ситуации, поддерживать эмоциональное равновесие и обрести уверенность в себе. То есть изучение индивидуально-психологических детерминант выбора стратегий совладания со стрессом дает возможность разработать новые подходы к анализу поведения человека в ситуации стресса, что может способствовать определению наиболее эффективных стратегий совладания, подготовке и реализации программы тренингов по их освоению, а также созданию рекомендаций по благополучному переживанию психологических кризисов, в том числе и в зрелом возрасте. Разработка таких программ и рекомендаций должна опираться на четкое понимание индивидуально-психологических детерминант выбора человеком стратегий совладания со стрессом. Все изложенное свидетельствует об актуальности темы исследования.

Теоретический анализ литературы был посвящен обоснованию индивидуально-психологических характеристик личности, которые могли бы служить детерминантами выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте.

Было установлено, что вопросы стресса и стрессоустойчивости достаточно давно разрабатываются как в физиологии, так и в психологии. Вместе с тем, как научная категория стресс стал активно изучаться исследователями лишь в последние два десятилетия. В качестве рабочего в данном исследовании использовано определение, предложенное Г. Селье, по мнению которого стресс представляет собой «неспецифическую реакцию организма в ответ на разнообразные повреждающие воздействия». [Selye, 1956, с.106].

Основную причину стресса можно представить как множество ситуаций, которые человек воспринимает как опасные и, одновременно с этим, не может адекватно на них отреагировать. В связи с этим включаются механизмы, мобилизующие резервные силы организма, что, в свою очередь, провоцирует возникновение вышеупомянутых симптомов [Китаев-Смык, 1983].

Стресс представляет собой частую причину возникновения психосоматических патологий, в частности, артериальной гипертензии, аритмии, головной боли, снижении либидо, заболеваний желудочно-кишечного тракта и т.д. Для успешного приспособления к жизни в обществе человек должен научиться совладать со своими эмоциями, брать под контроль потребности и страхи. Эффект совладания со стрессом достигается за счет поведения, цель

которого – динамический контроль над возникшей стрессовой ситуацией. Об этом пишет В.С. Мухина [Мухина, 2020], по мнению которой внутренняя позиция личности является основой для выстраивания человеком мировоззрения, идеологии, а также определяет выбор им линии поведения. В экстренных ситуациях внутренняя позиция позволяет справляться со многими проблемами, которые связаны с физическим и психическим здоровьем.

Под стратегиями совладания со стрессом понимается «совокупность сознательных стратегий по преодолению стресса, главная задача которых заключается в поиске альтернативных решений и стратегий действий, которые совершает человек при попадании в психотравмирующую ситуацию» [Хайрова, 2016, с.112].

Выбор стратегий совладания детерминирован различными факторами: возрастными, гендерными характеристиками, при этом чаще всего выделяют личностные и ситуативные детерминанты копинг-поведения. При этом, как показал теоретический анализ литературы, несмотря на большой пласт исследований, посвященных проблеме совладающего поведения, эмпирические исследования касательно специфики этого вопроса в связи с факторами, приводящими к стрессу и, собственно, самих стратегий совладания в среднем возрасте, достаточно противоречивы. В этой связи было предпринято эмпирическое исследование, направленное на выявление индивидуально-психологических детерминант выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении индивидуально-психологических детерминант выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте.

Задачи исследования:

- Изучить основные подходы к понятию стресса и стратегий совладания со стрессом в зарубежной и отечественной психологии.
- Рассмотреть детерминанты выбора стратегий совладания со стрессом.
- Проанализировать психологические особенности зрелого возраста.
- Эмпирическим путем выявить индивидуально-психологические детерминанты выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что детерминантами выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте выступают такие особенности личности, как нервно-психической устойчивость, перфекционизм, жизнестойкость, толерантность к неопределенности.

Новизна результатов исследования состоит в комплексном исследовании таких индивидуально-психологических детерминант выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте, как нервно-психическая устойчивость, перфекционизм, эмоциональное реагирование на воздействие стимулов окружающей среды, жизнестойкость, уровень толерантности к неопределенности, а также социально-психологически значимый тип рефлексии на себя.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы диагностические методики, прошедшие все этапы валидации и стандартизации:

- Копинг-тест (Р. Лазарус, С. Фолькман, адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк) для исследования доминирующих стратегий совладания в различного рода трудных ситуациях.
- «Оценка нервно-психической устойчивости» (методика «Прогноз-2») (Ю. В. Рыбников)

для диагностики нервно-психической устойчивости (НПУ) личности и выявления склонности к нервно-психическим срывам.

- Многомерная шкала перфекционизма (МШП – MPS) П.Л. Хьюитта и Г.Л. Флетта для выявления уровня перфекционизма, а также соотношение таких его составляющих, как перфекционизм, ориентированный на себя, на других, и социально предписанный перфекционизм.
- Методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды (В.В. Бойко) для диагностики типа реагирования испытуемого на внешние и внутренние воздействия окружающей среды.
- Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) для выявления уровня жизнестойкости респондентов.
- Шкала толерантности к неопределенности МакЛейна (адаптация Е.Н. Осина) для исследования склонности личности к жесткому контролю своей жизни и степень ее регламентированности либо склонность к принятию неопределенности.

Для статистической обработки и анализа полученных данных применялись следующие методы: критерий согласия распределения Колмогорова-Смирнова, корреляционный анализ при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена, метод сравнения независимых переменных U-критерий Манна-Уитни с использованием программного пакета SPSS Statistics 22.0.

Эмпирическую базу исследования составили 78 испытуемых в возрасте от 26 до 39 лет (средний возраст – $31,6 \pm 3,63$ года), из них 39 мужчин и 39 женщин. Подбирая испытуемых по возрасту, мы ориентировались на периодизацию возрастов В.С. Мухиной и отбирали мужчин и женщин в возрасте первого периода взрослости. Большая часть выборки – мужчины и женщины с высшим образованием, состоящие в официальном браке и воспитывающие детей.

Результаты исследования

Выраженность копинг-стратегий у людей зрелого возраста, в целом, по выборке, а также по группам мужчин и женщин отражены на рисунке 1.

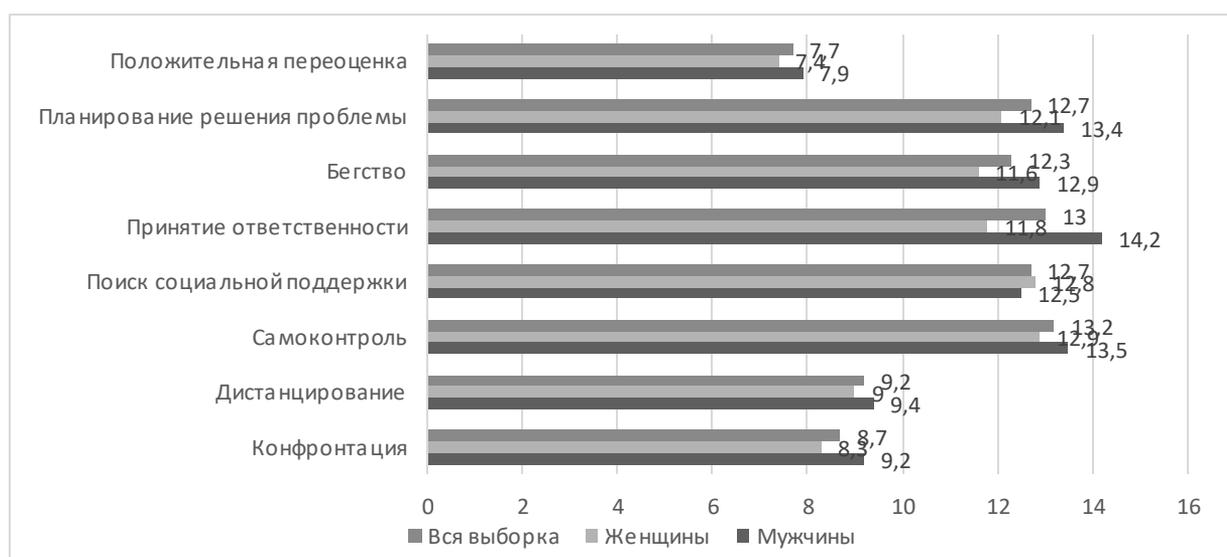
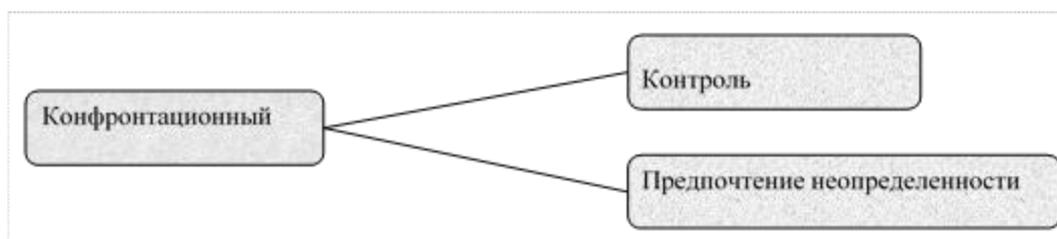

Рисунок 1 - Средние значения выраженности копинг-стратегий у людей зрелого возраста

На рисунке 1 наблюдаются более высокие показатели выраженности практически всех копинг-стратегий в группе мужчин. Исключение составляет шкала поиска социальной поддержки, значения по которой в группе женщин незначительно выше, чем в группе мужчин. Однако статистически значимыми являются различия только по копинг-стратегиям принятия ответственности и планирования решения проблемы. При этом, в целом, по выборке доминирующими, исходя из средних значений выраженности, являются стратегии самоконтроля, принятия ответственности, поиска социальной поддержки и планирования решения проблем.

В ходе корреляционного анализа выявлены две положительные связи между конфронтационным копингом и контролем как показателем жизнестойкости, а также предпочтением неопределенности (рис. 2).

Примечание: сплошная линия – положительная связь

Рисунок 2 - Корреляционная плеяда связей между конфронтационным копингом и личностными особенностями людей зрелого возраста

Выявлена также одна положительная связь между стратегией дистанцирования и социально предписанным перфекционизмом (рис. 3).

Примечание: сплошная линия – положительная связь

Рисунок 3 - Корреляционная плеяда связей между дистанцированием и личностными особенностями людей зрелого возраста

Между самоконтролем и личностными особенностями людей зрелого возраста выявлено 5 связей (рис. 4).

Выявлена также положительная связь между поиском социальной поддержки и нервно-психической устойчивостью (рис. 5).

Корреляционный анализ выявил 7 связей между копинг-стратегией принятия ответственности и личностными особенностями людей зрелого возраста (рис. 6).

Между копинг-стратегией бегства и личностными особенностями людей зрелого возраста выявлено 4 связи (рис. 7).

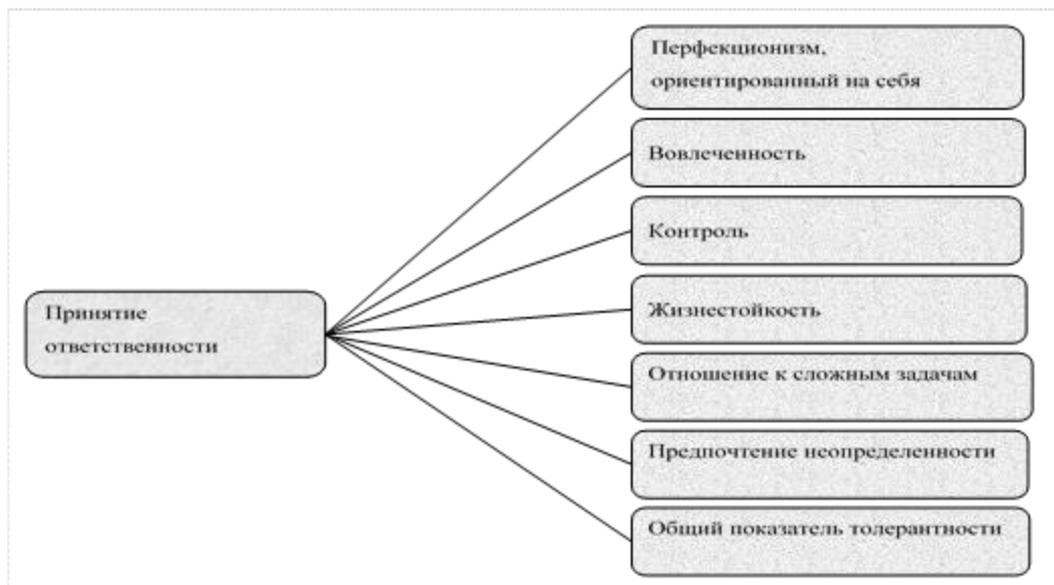
Примечание: сплошная линия – положительная связь, пунктирная линия – отрицательная связь

Рисунок 4 - Корреляционная плеяда связей между самоконтролем и личностными особенностями людей зрелого возраста

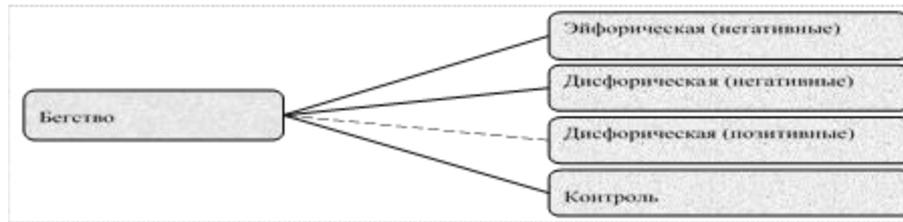
Примечание: сплошная линия – положительная связь

Рисунок 5 - Корреляционная плеяда связей между стратегией поиска социальной поддержки и личностными особенностями людей зрелого возраста

Примечание: сплошная линия – положительная связь, пунктирная линия – отрицательная связь

Рисунок 6 - Корреляционная плеяда связей между копинг-стратегией принятия ответственности и личностными особенностями людей зрелого возраста

Примечание: сплошная линия – положительная связь, пунктирная линия – отрицательная связь

Рисунок 7 - Корреляционная плеяда связей между копинг-стратегией бегства и личностными особенностями людей зрелого возраста

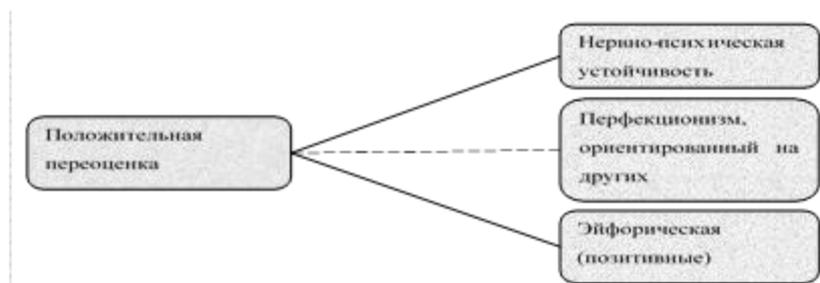
Между копинг-стратегией планирования решения проблем и личностными особенностями – 7 связей (рис. 8).

Примечание: сплошная линия – положительная связь, пунктирная линия – отрицательная связь

Рисунок 8 - Корреляционная плеяда связей между копинг-стратегией планирования решения проблем и личностными особенностями

В ходе корреляционного анализа выявлено также 3 связи между положительной переоценкой и личностными особенностями людей зрелого возраста (рис. 9).

Примечание: сплошная линия – положительная связь, пунктирная линия – отрицательная связь

Рисунок 9 - Корреляционная плеяда связей между копинг-стратегией положительной переоценки и личностными особенностями людей зрелого возраста

Таким образом, по результатам анализа полученных данных можно сделать следующие *выводы*:

В зрелом возрасте преобладающими стратегиями совладания со стрессом являются самоконтроль и принятие ответственности. При этом мужчины чаще, чем женщины, прибегают к таким адаптивным стратегиям совладания, как принятие ответственности и планирование решения проблем.

Люди зрелого возраста, у которых в стрессовых ситуациях доминируют самоконтроль и конфронтационный копинг, обладают высоким уровнем жизнестойкости.

Люди зрелого возраста, у которых в стрессовых ситуациях доминируют стратегии дистанцирования, самоконтроля, принятия ответственности и планирования решения проблем, характеризуются высоким уровнем перфекционизма.

Людьми зрелого возраста, предпочитающие в стрессовых ситуациях использовать стратегии поиска социальной поддержки и положительной переоценки, присущ высокий уровень нервно-психической устойчивости.

Люди зрелого возраста, которые чаще выбирают стратегию бегства, склонны к отрицательному эмоциональному реагированию на стимулы окружающей среды, а предпочитающие стратегию положительной переоценки – к позитивному эмоциональному реагированию.

Люди зрелого возраста, у которых в стрессовых ситуациях доминируют стратегии поиска социальной поддержки, принятия ответственности и планирования решения проблем, присущ высокий уровень толерантности к неопределенности.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждена.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что конфронтационный копинг в стрессовых ситуациях предпочитают использовать те люди зрелого возраста, которые убеждены в том, что человек может сам выбирать свой жизненный путь и влиять на результат своей деятельности, пусть даже это влияние не абсолютно, и успех не гарантирован. Неопределенные ситуации эти люди нередко рассматривают как более эмоционально привлекательные, субъективно комфортные, содержащие большие возможности для получения высоких результатов.

Дистанцирование чаще всего используют люди зрелого возраста с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма, склонные преувеличивать требования по отношению к себе со стороны других людей.

К копинг-стратегии самоконтроля также часто прибегают люди зрелого возраста с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма, а также те, которые склонны к «зацикливанию» на житейских мелочах, сдерживанию и накапливанию обид, избирательны в контактах. При этом, как правило, они убеждены в том, что человек может сам выбирать свой жизненный путь и влиять на результат своей деятельности, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

Поиск социальной поддержки в стрессовой ситуации присущ эмоционально устойчивым людям, обладающим адекватной самооценкой и оценкой окружающей действительности.

Принятие ответственности как копинг-стратегия характерна для тех людей зрелого возраста, которые стремятся во всем быть совершенными, безупречными, соответствовать некоему идеалу, при этом уверенные, что максимальная вовлеченность в происходящее вокруг

них дает максимальный шанс для собственного развития. Они не избегают сложных задач и рассматривают неопределенные ситуации как более эмоционально привлекательные и содержащие большие возможности для получения высоких результатов.

Бегство как способ совладания со стрессом чаще всего используют люди зрелого возраста, которые с юмором относятся к мелким неприятностям, легко переключаются на другой вид деятельности (в том числе тогда, когда устают от умственных занятий). При этом они, как правило, убеждены в том, что человек может сам выбирать свой жизненный путь и влиять на результат своей деятельности, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

К копинг-стратегии планирования решения проблем нередко прибегают люди зрелого возраста с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, а также те, у которых преобладают позитивные по своему содержанию психические эмоциональные состояния, и которые не избегают сложных задач и, в целом, толерантны к неопределенности.

Положительная переоценка как копинг-стратегия доминирует у эмоционально устойчивых людей, которые обладают адекватной самооценкой и оценкой окружающей действительности, не предъявляют нереалистичных ожиданий или чрезмерно высоких критериев по отношению к окружающим их людям, а позитивные события своей жизни преобразуют в позитивные психические состояния и поступки, направленные на дело и окружающих.

Заключение

Полученные результаты исследования подтвердили необходимость дальнейшего изучения проблемы совладания со стрессом в зрелом возрасте. Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов данной проблемы и открывает перспективы для дальнейшего изучения особенностей выбора стратегий совладания со стрессом в зрелом возрасте. В частности, представляется достаточно перспективным и актуальным выявление эффективности тренинговой работы с мужчинами и женщинами по оптимизации их копинг-поведения, проводимой с учетом личностных особенностей.

Библиография

1. Бабакова Л.В. Повседневный стресс и неприятности в период старения // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 6-12.
2. Гончарук В.Н. Исследование особенностей совладающего поведения у мужчин и женщин среднего возраста // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2020. – № 4. – С. 35-45.
3. Гринберг Дж.С. Управление стрессом. – СПб.: Питер, 2014. – 496 с.
4. Камалиев М.А. Теоретико-методологические основы профилактики стресса среди населения // Вестник КазНМУ. 2019. № 3. С. 18-20.
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. 368 с.
6. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2021. – 939 с.
7. Марчевская В.В. Гендерные особенности совладающего поведения в конфликтной ситуации // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 3 (20). – С. 368-371.
8. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). М.: Национальный книжный центр, 2020. 1127 с.
9. Победоносцева А.А., Крюкова Т.Л. Перфекционизм как фактор совладания со стрессом у женщин // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V межд. научн. конф. (Кострома, 26-28 сентября 2019 г.) – Кострома, 2019. – С. 548-552.
10. Самсонова Н.Л., Маясова Т.В., Неделяева А.В. Сравнительный анализ способов совладающего поведения и особенностей саморегуляции в ситуациях стресса у мужчин и женщин среднего возраста // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 3 (45). – С. 350-359.
11. Хайрова З.Р. Особенности проявления копинг-стратегий в ситуации моббинга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6-4. С. 122-124.

12. Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с
13. Selye H. The stress of life. New York: McGraw-Hill Book Co, 1956. 325 p.
14. Vingerhoets A. Attachment styles and secure base priming in relation to emotional reactivity after frustration induction // Cognition and Emotion. – 2018. – V. 33(3). – P. 1-14.

Individual psychological determinants of viability and choosing stress coping strategies

Anastasiya V. Kosolapova

Senior lecturer

Department of Modern Languages and Communication
National University of Science and Technology MISiS,
119049, 4, Leninskii ave., Moscow, Russian Federation;

Postgraduate student,

Department of Social and Educational Psychology,
State University of Education,
105005, 10-a, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Avkosolapova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the actual problem of viability and coping with stress in adulthood. The author carried out a theoretical analysis of literary sources that reveal the individual psychological determinants of viability and choosing stress coping strategies for people of the mature age. The study involved 78 men and women aged 26 to 39 years. It was revealed that the dominant coping strategies in adulthood are the strategies of self-control, taking responsibility, seeking social support and problem solving planning. At the same time, men are more likely than women to resort to adaptive strategies for planning problem solving and taking responsibility. Correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient was used) revealed numerous links between coping strategies and personal characteristics of people of mature age, on the basis of which it was concluded that the research hypothesis is that the determinants of choosing stress coping strategies in adulthood are such personality traits, as neuropsychic stability, perfectionism, resilience, tolerance for uncertainty, has found its confirmation. The practical significance of the study lies in the fact that its results and conclusions can be used in the practical work of psychologists in the course of counseling adults who have difficulty coping in a stressful situation of uncertainty in order to optimize their coping behavior.

For citation

Kosolapova A.V. (2024) Individual'no-psikhologicheskie determinanty zhiznesposobnosti i sovladaniya so stressom v zrelom vozraste [Individual psychological determinants of viability and choosing stress coping strategies]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 44-54.

Keywords

Stress, viability, coping with stress, coping behavior, mature age, individual psychological determinants, coping strategies.

References

1. Babakova L.V. (2017) Povsednevny stress i nepriyatnosti v period starenia [Everyday stress and troubles during aging]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern Foreign Psychology]*, 6(3), pp. 6-12.
2. Goncharuk V.N. (2020) Issledovanie osobennosti sovladyvayushchego povedeniya u muzhchin i zhenshchin srednego vozrasta [Study of coping behavior characteristics in middle-aged men and women]. *Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya [Psychology and Pedagogy in Crimea: Paths of Development]*, 4, pp. 35-45.
3. Grinberg D.S. (2014) *Upravlenie stressom [Stress management]*. St. Petersburg: Piter, 496 p.
4. Kamaliev M.A. (2019) Teoretiko-metodologicheskie osnovy profilaktiki stressa sredi naseleniya [Theoretical and methodological foundations of stress prevention among the population]. *Vestnik KazNMU [Bulletin of KazNMU]*, 3, pp. 18-20.
5. Kitaev-Smyk L.A. (1983) *Psikhologiya stressa [Psychology of stress]*. Moscow: Nauka, 368 p.
6. Craig G., Bokum D. (2021) *Psikhologiya razvitiya [Psychology of development]*. St. Petersburg: Piter, 939 p.
7. Marchevskaya V.V. (2018) Gendernye osobennosti sovladyvayushchego povedeniya v konfliktnoi situatsii [Gender characteristics of coping behavior in a conflict situation]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki [Modern Scientific Research and Developments]*, 3(20), pp. 368-371.
8. Mukhina V.S. (2020) Lichnost': Mify i Real'nost' (Alternativnyi vzglyad. Sistemnyi podkhod. Innovatsionnye aspekty) [Personality: Myths and Reality (An Alternative View. Systemic Approach. Innovative Aspects)]. Moscow: Natsional'nyi knizhnyi tsentr, 1127 p.
9. Pobedenostseva A.A., Kriukova T.L. (2019) Perfeksionizm kak faktor sovladaniya so stressom u zhenshchin [Perfectionism as a coping factor for stress in women]. *Psikhologiya stressa i sovladyvayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagosostoyanie: materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kostroma, 26-28 sentyabrya 2019 g.) [Psychology of Stress and Coping Behavior: Challenges, Resources, Well-being: Proceedings of the V International Scientific Conference]*, Kostroma, pp. 548-552.
10. Samsonova N.L., Mayasova T.V., Nedelyaeva A.V. (2020) Sravnitel'nyi analiz sposobov sovladyvayushchego povedeniya i osobennosti samoregulyatsii v situatsiyakh stressa u muzhchin i zhenshchin srednego vozrasta [Comparative analysis of coping behavior methods and features of self-regulation in stress situations among middle-aged men and women]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*, 3(45), pp. 350-359.
11. Khaïrova Z.R. (2016) Osobennosti proyavleniya koping-strategii v situatsii mobbinga [Features of coping strategies manifestation in mobbing situations]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [Current Problems of Humanities and Natural Sciences]*, 6-4, pp. 122-124.
12. Yaltonskiy V.M., Sirota N.A. (2008) *Psikhologiya sovladyvayushchego povedeniya: razvitie, dostizheniya, problemy, perspektivy [Psychology of Coping Behavior: Development, Achievements, Problems, Prospects]*. In A.L. Zhuravlev, T.L. Kriukova, E.A. Sergienko (Eds.), *Sovladyvayushchee povedenie: Sovremennoye sostoyanie i perspektivy [Coping Behavior: Current State and Prospects]* (pp. 474). Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN".
13. Selye H. (1956) *The stress of life*. New York: McGraw-Hill Book Co, 325 p.
14. Vingerhoets A. (2018) Attachment styles and secure base priming in relation to emotional reactivity after frustration induction. *Cognition and Emotion*, 33(3), pp. 1-14.

УДК 159.9

Особенности суицидального поведения тувинских девочек-подростков из неполных семей

Салчак Ая Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Тувинский государственный университет,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Ленина, 36;
e-mail: aika_kuular@mail.ru

Научная статья подготовлено при поддержке гранта Главы Республики Тыва №33 от 03.08.2023г в рамках проекта Молодежный лагерь «Pro меня».

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей суицидального поведения тувинских подростков из неполных семей. В эмпирической части исследования приняли участие 60 человек из них 27 девушек, 33 юношей в возрасте 15-16 лет. Исследование проводилась на базе МБОУ СОШ №1 им. А.М. Бухтуева г Кызыла. Методики исследования особенностей суицидального поведения тувинских подростков были выбраны следующие методики: шкала депрессии Бека, опросник суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой), «ваши суицидальные наклонности» (З. Королёва), шкала депрессии Бека. Методики были предназначены для выявления уровня суицидальных намерений с целью предупреждения серьезных попыток суицида среди тувинских подростков. Актуальность исследования состоит, в том, что в последние годы статистика указывает на тревожный рост числа самоубийств среди подростков. В нашей республике за последний год число детей, покончивших жизнь самоубийством, за первый квартал этого года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось в четыре раза - до восьми, всего было зарегистрировано 16 попыток суицида подростков. За 2023 год в Туве было зарегистрировано 15 попыток самоубийства детей, завершённых суицидов 124. Согласно статистике, на 100 тыс. молодых людей в возрасте 15-19 лет приходится почти 20 случаев суицида, что превышает мировой показатель в 2,7 раза. Таким образом, результаты проведённого исследования могут в дальнейшем использоваться в практической деятельности школьных психологов, социальных работников и социальных педагогов при диагностике и коррекции суицидального поведения подростков

Для цитирования в научных исследованиях

Салчак А.М. Особенности суицидального поведения тувинских девочек-подростков из неполных семей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 55-65.

Ключевые слова

Подростки, суицидальное поведение, мальчики, девочки.

Введение

Проблема суицидального поведения подростков является одной из самых актуальных в современном обществе. Возраст перехода от детства к зрелости сопровождается огромными изменениями в физическом, эмоциональном и социальном плане. Сложности в общении с окружающими, низкая самооценка и отсутствие поддержки могут приводить к серьезным психическим проблемам, вплоть до мыслей о самоубийстве. Второй распространённой причиной суицидального поведения у подростков является отсутствие понимания и поддержки со стороны семьи и образовательной системы. Родители и учителя не всегда обращают должное внимание на эмоциональное состояние и проблемы подростков, считая их временными трудностями, а не серьезными проблемами. Это только усугубляет ситуацию и приводит к более глубокой депрессии и отчаянию [Дикусар, 2023].

Суицидальное поведение подростков является серьезной проблемой современного общества. Одним из факторов, влияющих на возникновение подобного поведения, является тип семьи, в которой ребенок вырос. Различные типы семей могут оказывать разное влияние на подростка и его ментальное состояние, что отражается на суицидальных наклонностях. Первый тип семьи, который следует рассмотреть, это неполная семья. Дети, выросшие в неполных семьях, часто испытывают чувство одиночества и недостатка в эмоциональной поддержке. Они могут ощущать отчуждение и неуверенность в себе, что становится фактором риска для развития суицидального поведения. Отсутствие второго родителя, а также негативный опыт развода или разрыва семьи, оставляют на душе ребенка следы, которые могут привести к депрессии и нежеланию жить [Зубова, Щербинина, 2021].

Различные аспекты рассматриваемой нами проблемы изучались учеными на протяжении всех этапов развития науки. Так, психолого-педагогические основы развития личности освещены в трудах Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, А. Н. Леонтьева, А. В. Петровского, С. А. Рубинштейна и др.

Факторы формирования суицидального поведения подростков, особенности профилактики суицидального поведения подростков раскрыты в трудах зарубежных (Г. Бернлер, И. Владински, Р. Рамзей, Д. Юнссон и др.) и отечественных (А. И; Акулова, Н. Е. Бекетова, Б. П. Битинас, Б. З. Вульф, М. А. Галагузова, В. И. Загвязинский, Л. В. Мардахаев, Л. Я. Олиференко, В. Д. Семенов, Е. Н. Сорочинская и др.) ученых.

Исследованию социума как фактора социализации посвящены труды В. Г. Бочаровой, В. Н. Гурова, А. В. Мудрика, Г. Н. Филонова, Т. Ф. Яркиной и др.

Методологические основы исследования составили методы анализа научной и теоретической литературы психологического, социологического, этнографического характера. Стандартизированные эмпирические методы психологического исследования; методы математико-статистической обработки данных. Особенности суицидального поведения были рассмотрены рядом исследователей: Л. С. Выготский, Д. А. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, В. Штерн, Э. Шпрангер, К. Роджерс, Г. Крайг и др.

Предупреждение суицидального поведения подростков является важной задачей для психологов, педагогов и врачей. Для достижения этой цели требуется широкий спектр мероприятий в различных сферах образования, медицины и общества в целом. Психологическая поддержка, психотерапия, а также развитие навыков решения проблем и установление здоровых отношений между подростками и их окружающими могут сыграть важную роль в профилактике суицидального поведения.

Таким образом, проблематика суицидального поведения среди подростков является очень актуальной в современном мире и влечет за собой ответственность за детей на родителей, близких, психологов, образовательные структуры, структуры по защите детей и органы исполнительной власти.

Методы

Целью исследования: является изучение гендерных особенностей суицидального поведения подростков из неполных семей.

Задачи исследования:

1. Теоретический анализ зарубежной и отечественной литературы, синтез и обобщение, методы сравнительного анализа.

2. Эмпирическое исследование особенностей суицидального поведения подростков из неполных семей.

Объект исследования: особенности суицидального поведения подростков.

Предмет исследования: особенности суицидального поведения подростков в зависимости от пола и типа семьи

Гипотеза исследования: основывается на предположении о том, что у мальчиков и девочек в процессе становления в подростковом возрасте склонность к суицидальному поведению имеют различия в зависимости от пола и типа семьи.

Эмпирическое исследование проводилась на базе МБОУ СОШ №1 города Кызыла. Выборка представлена подростками в возрасте 15-16 лет в количестве 60 человек (27 девушек, 33 юношей). Школьники были разделены на 2 группы: первую группу составляют школьники из полных семей, вторая группа - школьники из неполных семей.

В нашем для изучения особенностей суицидального поведения тувинских подростков были выбраны следующие методики: шкала депрессии Бека, опросник суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой), «ваши суицидальные наклонности» (З. Королёва), шкала депрессии Бека. Методики были предназначены для выявления уровня суицидальных намерений с целью предупреждения серьезных попыток суицида среди тувинских подростков.

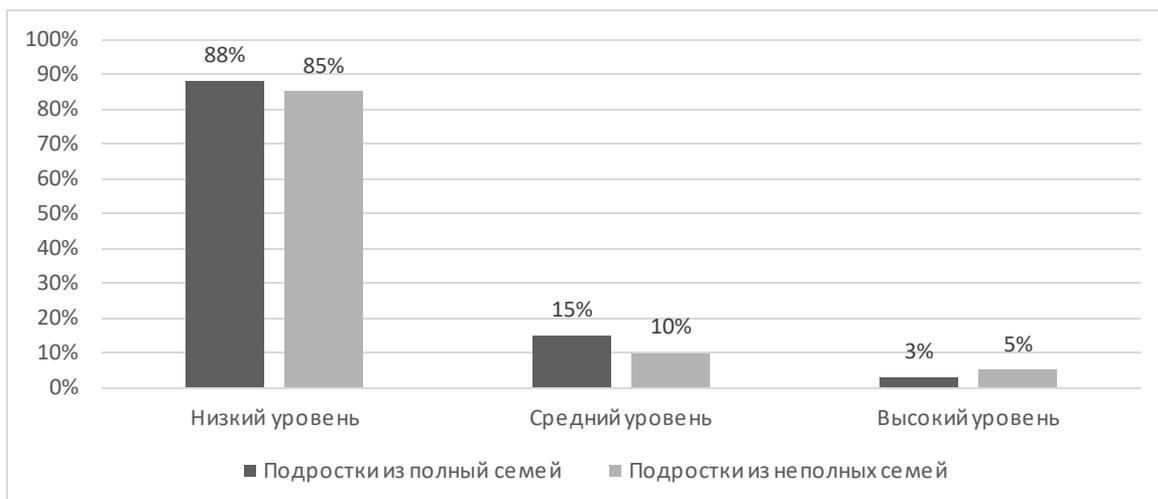
Результаты и их обсуждение

В первую очередь нами были проанализированы результаты исследования школьников по методике «Шкала депрессии Бека». Результаты исследования уровня развития депрессии по данной методике показывает, что в основном в обеих группах у подростков не выявлено депрессивных симптомов. 88% подростков из полных семей и 85% подростков из неполных семей показывают низкий уровень развития депрессии. Средний уровень депрессии выявлено у 15% подростков из полных семей и 10% подростков из неполных семей. Анализ результатов исследования показывает, что уровень депрессии среди подростков из неполных семей был незначительно выше, чем у тех, кто вырос в полных семьях. Это говорит о том, что отсутствие одного из родителей оказывает отрицательное влияние на психическое состояние подростков и предрасполагает к развитию депрессивных состояний.

Анализируя результаты диагностики, полученные с помощью «Опросник суицидального риска» (автор – Т. Н. Разуваева), мы пришли к следующим выводам.

На рисунке 2, представлены результаты первичной диагностики подростков по шкале «Демонстративность». Среди опрошенных нами подростков высокий уровень

демонстративности не выявлен ни у одного респондента. У 1 из опрошенных (2%) уровень демонстративности соответствует показателю «выше среднего».

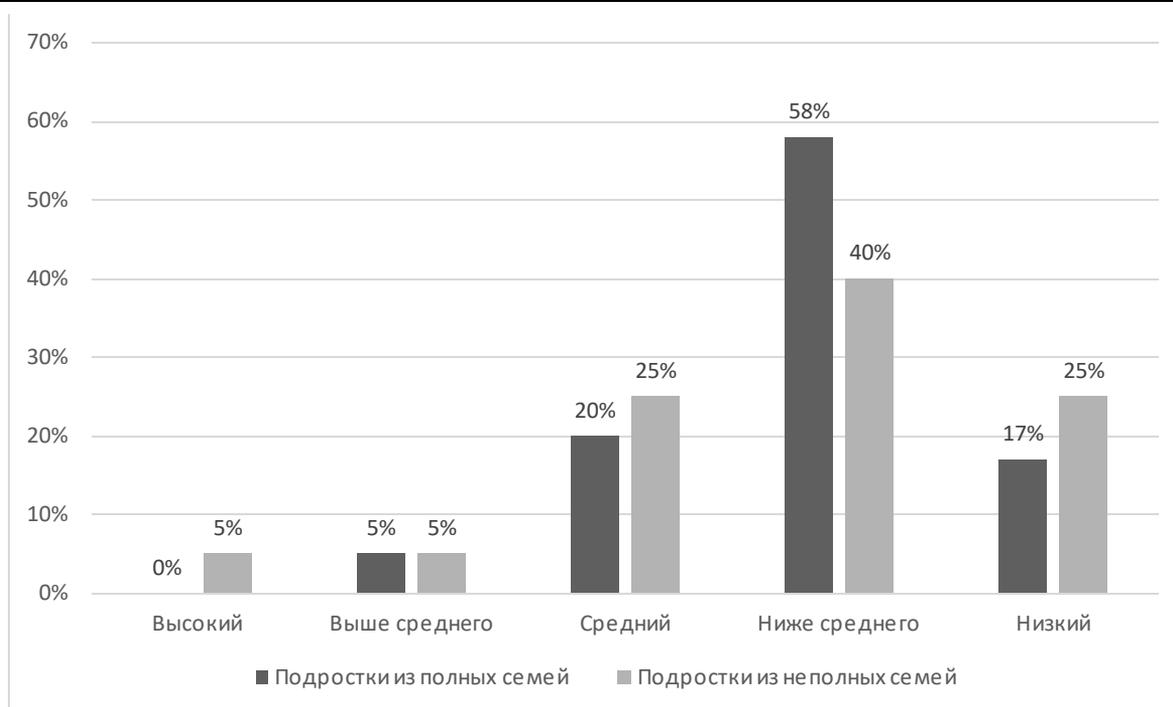
Рисунок 1 – Результаты исследования уровня депрессии подростков из полных и неполных семей по методике «Шкала депрессии Бека»

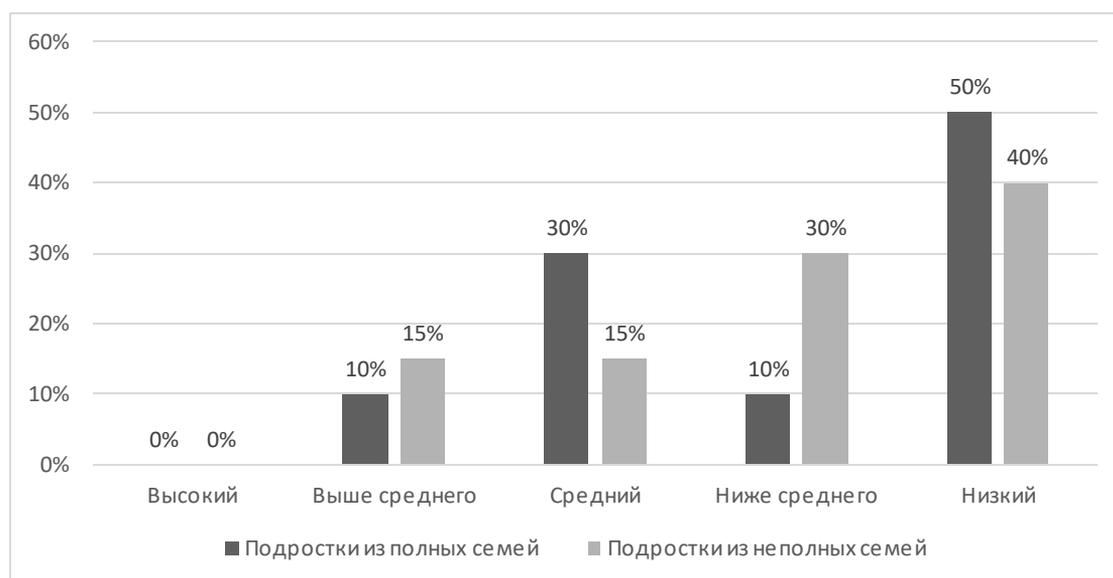
Рисунок 2 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Демонстративность»)

Из чего следует, что для большинства опрошенных нами респондентов не характерно привлечение внимания со стороны окружающих к своим проблемам и трудностям через демонстративный суицид. 3 респондента (6%) имеют средний показатель.

Результаты исследования по данной шкале показывает, что 58% подростков из неполных семей имеют уровень ниже среднего по данной шкале, среди подростков из неполных семей 40% подростков показывают уровень ниже среднего. Анализ результатов исследования показывают, что для 5% подростков из полных и неполных семей характерно высокий уровень по шкале аффективности.

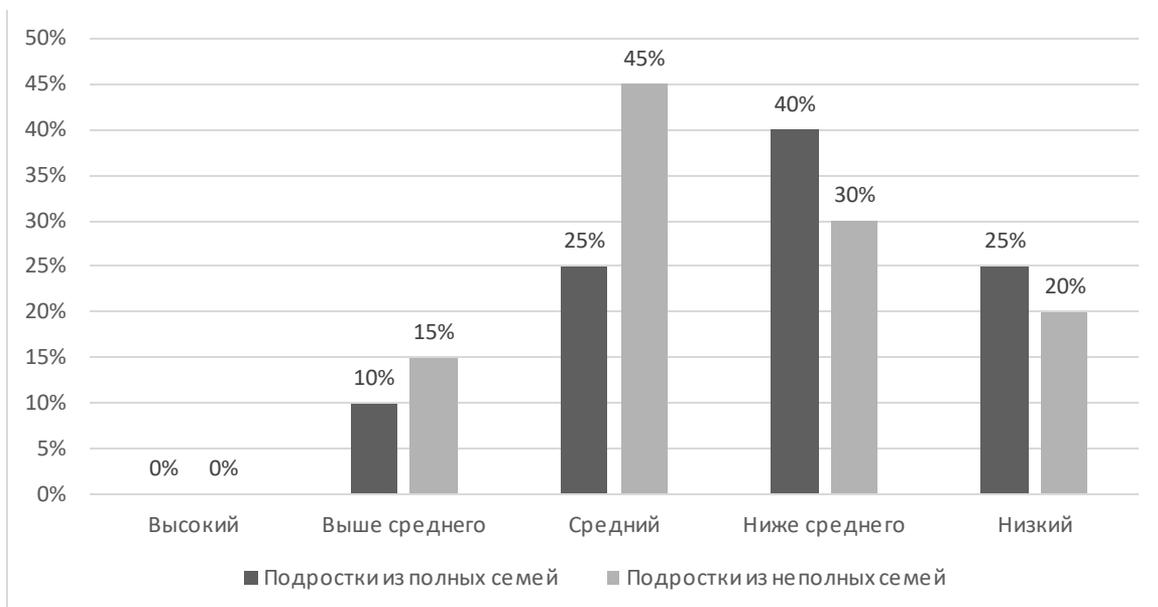

Рисунок 3 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Аффективность»)

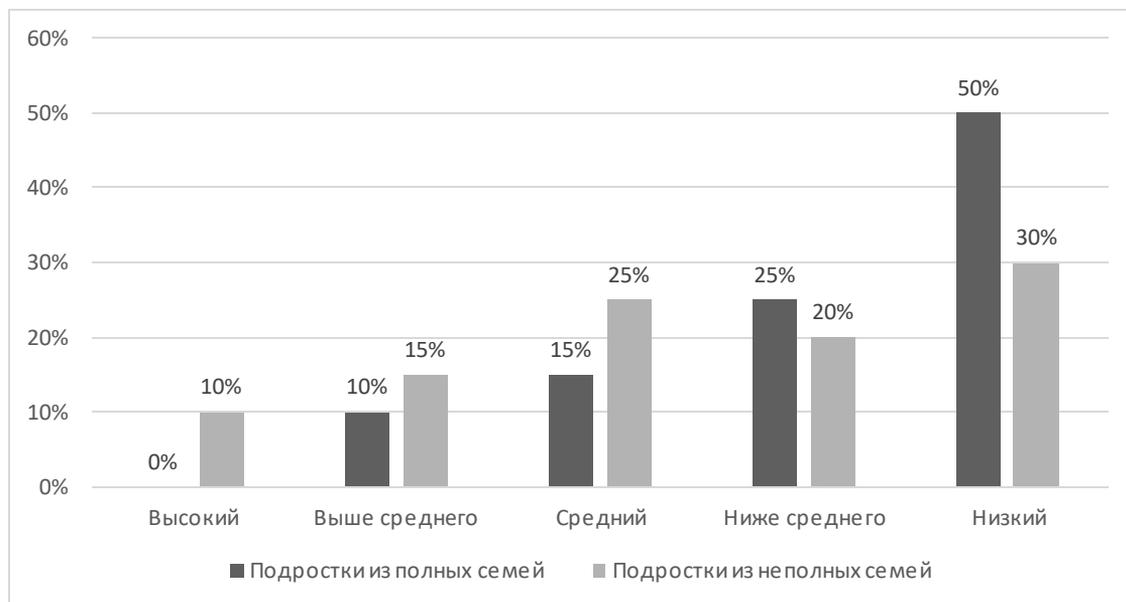
Рисунок 4 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Уникальность»)

Для 10% подростков из полных семей и 15% подростков из неполных семей характерен уровень выше среднего по показателю шкалы «Уникальность». Это свидетельствует об их восприятии себя как уникальной личности, не похожей на другие и способной отличаться совершаемыми действиями и поступками от общей массы. 15% подростков из неполных семей и 30% опрошенных из полных семей имеют средний показатель. У всех остальных респондентов этот показатель слабо выражен.

Рисунок 5 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Несостоятельность»)

Результаты исследования по данной шкале показывают, что многие подростки из неполных семей показывают средний уровень по данной шкале. Для них характерно отрицательное восприятие своей личности, своих возможностей и способностей. Уровень ниже среднего показывают 40% подростков из полных семей и 30% подростков из неполных семей.

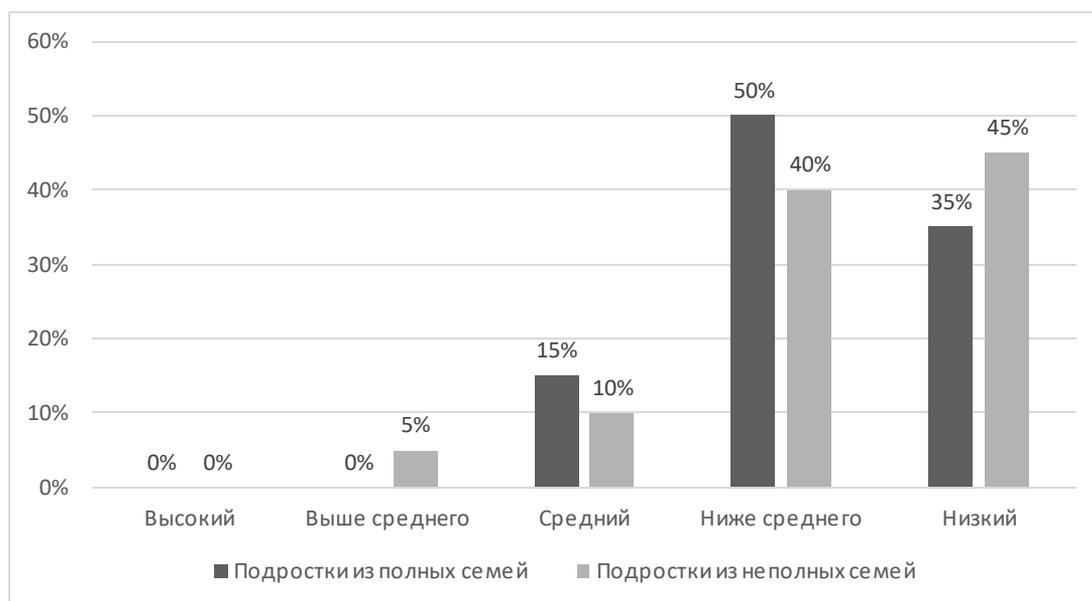
Рисунок 6 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Социальный пессимизм»)

Результаты исследования по данной шкале показывают, что по сравнению с подростками из полных семей у подростков из неполных семей средний уровень по данной шкале показывают 25% подростков. Низкий уровень по шкале показывают 50% подростков из полных семей.

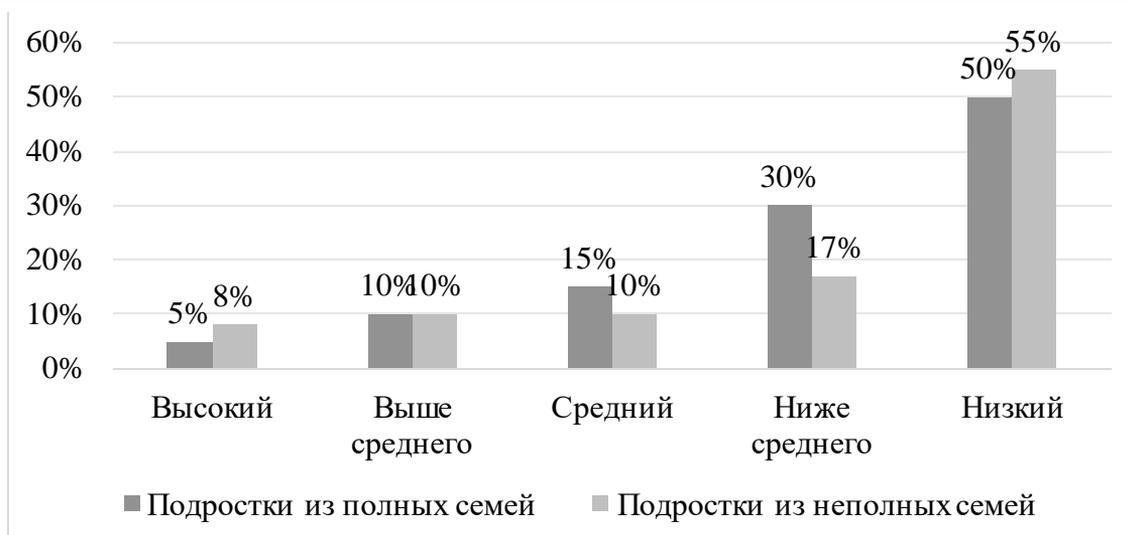
Рисунок 7 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Слом культурных барьеров»)

Среди опрошенных нами подростков высокий уровень по шкале «Слом культурных барьеров» не выявлен ни у одного респондента. У 17 подростков из неполных семей (34%) выявлен средний показатель по этому фактору. Это говорит о том, что для этих подростков свойственно оправдывать суицидальное поведение. У остальных опрошенных этот показатель ниже среднего.

Рисунок 8 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Временная перспектива»)

Среди опрошенных нами подростков у 5 (10%) выявлен средний показатель. Данные испытуемые могут не иметь четкого представления о будущем и боятся его неизвестности. Все остальные подростки (80%) показали результаты, что находится на уровне «ниже среднего» и «низкий». Это говорит о том, что все подростки адекватно оценивают свое будущее и не боятся неудач и поражений, связанных с ним.

Рисунок 9 – Результаты исследования подростков по методике «Опросник суицидального риска» (шкала «Антисуицидальный фактор»)

Результаты исследования показывают 46 подростков из 60 опрошенных показали высокий уровень антисуицидального фактора, что говорит о понимании своей ответственности за близких людей и наличии чувства долга у подростков. 8% подростков из неполных семей и 5% подростков из полных семей имеют низкий показатель по данной шкале, что повышает риск суицидального поведения.

Рисунок 10 – Результаты исследования по методике Тест «Ваши суицидальные наклонности» (З. Королёва)

Результаты исследования по данной методике показывает, что 80% подростков из полных семей показали низкий уровень суицидальных наклонностей. Среди подростков из неполных семей 75% показывают низкий уровень по данной методике. Высокий уровень суицидальных наклонностей выявлен у 8% подростков из неполных семей и 5% подростков из полных семей.

Обобщая полученные результаты диагностики, мы можем отметить, что 15 подростков имеют по какой-либо шкале высокие показатели. Данный факт говорит о том, что эти

респонденты имеют определенную склонность к суицидальному поведению. Высокие показатели выявлены по таким шкалам как: «Аффективность» у 6 подростков; «Несостоятельность» у 1 подростка; «Социальный пессимизм» у 2 опрошенных (6%); «Максимализм» у 4 подростков (12%).

Результаты исследования уровня развития депрессии по методике шкала депрессии Бека показывает, что в основном в обеих группах у подростков не выявлено депрессивных симптомов. 88% подростков из полных семей и 85% подростков из неполных семей показывают низкий уровень развития депрессии. Средний уровень депрессии выявлено у 15% подростков из полных семей и 10% подростков из неполных семей. Анализ результатов исследования показывает, что уровень депрессии среди подростков из неполных семей был незначительно выше, чем у тех, кто вырос в полных семьях. Это говорит о том, что отсутствие одного из родителей оказывает отрицательное влияние на психическое состояние подростков и предрасполагает к развитию депрессивных состояний.

Заключение

Результаты исследования склонности к суицидальному поведению показывает, что 80% подростков из полных семей показали низкий уровень суицидальных наклонностей. Среди подростков из неполных семей 75% показывают низкий уровень по данной методике. Высокий уровень суицидальных наклонностей выявлен у 8% подростков из неполных семей и 5% подростков из полных семей.

Обобщая полученные результаты диагностики, мы можем отметить, что 15 подростков имеют по какой-либо шкале высокие показатели. Данный факт говорит о том, что эти респонденты имеют определенную склонность к суицидальному поведению. Высокие показатели выявлены по таким шкалам как: «Аффективность» у 6 подростков; «Несостоятельность» у 1 подростка; «Социальный пессимизм» у 2 опрошенных (6%); «Максимализм» у 4 подростков (12%).

Таким образом, тип семьи имеет существенное значение для понимания особенностей суицидального поведения подростков. Неполные и дисфункциональные семьи часто представляют риск для душевного состояния подростков, тогда как функциональная семья может способствовать их психологическому благополучию. Роль семьи в поддержке и формировании здорового ментального состояния ребенка необходима для предотвращения суицидального поведения подростков.

Библиография

1. Дикусар, Я. С. Влияние семьи на формирование суицидального поведения несовершеннолетних / Я. С. Дикусар. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2023. – №4. – С.28-32.
2. Зубова, Л. В. Теоретические предпосылки исследования суицидального поведения личности / Зубова Л. В, Щербинина О. А. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2021. – №6. – С. 11-17.
3. Иванова, О. А. Факторы формирования суицидального поведения в подростковом возрасте / О. А. Иванова. – Текст : непосредственный // Научные исследования XXI века. – 2021. – № 4(12). – С. 135-138.
4. Корнетов, А. Н. Профилактика суицидального поведения подростков в школе. Методические рекомендации для педагогов и кураторов / А. Н. Корнетов, И. Л. Шелехов, С. А. Морева, Е. А. Линок. – Томск: ООО «Рекламная группа Графика, 2021. – 56 с.– Текст : непосредственный.
5. Fonseca-Pedrero E. et al. Risk and protective factors in adolescent suicidal behaviour: A network analysis // International journal of environmental research and public health. – 2022. – Т. 19. – №. 3. – С. 1784.

6. Zashchirinskaia O., Isagulova E. Childhood trauma as a risk factor for high risk behaviors in adolescents with Borderline personality disorder //Iranian journal of psychiatry. – 2023. – T. 18. – №. 1. – C. 65.
7. Cao G. et al. Bullying victimization and suicidal ideation among adolescents: The mediating role of psychological stress and the moderating role of perceived school climate //Current psychology. – 2022. – C. 1-11.
8. Fonseca-Pedrero E. et al. Suicidal behaviour in adolescents: A network analysis //Spanish Journal of Psychiatry and Mental Health. – 2024. – T. 17. – №. 1. – C. 3-10.
9. Schlagbaum P. et al. The impact of peer influencing on adolescent suicidal ideation and suicide attempts //Journal of psychiatric research. – 2021. – T. 140. – C. 529-532.
10. López P. V. et al. Self-injury and suicidal behavior in children and youth population: Learning from the pandemic //Anales de Pediatría (English Edition). – 2023. – T. 98. – №. 3. – C. 204-212.

Features of suicidal behavior of Tuvan teenage girls from single-parent families

Aya M. Salchak

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Psychology,
Tuvan State University,
667000, 36, Lenin Street, Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: aika_kuular@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of suicidal behavior among Tuvan adolescents from single-parent families. The empirical part of the study involved 60 participants, including 27 girls and 33 boys aged 15–16 years. The research was conducted at MBOU Secondary School No. 1 named after A.M. Bukhtuev in Kyzyl. The following methods were chosen to study the features of suicidal behavior among Tuvan adolescents: the Beck Depression Inventory, the Suicide Risk Questionnaire (modified by T.N. Razuvaeva), "Your Suicidal Tendencies" (Z. Koroleva), and the Beck Depression Inventory. These methods were aimed at identifying the level of suicidal intentions to prevent serious suicide attempts among Tuvan adolescents. The relevance of the study lies in the fact that recent statistics indicate an alarming increase in the number of suicides among adolescents. In our republic, the number of children who committed suicide in the first quarter of this year increased fourfold compared to the same period last year, reaching eight cases, with a total of 16 suicide attempts registered among adolescents. In 2023, 15 suicide attempts by children were registered in Tuva, with 124 completed suicides. According to statistics, there are almost 20 cases of suicide per 100,000 young people aged 15–19, which is 2.7 times higher than the global average. Thus, the results of this study can be further used in the practical work of school psychologists, social workers, and social educators in diagnosing and correcting suicidal behavior among adolescents.

For citation

Salchak A.M. (2024) Osobennosti suitsidalnogo povedeniya tuvinskikh devochek-podrostkov iz nepolnykh semey [Features of Suicidal Behavior Among Tuvan Adolescent Girls from Single-Parent Families]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 55-65.

Keywords

Adolescents, suicidal behavior, boys, girls.

References

1. Dikumar, Y.S. (2023). Vliyanie sem'i na formirovanie suitsidal'nogo povedeniya nesovershennoletnikh [The influence of family on the formation of suicidal behavior in minors]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 4, pp. 28-32.
2. Zubova, L.V., Shcherbina, O.A. (2021). Teoreticheskie predposylki issledovaniya suitsidal'nogo povedeniya lichnosti [Theoretical prerequisites for the study of suicidal behavior in individuals]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University], 6, pp. 11-17.
3. Ivanova, O.A. (2021). Faktory formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Factors influencing the formation of suicidal behavior in adolescence]. Nauchnye issledovaniya XXI veka [Scientific Research of the 21st Century], 4(12), pp. 135-138.
4. Kometov, A.N., Shelekhov, I.L., Moreva, S.A., Linok, E.A. (2021). Profilaktika suitsidal'nogo povedeniya podrostkov v shkole. Metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov i kuratorov [Prevention of suicidal behavior in adolescents at school: Methodological recommendations for teachers and curators]. Tomsk: OOO "Reklamnaya gruppa Grafika".
5. Fonseca-Pedrero, E., et al. (2022). Risk and protective factors in adolescent suicidal behaviour: A network analysis. International Journal of Environmental Research and Public Health, 19(3), 1784.
6. Zashchirinskaia, O., Isagulova, E. (2023). Childhood trauma as a risk factor for high-risk behaviors in adolescents with borderline personality disorder. Iranian Journal of Psychiatry, 18(1), 65.
7. Cao, G., et al. (2022). Bullying victimization and suicidal ideation among adolescents: The mediating role of psychological distress and the moderating role of perceived school climate. Current Psychology, 1-11.
8. Fonseca-Pedrero, E., et al. (2024). Suicidal behaviour in adolescents: A network analysis. Spanish Journal of Psychiatry and Mental Health, 17(1), 3-10.
9. Schlagbaum, P., et al. (2021). The impact of peer influencing on adolescent suicidal ideation and suicide attempts. Journal of Psychiatric Research, 140, 529-532.
10. López, P.V., et al. (2023). Self-injury and suicidal behavior in children and youth population: Learning from the pandemic. Anales de Pediatría (English Edition), 98(3), 204-212.

УДК 159.9

Формирование образа педагогического работника. Психолого-педагогический аспект

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В современном образовательном пространстве, где требования к качеству образования постоянно растут, роль педагогического работника приобретает особое значение. В статье рассматривается сложный и многогранный процесс формирования образа педагогического работника в сознании различных групп людей: обучающихся, коллег, родителей и общества в целом. Понимание психологического образа педагога становится ключевым для оптимизации образовательного процесса, повышения эффективности взаимодействия «учитель - ученик», а также для профессионального развития самих педагогов. Особое внимание уделяется психологическим аспектам этого процесса, анализируются факторы, влияющие на восприятие и оценку педагога, а также последствия сформированного образа для профессиональной деятельности и социального статуса. Представленный материал посвящен исследованию формирования психологического образа педагогического работника, анализу существующих теоретических подходов и авторских определений, разработанных российскими и зарубежными учеными. В заключение представлены выводы о необходимости осознанного формирования позитивного и реалистичного образа педагога, способствующего повышению эффективности его профессиональной деятельности и улучшению межличностных отношений в образовательной процессе и академической среде.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Формирование образа педагогического работника. Психолого-педагогический аспект // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 66-73.

Ключевые слова

Педагогический работник, межличностные отношения, психологические механизмы, профессиональная компетентность, психологический образ.

Введение

В современном обществе, предъявляющем высокие требования к системе образования, роль педагогического работника приобретает особое значение. От его профессиональных и личностных качеств, способности к эффективному взаимодействию с обучающимися и другими участниками образовательного процесса, во многом зависит успешность обучения и воспитания подрастающего поколения. В этой связи, актуальным становится вопрос формирования позитивного и адекватного образа педагогического работника, способствующего повышению его престижа, мотивации и профессиональной самореализации.

Основное содержание

Безусловно, формирование образа педагогического работника – это сложный психологический процесс, включающий в себя восприятие, оценку и интерпретацию информации о педагоге, на основе которой формируется устойчивое представление о его личности, профессиональных качествах и роли в обществе. Этот процесс подвержен влиянию множества факторов, включая личный опыт взаимодействия с педагогами, стереотипы, социальные нормы и ценности, а также информацию, распространяемую средствами массовой информации.

Для начала остановимся на происхождении и значении слова «образ». Так, по словарю Макса Фастера, слово «образ» происходит от праславянского «об-» и корня «газь», связанного с глаголом «разить» – наносить удар. По Аристотелю, образ находится внутри человека, а источником образа является не идеальный, а материальный мир. Образы – психические посредники между чувствами и разумом, мост между внутренним миром сознания и внешним миром материальной реальности [Кюглер, 2000, с. 117]. В психологической науке, по мнению С.А. Осинской: «...проблема образа принадлежит к числу фундаментальных, поскольку именно образы, отражая объективную реальность, являются содержанием психики субъекта. Появившись в психологии одной из первых, категория образ стала ведущей при изучении познания» [Осинская, 2012, с. 69]. В философии под «образом» понимается результат и идеальная форма отражения предметов и явления материального мира в сознании человека. Это понятие связано с познанием и восприятием реальности человеком [Гончарова, 2012].

В российской психологической и педагогической науке существует ряд авторских определений исследуемого феномена, отражающих специфику отечественной образовательной системы и культурные ценности.

В.А. Кан-Калик в своей книге «Учителю о педагогическом общении» определяет психологический образ педагога как систему представлений о личности учителя, его профессиональных качествах, стиле общения и взаимодействия с учениками, коллегами и родителями [Кан-Калик, 1987]. Ученый подчеркивает важность педагогической коммуникации, эмпатии и умения создавать благоприятный психологический климат в образовательном процессе.

Н.В. Кузьмина рассматривает психологический образ педагога как интегральную характеристику личности, включающую в себя мотивационно-ценностную сферу, профессиональные знания и умения, а также индивидуальный стиль педагогической деятельности [Кузьмина, 1970]. Автор акцентирует внимание на профессиональной

компетентности педагога, его способности к саморазвитию и творческому подходу к решению педагогических задач.

А.К. Маркова определяет психологический образ педагога как систему представлений о профессиональной идентичности учителя, его роли в образовательном процессе, целях и задачах педагогической деятельности [Маркова, 1993]. А также подчеркивает важность осознания педагогом своей профессиональной позиции, ответственности за результаты обучения и воспитания учеников, а также умения адаптироваться к изменяющимся требованиям образовательной системы.

Изучение психологического образа педагога является междисциплинарной областью, находящейся на стыке психологии, педагогики и социологии. Различные теоретические подходы предлагают различные взгляды на исследуемый феномен.

Психоаналитический подход: Основоположником которого является Зигмунд Фрейд, рассматривает личность педагога как результат влияния бессознательных процессов, раннего детского опыта и механизмов защиты. Согласно этому подходу, стиль преподавания и взаимодействия с учениками может быть обусловлен неосознанными мотивами и конфликтами [Бурлакова, 2009].

Бихевиористский подход: Представленный работами Джона Б. Уотсона и Б.Ф. Скиннера, акцентирует внимание на визуализацию поведения педагога и его обусловленности внешними стимулами и реакциями. Эффективность педагогической деятельности, с точки зрения бихевиоризма, определяется способностью педагога создавать оптимальные условия для формирования желаемого поведения у обучающихся посредством положительного и отрицательного подкрепления [Городович, 2022].

Гуманистический подход: Развита Карлом Роджерсом и Абрахамом Маслоу, ставит в центр внимания личность педагога, его самоактуализацию, стремление к личностному росту и эмпатию. Педагог, с точки зрения гуманистической психологии, должен создавать атмосферу доверия и поддержки, способствующую раскрытию потенциала каждого ученика [Воробьев, 2006; Максименко, 2020].

Когнитивный подход: Представленный работами Жана Пиаже и Льва Выготского, акцентирует внимание на мыслительных процессах педагога, его представлениях о мире, учениках и процессе обучения. Эффективность педагогической деятельности, с точки зрения когнитивной психологии, определяется способностью педагога организовывать учебный процесс таким образом, чтобы стимулировать познавательную активность учеников и способствовать формированию у них новых знаний и навыков [Шерешевский, 2006].

Социально-когнитивный подход: Развита Альбертом Бандурой, подчеркивает роль социального научения и самоэффективности в формировании психологического образа педагога. Педагог, с точки зрения социально-когнитивной психологии, должен быть эталоном для подражания, обладать высоким уровнем самоэффективности и уметь мотивировать учеников на достижение успеха.

Формирование образа педагогического работника – сложный психологический процесс, в котором задействованы различные механизмы и факторы, которые можно разделить на несколько взаимосвязанных групп, назовем некоторые из них:

Личностные характеристики педагога: внешний вид, манера поведения, стиль общения, эрудиция, ценностные ориентации и моральные качества педагога оказывают непосредственное влияние на восприятие его личности окружающими. Эмпатия, доброжелательность, терпение и другие личностные качества способствуют формированию позитивного образа педагога.

Социальный контекст: социальные нормы, ценности и стереотипы, существующие в обществе, оказывают значительное влияние на формирование образа педагога. Отношение к образованию в целом, престиж профессии, уровень заработной платы и социальная поддержка педагогов – все это формирует общественное мнение о роли и значении педагогической деятельности.

Взаимодействие с участниками образовательного процесса: отношения педагога с участниками образовательного процесса играют важную роль в формировании его образа. Стиль общения, умение находить общий язык с разными субъектами, способность к разрешению конфликтов и сотрудничеству – все это влияет на восприятие педагога как личности и профессионала.

Средства массовой информации: роль средств массовой информации в формировании образа педагогического работника трудно переоценить. Публикации в прессе, репортажи на телевидении и радио, интернет-ресурсы – все это формирует общественное мнение. Важно, чтобы средства массовой информации представляли объективную и сбалансированную информацию о педагогической деятельности, подчеркивая ее востребованность, значимость и сложность.

Атрибуция: склонность приписывать причины поведения педагога либо его личностным качествам (например, доброжелательности, компетентности), либо внешним обстоятельствам (например, сложность учебного материала, плохое настроение). Ошибка атрибуции может привести к неверной оценке личности педагога и предвзятому отношению к «учителю».

Идентификация: отождествление себя с педагогом, особенно характерное для обучающихся. Успешная идентификация может способствовать формированию позитивного образа преподавателя и мотивации к обучению.

Проекция: приписывание педагогу собственных качеств и чувств. Проекция может быть как позитивной (например, восхищение педагогом), так и негативной (например, обвинение педагога в предвзятости).

Важно отметить, что формирование образа – это перманентный, динамичный процесс, который корректируется на основе новой информации и опыта взаимодействия с педагогом (субъект – субъект).

Процесс формирования образа педагогического работника не всегда протекает гладко. Существуют потенциальные противоречия, которые могут привести к формированию негативного или искаженного образа.

Различия в ценностях между педагогом, обучающимися и родителями могут приводить к непониманию и конфликтам. Например, педагог может придерживаться традиционных методов обучения, в то время как обучающиеся ожидают более инновационного подхода.

Ожидания, предъявляемые обучающимися к педагогу, могут быть завышенными или нереалистичными. Например, от педагога могут ожидать не только компетентного преподавания, но и решения социальных и психологических проблем обучающихся. Несоответствие ожиданиям может привести к разочарованию и формированию негативного образа «учителя».

Различия в потребностях: Различные социальные группы участников образовательного процесса могут иметь разные потребности, которые педагог не всегда может удовлетворить. Например, конкретный обучающийся может нуждаться в индивидуальном подходе и внимании, в то время как у преподавателя нет достаточного времени и ресурсов для этого.

Ролевой конфликт: Педагог может испытывать ролевой конфликт, когда ему приходится одновременно выполнять несколько ролей, например, быть куратором и наставником для обучающихся, подчиненным (зависимым работником) для администрации и представителем образовательной организации. Ролевой конфликт может привести к стрессу и профессиональному выгоранию, что, в свою очередь, может негативно сказаться на формировании его образа.

Сформированный образ педагогического работника оказывает существенно эффективное влияние на образовательный процесс, т.е. профессиональную деятельность и личное благополучие, а именно:

-мотивация и профессиональная самореализация: Позитивный образ педагога, сформированный в сознании участников образовательного процесса, способствует повышению мотивации к исследовательско-поисковой работе, стремлению к профессиональному росту и самосовершенствованию. Уважение и признание со стороны окружающих вдохновляют педагога на достижение новых статусных вершин в своей профессиональной деятельности;

-эффективность взаимодействия с обучающимися: Доверие и уважение, основанные на позитивном образе педагога, создают благоприятную психологическую атмосферу для обучения и воспитания. Обучающиеся более охотно прислушиваются к мнению педагога, которому доверяют и считают его компетентным, выполняют его требования и стремятся к достижению высоких результатов;

-психологическое благополучие: Позитивный образ сформированный в сознании самого педагога, способствует повышению его самооценки, уверенности в себе и удовлетворенности своей профессиональной деятельностью. Уважение и признание со стороны окружающих помогают педагогу преодолевать трудности и возможные стрессовые ситуации;

-формированию позитивного имиджа образовательной организации: педагог, пользующийся уважением и доверием, способствует формированию позитивного имиджа в обществе.

Подведем итог, формирование образа педагогического работника – важный и сложный алгоритм, который оказывает значительное влияние на образовательный процесс. Необходимо осознанно подходить к формированию позитивного и реалистичного образа профессорско-преподавательского состава, учитывая психологические механизмы, возможные противоречия и влияние этого образа на мотивацию обучающихся, межличностные отношения и эффективность обучения. Важно развивать у педагогов навыки саморефлексии и самопрезентации, а также создавать в образовательной среде психологическую атмосферу поддержки и взаимопонимания, что является залогом успешной и эффективной работы образовательной организации.

Заключение

В заключение можно подчеркнуть, что формирование позитивного образа педагогического работника – это не только вопрос индивидуальной ответственности педагога, но и задача всей образовательной системы. Психологический образ педагогического работника является сложным и многогранным феноменом, который формируется под влиянием различных факторов, включая личностные особенности педагога, его профессиональную подготовку, опыт работы, а также социокультурный контекст. Необходимо создавать условия для профессионального роста педагогов, поддерживать их инициативы, а также обеспечивать им по

необходимости социально-психологическую помощь. Особенно необходимо указать на хроническое безразличие ректората ряда образовательных организаций на статус педагога в части присвоения заслуженных ученых званий доцента и профессора.

Различные теоретические подходы и авторские определения предлагают разные взгляды на исследуемый феномен, подчеркивая важность различных аспектов личности и деятельности педагога. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию психологических особенностей эффективных педагогов, участия в программах профессионального развития и повышению качества образования в целом.

Библиография

1. Бурлакова, Н. С. Психоаналитическая педагогика: открытия, надежды и разочарования / Н. С. Бурлакова // Современное дошкольное образование: теория и практика. – 2009. – № 3. – С. 46-53. – EDN SIJJFP.
2. Воробьев, Н. Е. Гуманистические идеи К.Роджерса в современной теории и практике обучения и воспитания / Н. Е. Воробьев, Т. Н. Низовая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – № 1 (14). – С. 71-75. – EDN HSLRYH.
3. Гончарова, Н. Ю. Общетеоретические основы изучения понятия "образ" / Н. Ю. Гончарова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3-2. – С. 33-37. – EDN PWUMOB.
4. Городович О.В. Влияние бихевиористского подхода к сознанию на этику образовательных практик // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 70–78. doi: 10.17223/1998863X/65/7
5. Заславская, О. В. Профессиональная личность педагога: трактовки и гипотезы / О. В. Заславская, Н. Г. Жарких // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 2(75). – С. 236-241. – EDN ZHCDYX.
6. Кузьмина, Н. В. Методы исследования педагогической деятельности [Текст] / Н. В. Кузьмина ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград : 1970. - 114 с.
7. Кюглер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат и Т. Даусона. – Из-во: Добросвет, 2000.
8. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. Перевод с немецкого О.Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Первое русскоязычное издание - М., 1964–1973; второе – 1986–1987.
9. Максименко, С. Д. Гуманистическая парадигма генетической психологии как основа психологического изучения личности / С. Д. Максименко // *Psixologiya*. – 2020. – № 1. – С. 46-51. – EDN SHLICK.
10. Маркова, А.К. Психология труда учителя. Москва: Просвещение. 1993. – 190 с.
11. Маслоу А. Мотивация и личность: Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
12. Нерадовская, О. Р. Личностно-профессиональный портрет будущего педагога / О. Р. Нерадовская, В. А. Стародубцев // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 1. – С. 117-129. – EDN VHVPNI.
13. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Феномен самоактуализации личности в условиях современного общества в образовательном пространстве и образовательной среде // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 3А. С. 348-353. DOI: 10.34670/AR.2020.45.82.086
14. Осинская, С. А. Категория "образ" в системе психологического знания / С. А. Осинская // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 22. – С. 69-75. – EDN RDRWSH.
15. Сафронова, В. Б. Современный преподаватель университета глазами студентов: результаты социологического опроса / В. Б. Сафронова, Е. В. Клюкина // Современные вызовы и преподавание иностранных языков в России : Коллективная монография посвящена 65-летию Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва : Издательский дом ООО «Роликс», 2021. – С. 154-164. – EDN PEQVCM.
16. Стырова, Е. А. Образ современного педагога глазами участников образовательного процесса / Е. А. Стырова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 4-5(20-21). – С. 12-14. – EDN XQHNNB.
17. Хадикова, И. М. Психолого-педагогические аспекты имиджа руководителя современной образовательной организации / И. М. Хадикова, А. А. Гусова, Э. И. Бицоева // ЦИТИСЭ. – 2022. – № 2(32). – С. 162-171. – DOI 10.15350/2409-7616.2022.2.14. – EDN XKDFTQ.
18. Шерешевский, Г. Сравнительный анализ концепций развития в работах Выготского и Пиаже: Нейропсихологический подход к транскультуральным исследованиям / Г. Шерешевский // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 77-86. – EDN KNVDJD.

Formation of the image of a pedagogical worker. Psychological and pedagogical aspect

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy,
PhD in Law,
Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

In the modern educational space, where the requirements for the quality of education are constantly growing, the role of a pedagogical worker is of particular importance. The article considers a complex and multifaceted process of forming the image of a pedagogical worker in the minds of various groups of people: students, colleagues, parents and society as a whole. Understanding the psychological image of the teacher becomes key to optimizing the educational process, increasing the effectiveness of the interaction “teacher - student”, as well as for the professional development of teachers themselves. Particular attention is paid to the psychological aspects of this process, factors are analyzed that affect the perception and assessment of the teacher, as well as the consequences of the formed image for professional activity and social status. The presented material is devoted to the study of the formation of the psychological image of a pedagogical worker, the analysis of existing theoretical approaches and copyright definitions developed by Russian and foreign scientists. In conclusion, conclusions are presented about the need for a conscious formation of a positive and realistic image of a teacher, which helps to increase the effectiveness of his professional activity and improve interpersonal relations in the educational process and the academic environment.

For citation

Novikov A.V. (2024) Formirovanie obraza pedagogicheskogo rabotnika. Psikhologo-pedagogicheskii aspekt [Formation of the image of a pedagogical worker. Psychological and pedagogical aspect]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 66-73.

Keywords

Pedagogical worker, interpersonal relationships, psychological mechanisms, professional competence, psychological image.

References

1. Burlakova, N. S. Psihoanaliticheskaya pedagogika: otkrytiya, nadezhdy i razocharovaniya / N. S. Burlakova // *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriya i praktika*. – 2009. – № 3. – S. 46-53. – EDN SIJFFP.
2. Vorob'ev, N. E. Gumanisticheskie idei K.Rodzhera v sovremennoj teorii i praktike obucheniya i vospitaniya / N. E. Vorob'ev, T. N. Nizovaya // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2006. – № 1 (14). – S. 71-75. – EDN HSLRYH.
3. Goncharova, N. Yu. Obshcheteoreticheskie osnovy izucheniya ponyatiya "obraz" / N. Yu. Goncharova // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. – 2012. – № 3-2. – S. 33-37. – EDN PWUMOB.
4. Gorodovich O.V. Vliyaniye bihevioristskogo podhoda k soznaniyu na etiku obrazovatel'nykh praktik // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2022. № 65. S. 70–78. doi: 10.17223/1998863H/65/7
5. Zaslavskaya, O. V. Professional'naya lichnost' pedagoga: traktovki i gipotezy / O. V. Zaslavskaya, N. G. Zharkih // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2017. – № 2(75). – S. 236-241. – EDN ZHCDYX.
6. Kuz'mina, N. V. Metody issledovaniya pedagogicheskoy deyatel'nosti [Tekst] / N. V. Kuz'mina ; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. - Leningrad : 1970. - 114 s.
7. Kyugler P. Psihicheskie obrazy kak most mezhdru sub"ektomi ob"ektom // *Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoy psihologii* / Pod red. P. Yang-Ajzendrat i T. Dausona. – Iz-vo: Dobrosvet, 2000.
8. Maks Fasmer. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. I-IV. Perevod s nemeckogo O.N. Trubacheva, s dopolneniyami. Pod red. i s predisloviey prof. B. A. Larina. Pervoe russkoyazychnoe izdanie - M., 1964–1973; vtoroe 1986–1987.
9. Maksimenko, S. D. Gumanisticheskaya paradigma geneticheskoy psihologii kak osnova psihologicheskogo izucheniya lichnosti / S. D. Maksimenko // *Psixologiya*. – 2020. – № 1. – S. 46-51. – EDN SHLICK.
10. Markova, A.K. Psihologiya truda uchitelya. Moskva: Prosveshchenie. 1993. – 190 s.
11. Maslou A. Motivaciya i lichnost': Per. s angl. A.M. Tatlybaevoj. – SPb.: Evraziya, 1999. – 478 s.
12. Neradovskaya, O. R. Lichnostno-professional'nyj portret budushchego pedagoga / O. R. Neradovskaya, V. A. Starodubcev // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2024. – № 1. – S. 117-129. – EDN VHVPNI.
13. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Fenomen samoaktualizacii lichnosti v usloviyah sovremennoy obshchestva v obrazovatel'nom prostranstve i obrazovatel'noj srede // *Pedagogicheskij zhurnal*. 2020. T. 10. № 3A. S. 348-353. DOI: 10.34670/AR.2020.45.82.086
14. Osinskaya, S. A. Kategoriya "obraz" v sisteme psihologicheskogo znaniya / S. A. Osinskaya // *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki*. – 2012. – № 22. – S. 69-75. – EDN RDRWSH.
15. Safronova, V. B. Sovremennyy prepodavatel' universiteta glazami studentov: rezul'taty sociologicheskogo oprosa / V. B. Safronova, E. V. Klyukina // *Sovremennye vyzovy i prepodavanie inostrannykh yazykov v Rossii : Kollektivnaya monografiya posvyashchena 65-letiyu Instituta stran Azii i Afriki MGU imeni M.V. Lomonosova*. – Moskva : Izdatel'skij dom OOO «Roliks», 2021. – S. 154-164. – EDN PEQVCM.
16. Styrova, E. A. Obraz sovremennoy pedagoga glazami uchastnikov obrazovatel'nogo processa / E. A. Styrova // *Sankt-Peterburgskij obrazovatel'nyj vestnik*. – 2018. – № 4-5(20-21). – S. 12-14. – EDN XQHNNB.
17. Hadikova, I. M. Psihologo-pedagogicheskie aspekty imidzha rukovoditelya sovremennoj obrazovatel'noj organizacii / I. M. Hadikova, A. A. Gusova, E. I. Bicoeva // *CITISE*. – 2022. – № 2(32). – S. 162-171. – DOI 10.15350/2409-7616.2022.2.14. – EDN XKDFTQ.
18. Shereshevskij, G. Sravnitel'nyj analiz koncepcij razvitiya v rabotah Vygotskogo i Piaze: Nejropsihologicheskij podhod k transkul'tural'nykh issledovaniyam / G. Shereshevskij // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. – 2006. – № 24. – S. 77-86. – EDN KNVDJD.

УДК 159.9

К вопросу психологической поддержки конструктивного самоутверждения подростков

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В российском обществе на современном этапе проблема становления личности подростка приобретает особую актуальность. Переходный возраст, характеризующийся интенсивными физиологическими, психологическими и социальными изменениями, представляет собой сложный и критический период в развитии человека. В это время происходит формирование самосознания, идентичности, системы ценностей и, что немаловажно, стремления к самоутверждению. Именно конструктивное самоутверждение, направленное на позитивное самовыражение и достижение социально значимых целей, является важным условием для успешной адаптации и личностного роста подростка. Представленный материал посвящен исследованию теоретических и практических аспектов психологической поддержки конструктивного самоутверждения подростков. В статье рассматриваются различные подходы к пониманию самоутверждения в психологии, анализируются факторы, влияющие на его формирование, и предлагаются конкретные рекомендации по организации психологической работы с подростками, направленной на развитие их потенциала и формирование позитивной жизненной стратегии.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. К вопросу психологической поддержки конструктивного самоутверждения подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 74-81.

Ключевые слова

Конструктивное самоутверждение, самоактуализация, идентичность самосознание, личностные характеристики, психотерапия, сиблинги.

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительными социальными, экономическими и технологическими изменениями, проблема самоопределения и самоутверждения подростков приобретает особую актуальность. Подростковый возраст, как переломный период в становлении личности, сопряжен с поиском идентичности, осознанием своего места в обществе и формированием устойчивой системы ценностей. В этом контексте конструктивное самоутверждение, понимаемое как стремление к признанию и уважению со стороны окружающих через социально одобряемые формы поведения и деятельности, играет важную роль в адаптации и успешной социализации молодых людей.

Однако, не все подростки способны эффективно реализовать потребность в самоутверждении, выбирая деструктивные пути, такие как агрессия, нарушение норм и правил, асоциальное поведение, что, в свою очередь, приводит к возникновению межличностных конфликтов, снижению успеваемости и возможным проблемам с законом [Суздорф, 2024]. Причины этого явления многообразны и обусловлены как индивидуальными особенностями подростка (темперамент, характер, уровень самооценки), так и влиянием микро- и макросоциальных факторов (семейные отношения, школьная среда, морально-нравственные нормы и культурные особенности).

В связи с этим, вопрос о психологической поддержке конструктивного самоутверждения подростков является чрезвычайно важным и требует пристального внимания со стороны специалистов в области психологии, педагогики и социальной работы. Эффективная психологическая поддержка может способствовать формированию у подростков адекватной самооценки, развитию коммуникативных навыков, обучению стратегиям конструктивного разрешения конфликтов и повышению уверенности в себе [Киреева, 2015]. Однако, не всегда этот процесс протекает гладко.

Основное содержание

Недостаток понимания со стороны взрослых, равнодушие окружающего социума, давление сверстников, внутренние конфликты и неуверенность в себе могут привести к деструктивным формам самоутверждения, таким как агрессия, девиантное поведение, «уход в себя» и другие негативные проявления [Одегова, 2024]. Поэтому, оказание своевременной и эффективной психологической поддержки подросткам в процессе их конструктивного самоутверждения как уже отмечалось, становится важной задачей для родителей, педагогов и психологов.

Психологическая поддержка в данном контексте подразумевает комплекс мероприятий, направленных на создание благоприятной среды для развития личности подростка, укрепление его уверенности в себе, помощь в осознании своих сильных сторон и возможностей, а также в выработке стратегий конструктивного взаимодействия с окружающим миром [Генгер, 2022]. Эта поддержка может включать в себя индивидуальные консультации, групповые тренинги, психокоррекционные занятия, а также просветительскую работу с родителями и педагогами.

Рассмотрим теоретические основы конструктивного самоутверждения. Самоутверждение, как стремление личности к признанию, уважению и занятию достойного места в обществе, является естественной потребностью человека [Селевко, 2005]. В подростковом возрасте эта потребность приобретает особую остроту, так как именно в этот период происходит активное формирование самооценки и идентичности. Конструктивное самоутверждение предполагает,

что подросток стремится к достижению своих целей, уважая при этом права и чувства других людей. Оно основано на уверенности в себе, осознании своей ценности и способности к позитивному самовыражению.

В психологической науке существуют различные теоретические подходы к пониманию самоутверждения, остановимся на некоторых из них.

В рамках психодинамической теории, разработанной Зигмундом Фрейдом, самоутверждение рассматривается как проявление инстинкта жизни (Эрос), направленного на сохранение и развитие личности [Ерещенко, 2021]. Фрейд считал, что стремление к самоутверждению является врожденным и проявляется уже в раннем детстве. Однако, в процессе социализации, ребенок вынужден подавлять некоторые свои импульсы и желания, что может приводить к возникновению внутренних конфликтов и предтече невротических симптомов.

Индивидуальная психология Альфреда Адлера: Адлер, в отличие от Фрейда, считал, что основным мотивирующим фактором поведения человека является стремление к превосходству и компенсация чувства неполноценности [Захаров, 2022]. Он утверждал, что каждый человек испытывает чувство неполноценности, обусловленное физической или психологической слабостью. Стремление к самоутверждению является, по Адлеру, способом преодоления этого чувства неполноценности и достижения превосходства над другими.

Гуманистическая психология, представленная работами Абрахама Маслоу и Карла Роджерса, рассматривает самоутверждение как часть более широкой потребности в самоактуализации. Маслоу считал, что потребность в самоуважении и признании является одной из базовых потребностей человека, которая должна быть удовлетворена для того, чтобы человек мог развиваться и самоактуализироваться. Роджерс подчеркивал важность безусловного принятия и эмпатического понимания со стороны окружающих для формирования у человека позитивной самооценки и уверенности в себе.

В рамках социально-когнитивной теории Альберта Бандуры, самоутверждение рассматривается как результат взаимодействия между личностью, поведением и окружающей средой. Бандура подчеркивал роль самоэффективности, то есть веры человека в свои способности успешно выполнять определенные задачи, в процессе самоутверждения [Гришай, 2020]. Ученый утверждал, что люди, обладающие высокой самоэффективностью, более уверены в себе, более настойчивы в достижении своих целей и менее подвержены стрессу.

Независимо от теоретической ориентации, все подходы подчеркивают важность позитивного самоотношения, уверенности в себе, умения ставить цели и достигать их, а также способности к конструктивному взаимодействию с окружающими. Развитие этих качеств является ключевым аспектом психологической поддержки конструктивного самоутверждения подростков.

Эффективная психологическая поддержка подростков в процессе их конструктивного самоутверждения требует комплексного подхода и использования разнообразных методов и приемов. Выбор конкретных методов зависит от индивидуальных особенностей подростка, его потребностей и проблем, а также от целей и задач психологической работы.

Психологическая поддержка конструктивного самоутверждения подростков предполагает комплексное воздействие, направленное на развитие у подростка уверенности в себе, позитивной самооценки, коммуникативных навыков и способности к конструктивному разрешению конфликтов [Самохвалова, 2017]. Существуют различные методы и приемы, которые могут быть использованы для достижения этой цели.

Индивидуальное консультирование позволяет специалисту установить доверительные отношения с подростком, выявить его индивидуальные особенности, проблемы и потребности, и разработать индивидуальный план психологической поддержки. В процессе консультирования подростку помогают осознать свой потенциал, свои сильные и слабые стороны, развить позитивную самооценку, научиться конструктивно выражать свои чувства и эмоции, и разрабатывать эффективные стратегии поведения в различных ситуациях.

Групповая психотерапия предоставляет подросткам возможность общаться и взаимодействовать с другими подростками, имеющими схожие проблемы и переживания. В группе подростки могут получить поддержку и понимание со стороны сверстников, обмениваться опытом, учиться новым способам поведения и развивать коммуникативные навыки. Групповая психотерапия может быть особенно эффективна для подростков, испытывающих трудности в общении и социальной адаптации.

Тренинги развития уверенности в себе направлены на умения отстаивать свои права и интересы, и конструктивно выражать свои чувства и эмоции. В процессе психокоррекции подростки выполняют различные задания, участвуют в ролевых симмуляциях, направленных на развитие коммуникативных навыков, умения говорить «нет», и решительно, но без агрессивных проявлений вести себя в различных социальных ситуациях.

Арт-терапия использует творческие методы, такие как рисование, лепка, музыка и танцы, для выражения и проработки эмоций и переживаний. Арт-терапия может быть особенно эффективна для подростков, испытывающих трудности в выражении своих чувств вербально. Творческая деятельность помогает подросткам выразить свои эмоции безопасным и конструктивным способом, а также развить воображение и креативность.

Симмуляционно-игровая терапию используют для решения психологических проблем и развития личности. Игра является естественной формой деятельности для подростков, и она позволяет им выражать свои чувства, переживания и фантазии в безопасной и непринужденной обстановке. Данная терапия может быть особенно эффективна для подростков, переживающих стресс, тревогу или травматические события.

Семейная терапия направлена на улучшение отношений между подростком и его семьей. В процессе семейной терапии психолог помогает членам семьи осознать свои роли и обязанности, научиться эффективно общаться друг с другом, и решать конфликты конструктивным способом. Семейная терапия может быть особенно эффективна для подростков, испытывающих проблемы в отношениях с родителями.

Терапия сиблингов. Сиблинг – это человек, который является неотъемлемой частью становления личности. С братом или сестрой существует невидимая родственная сила притяжения, которая тянется, через всю человеческую жизнь [Залевская, 2016]. Сиблинговая связь формируется под влиянием многих факторов, включая генетическую предрасположенность, личностные особенности характера каждого из них, взаимоотношения в семье, количество братьев и сестер, отношение значимых взрослых, внешние обстоятельства, все это является средой становления личности.

Оказание психологической поддержки подросткам в процессе их конструктивного самоутверждения требует от взрослых (родителей, опекунов, педагогов, психологов) соблюдения определенных принципов и следования определенным рекомендациям.

Во-первых, необходимо создать валеологическую атмосферу доверия и уважения. Подросток должен чувствовать, что его принимают таким, какой он есть, что его мнение

уважают, и что ему готовы помочь в трудной ситуации. Важно проявлять эмпатию и сочувствие, стараться понять его чувства и переживания.

Во-вторых, необходимо поддерживать позитивное самоотношение подростка. Важно подчеркивать его сильные стороны и достижения, помогать ему осознать свою ценность и значимость. Нельзя критиковать его за ошибки и неудачи, а необходимо помогать ему извлекать уроки из своего опыта, в том числе негативного и двигаться дальше.

В-третьих, необходимо помогать подростку ставить цели и достигать их. Важно научить его планировать свою деятельность, разбивать большие задачи на более мелкие, и постепенно двигаться к своей цели.

В-четвертых, необходимо учить подростка конструктивному взаимодействию с окружающими. Важно научить его выражать свои чувства и мысли, слушать и слышать других людей, решать конфликты мирным путем, и сотрудничать с другими людьми для достижения общих целей.

Заключение

Подводя итог вышесказанному отметим психологическая поддержка конструктивного самоутверждения подростков является важным фактором для их успешной адаптации и личностного роста. Комплексный подход, включающий в себя поименованное выше индивидуальное консультирование, групповое психокоррекционное взаимодействие, работу с родителями и педагогами, позволяет создать благоприятную среду для развития личности подростка, укрепить его уверенность в себе, помочь в осознании своих сильных сторон и возможностей, а также в выработке стратегий конструктивного взаимодействия с окружающим миром.

Следуя приведенным выше рекомендациям, заинтересованные лица могут оказать эффективную психологическую поддержку подросткам в процессе их конструктивного самоутверждения, помочь им стать уверенными в себе, успешными и счастливыми людьми. В дальнейшем исследовании данной проблемы целесообразно изучить влияние различных социокультурных факторов на процесс самоутверждения подростков. Кроме того, направить усилия на разработку и апробацию новых методов и приемов психологической поддержки, учитывающих индивидуальные особенности и потребности подростков, их социальное окружение и культурные ценности.

Библиография

1. Генгер, А. Ю. Формирование конструктивных стратегий конфликтного поведения в подростковом возрасте / А. Ю. Генгер // Теоретические и прикладные исследования: достижения, проблемы и перспективы развития : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 января 2022 года. – Санкт-Петербург: Научная общественная организация "Профессиональная наука", 2022. – С. 27-35. – DOI 10.54092/9781678190873_27. – EDN MRDDTZ.
2. Гендерные различия в когнитивных способностях: роль стереотипа и "эффект сиблинга" / К. Папагеоргиу, В. И. Исмагулина, М. С. Залешин, А. П. Белова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. – Т. 5, № 4. – С. 83-90. – EDN PWHUJV.
3. Ерещенко, Ю. В. Теория и практика психологии личности. психодинамическая традиция / Ю. В. Ерещенко, О. А. Карнеева, Л. П. Петухова. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – 138 с. – ISBN 978-5-9734-0386-7. – EDN OCJYQJ.
4. Жданова, Н. Е. Особенности проявления жестокости между сиблингами в современной Российской семье / Н. Е. Жданова // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2012. – № 4. – С. 264-269. – EDN QYQPDP.

5. Захаров А.Д. Философский вопрос жизненной ориентации в контексте индивидуальной психологии Альфреда Адлера // *Философская мысль*. – 2022. – № 4. – С. 12 - 20. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.4.37907 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37907
6. Залевская, Л. Р. Сиблинговые отношения как фактор становления личности и особенностей взаимодействия с близким окружением / Л. Р. Залевская, Е. В. Веденева // *Вестник магистратуры*. – 2016. – № 7-1(58). – С. 63-65. – EDN WFPZDJ.
7. Киреева, Е. А. Психологическая поддержка конструктивного самоутверждения подростков : специальность 19.00.07 "Педагогическая психология" : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Киреева Елена Анатольевна, 2015. – 225 с. – EDN IHNGIM.
8. Кряжева, С. Г. Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в воспитательных колониях / С. Г. Кряжева, М. М. Москвитина, А. В. Новиков // *Вопросы российского и международного права*. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029. – EDN HUHNDUL.
9. Новиков, А. В. Психолого-педагогическая модель формирования лидерских качеств первокурсников высшей школы / А. В. Новиков // *Педагогический журнал*. – 2024. – Т. 14, № 9А. – С. 230-237. – EDN ZGYZCJ.
10. Попов, В. В. Роль психолога образовательной организации в выявлении и коррекции деструктивной социальной девиации подростков в условиях цифровизации / В. В. Попов, А. В. Ерохина, С. В. Черкасова // *Цифровая социология*. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 14-23. – DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-3-14-23. – EDN EOCSS.
11. Одегова, Е. В. Внешние и внутренние факторы девиантного поведения детей / Е. В. Одегова // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. – 2024. – № 2. – С. 23-28. – DOI 10.17805/trudy.2024.2.4. – EDN WNRYYR.
12. Самохвалова, А. Г. Социокультурная детерминация коммуникативных трудностей современных детей и подростков / А. Г. Самохвалова // *Психологические исследования*. – 2017. – Т. 10, № 55. – С. 5. – EDN ZTTDWB.
13. Слабкая, Д. Н. Педагогические меры профилактики влияния деструктивных молодежных субкультур на несовершеннолетних лиц / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // *Педагогический журнал*. – 2022. – Т. 12, № 6-2. – С. 1007-1014. – DOI 10.34670/AR.2022.27.77.131. – EDN LIXNFU.
14. Социальное познание в современном российском обществе / В. Н. Гришай, А. А. Курносенко, С. В. Сыпачев, Д. В. Гребенюк // *Наука. Образование. Современность*. – 2020. – № 1-2. – С. 29-32. EDN: DVZZSI
15. Суздорф, А. Е. Состояние изучения проблемы деструктивного поведения в подростковом возрасте / А. Е. Суздорф // *Педагогика и психология: вопросы теории и практики*. – 2023. – № 2. – С. 6-11. – DOI 10.54092/26868822_2023_2_6. – EDN LVRGLV.
16. Селевко Г.К. *Утверждай себя*. – Изд. 2-е. – М.: Народное образование, – Серия «Самосовершенствование личности». 2005. – 77 с.
17. Слабкая, Д. Н. Превентивные психолого-педагогические меры в отношении асоциального поведения будущих специалистов / Д. Н. Слабкая // *Педагогический журнал*. – 2024. – Т. 14, № 9А. – С. 246-252. – EDN CRZXBB.
18. Суслов, Ю. Е. Особенности педагогического воздействия посредством мероприятий культурно-воспитательного характера на делинктивных несовершеннолетних в закрытом социуме / Ю. Е. Суслов, С. Г. Кряжева, А. В. Новиков // *Педагогический журнал*. – 2021. – Т. 11, № 4-1. – С. 456-468. – DOI 10.34670/AR.2021.10.64.056. – EDN QVITFD.

To the issue of psychological support for constructive self-affirmation of adolescents

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

In Russian society at the present stage, the problem of the formation of the personality of the teenager is of particular relevance. The transitional age, characterized by intensive physiological,

---

To the issue of psychological support for constructive ...

psychological and social changes, is a complex and critical period in human development. At this time, the formation of self-awareness, identity, system of values and, importantly, the desire for self-affirmation. It is constructive self-affirmation aimed at positive self-expression and achieving socially significant goals, that is an important condition for the successful adaptation and personal growth of the teenager. The presented material is devoted to the study of theoretical and practical aspects of the psychological support of the constructive self-affirmation of adolescents. The article discusses various approaches to understanding self-affirmation in psychology, analyzes factors affecting its formation, and specific recommendations are proposed to organize psychological work with adolescents aimed at developing their potential and the formation of a positive life strategy.

For citation

Slabkaya D.N. (2024) K voprosu psikhologicheskoi podderzhki konstruktivnogo samoutverzhdeniya podrostkov [To the issue of psychological support for constructive self-affirmation of adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 74-81.

Keywords

Constructive self-affirmation, self-actualization, identity of self-awareness, personal characteristics, psychotherapy, siblings.

References

1. Genger, A. Yu. Formirovanie konstruktivnykh strategij konfliktnogo povedeniya v podrostkovom vozraste / A. Yu. Genger // Teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya : Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 15 yanvarya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Nauchnaya obshchestvennaya organizatsiya "Professional'naya nauka", 2022. – S. 27-35. – DOI 10.54092/9781678190873_27. – EDN MRDDTZ.
2. Gendernye razlichiya v kognitivnykh sposobnostyakh: rol' stereotipa i "effekt siblinga" / K. Papageorgiu, V. I. Ismatullina, M. S. Zaleshin, A. P. Belova // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. – 2012. – T. 5, № 4. – S. 83-90. – EDN PWHUJV.
3. Ereshchenko, Yu. V. Teoriya i praktika psihologii lichnosti. psihodinamicheskaya tradiciya / Yu. V. Ereshchenko, O. A. Karneeva, L. P. Petuhova. – Bryansk : Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2021. – 138 s. – ISBN 978-5-9734-0386-7. – EDN OCJYQJ.
4. Zhdanova, N. E. Osobennosti proyavleniya zhestokosti mezhdru siblingami v sovremennoj Rossijskoj seme / N. E. Zhdanova // Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo. – 2012. – № 4. – S. 264-269. – EDN QYQPDP.
5. Zaharov A.D. Filosofskij vopros zhiznennoj orientacii v kontekste individualnoj psihologii Al'freda Adlera // Filosofskaya mysl'. – 2022. – № 4. – S. 12 - 20. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.4.37907 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37907
6. Zalevskaya, L. R. Siblingovye otnosheniya kak faktor stanovleniya lichnosti i osobennostej vzaimodejstviya s blizkim okruzeniem / L. R. Zalevskaya, E. V. Vedeneeva // Vestnik magistratury. – 2016. – № 7-1(58). – S. 63-65. – EDN WFPZDJ.
7. Kireeva, E. A. Psikhologicheskaya podderzhka konstruktivnogo samoutverzhdeniya podrostkov : special'nost' 19.00.07 "Pedagogicheskaya psikhologiya" : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Kireeva Elena Anato'levna, 2015. – 225 s. – EDN IHHGIM.
8. Kryazheva, S. G. Prichiny i usloviya soversheniya povtornykh prestuplenij nesovershennoletnimi, ranee otbyvavshimi nakazanie v vospitatel'nykh koloniyah / S. G. Kryazheva, M. M. Moskvitina, A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 1A. – S. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029. – EDN HUHDUL.
9. Novikov, A. V. Psihologo-pedagogicheskaya model' formirovaniya liderskih kachestv pervokursnikov vysshejskoly / A. V. Novikov // Pedagogicheskij zhurnal. – 2024. – T. 14, № 9A. – S. 230-237. – EDN ZGYZCJ.
10. Popov, V. V. Rol' psihologa obrazovatel'noj organizacii v vyyavlenii i korrekcii destruktivnoj social'noj deviacii podrostkov v usloviyah cifrovizacii / V. V. Popov, A. V. Erohina, S. V. Cherkasova // Cifrovaya sociologiya. – 2022. – T. 5, № 3. – S. 14-23. – DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-3-14-23. – EDN EOCSSS.

11. Odegova, E. V. Vneshnie i vnutrennie faktory deviantnogo povedeniya detej / E. V. Odegova // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. – 2024. – № 2. – S. 23-28. – DOI 10.17805/trudy.2024.2.4. – EDN WNRRYR.
12. Samohvalova, A. G. Sociokulturnaya determinaciya komunikativnyh trudnostej sovremennyh detej i podrostkov / A. G. Samohvalova // Psihologicheskie issledovaniya. – 2017. – T. 10, № 55. – S. 5. – EDN ZTTDWB.
13. Slabkaya, D. N. Pedagogicheskie mery profilaktiki vliyaniya destruktivnyh molodezhnyh subkul'tur na nesovershennoletnih lic / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Pedagogicheskij zhurnal. – 2022. – T. 12, № 6-2. – S. 1007-1014. – DOI 10.34670/AR.2022.27.77.131. – EDN LIXNFU.
14. Social'noe poznanie v sovremennom rossijskom obshchestve / V. N. Grishaj, A. A. Kurnosenko, S. V. Sypachev, D. V. Grebenyuk // Nauka. Obrazovanie. Sovremennost'. - 2020. - № 1-2. - S. 29-32. EDN: DVZZSI
15. Suzdorf, A. E. Sostoyanie izucheniya problemy destruktivnogo povedeniya v podrostkovom vozraste / A. E. Suzdorf // Pedagogika i psihologiya: voprosy teorii i praktiki. – 2023. – № 2. – S. 6-11. – DOI 10.54092/26868822_2023_2_6. – EDN LVRGLV.
16. Selevko G.K. Utverzhday sebya. – Izd. 2-e. – M.: Narodnoe obrazovanie, – Seriya «Samosovershenstvovanie lichnosti». 2005. – 77 s.
17. Slabkaya, D. N. Preventivnye psihologo-pedagogicheskie mery v otnoshenii asocial'nogo povedeniya budushchih specialistov / D. N. Slabkaya // Pedagogicheskij zhurnal. – 2024. – T. 14, № 9A. – S. 246-252. – EDN CRZXBB.
18. Suslov, Yu. E. Osobennosti pedagogicheskogo vozdejstviya posredstvom meropriyatij kul'turno-vospitatel'nogo haraktera na delinktivnyh nesovershennoletnih v zakrytom sociume / Yu. E. Suslov, S. G. Kryazheva, A. V. Novikov // Pedagogicheskij zhurnal. – 2021. – T. 11, № 4-1. – S. 456-468. – DOI 10.34670/AR.2021.10.64.056. – EDN QVITFD.

УДК 159.9

Влияние детского импринтинга на выбор стиля жизни

Зуйкова Алсу Асятовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Нижегородская академия МВД России,
603144, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится анализ детских воспоминаний по методу Альфреда Адлера «Анализ детских воспоминаний». Адлер считал, что посредством метода можно извлечь информацию о стиле жизни, все воспоминания связаны с текущей ситуацией. Когда меняется стиль жизни, меняются воспоминания или интерпретация прошлого. На основе поведенческих шаблонов, чувств, реакций из детства пишется формула жизни. При анализе личных интерпретаций, мы стремимся в глубину психики изучаемого объекта, раскрываем его внутренние смыслы. Исследование проводилось при помощи психологической службы исправительной колонии № 5 г. Нижнего Новгорода, объектом исследования явились детские воспоминания насильственных преступников, совершивших преступления по ст. 105,131 Уголовного кодекса РФ. В статье использованы анкетные материалы более 20 осужденных за преступления против личности. В результате исследования детских воспоминаний мы отследили основные факторы, которые влияют на формирование личности. Ключевой аспект, который прослеживается в воспоминаниях насильственных преступников это взаимодействие со «значимым взрослым». Если в жизни ребенка был значимый принимающий взрослый объект (и это не обязательно родитель) даже его «заменитель» это будет достаточным условием для его нормального развития. Взаимодействие будущих насильственных преступников со «значимыми взрослыми» или их «заменителями» является объектом исследования и влияние этих отношений на будущее ребенка. Показано, что в работах А.Адлера раскрывается еще один психологический феномен формирующий личность насильственного преступника: это гипо или гипер-опека. Неблагополучие ребенка закладывается в обоих случаях, если в воспитательном процессе отсутствует баланс и происходит перекося. Данный феномен так же прослеживается в исследовании.

Для цитирования в научных исследованиях

Зуйкова А.А. Влияние детского импринтинга на выбор стиля жизни // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 10А. С. 82-89.

Ключевые слова

Детские воспоминания, семейная ситуация формирующая насильственный тип преступника, стиль жизни, ранние фиксации, импринтинги, феномен «навязчивого повторения», «инстинкт дома», «Мать Чикатилло», властная мать, «значимый взрослый» «достаточно хорошая мать» «кастрирующая мать», влияние детских воспоминаний на стиль жизни, основные психологические феномены формирующие личность преступника, гипоопека, формирования ненадежной тревожной привязанности, тревожность, отвергнутость.

Введение

На современном этапе изучения личности насильственного преступника, существует несколько теорий объясняющих формирование такой личности. Ярким примером является «Теория гена жестокости» в которой рассматриваются нейронные связи преступника, как источник безнравственного поведения. Кроме того различными авторами такими как Ю.М. Антонян, Э.Ф. Побегайло изучались девиантные черты насильственных преступников, которые начинают проявляться в детском возрасте [Антонян, Эминов, 2018]. Английские криминологи выделяли неблагоприятную экологическую обстановку, которая, влияет на органические процессы. Из анализа и изучения криминологических источников можно сделать вывод что для изучения такой личности нельзя ограничиваться только био-социальными компонентами, стоит уделить внимание личной интерпретации жизненной истории насильственного преступника [Зуйкова, 2022]. Альфред Адлер писал: «каждое воспоминание, каким бы тривиальным оно не казалось человеку, представляет для него что-то достопамятное. Само по себе событие, описанное в воспоминании не так важно, как тот факт, что именно это переживание настойчиво сохраняется в памяти и используется для кристаллизации того значения, которое придается жизни. Каждое воспоминание – это напоминание». [Антонян, Эминов, 2018] Также Адлер подчеркивал, что не бывает «случайных воспоминаний»: из бесчисленного множества впечатлений, которые выпадают на долю человека, он выбирает для запоминания только те, которые, хотя и смутно, но ощущаются им как связанные с его нынешним положением. Эти воспоминания представляют собой «Историю моей жизни»; историю, которую человек повторяет, чтобы предостеречь себя или утешить себя, чтобы поддержать направленность на избранную цель, чтобы с помощью прошлых переживаний подготовить себя к встрече с будущим, используя уже проверенный стиль жизни». [Зуйкова, 2022]

«Воспоминания никогда не могут вступать в противоречие со стилем жизни. Если стиль жизни меняется, воспоминания тоже изменятся: человек будет вспоминать другие случаи или по-другому интерпретировать те случаи, которые он помнит» [Зуйкова, 2022].

Процесс и метод проведения исследования

Нами был изучен психологический опрос, проведенный в исправительной колонии среди осужденных за насильственные преступления. Опрос проводился при помощи психологов психологической службы исправительной колонии № 5. Целью данного исследования является возможность отследить в детских воспоминаниях насильственного преступника основные психологические феномены, формирующие личность, раскрыть стиль жизни, сформировавший жизненные события. Для исследования был использован метод А.Адлера «Анализ детских

воспоминаний» В исследуемой выборке преступники совершившие преступления против личности. Неблагополучные отношения со значимыми взрослыми в детстве, оставили неизгладимый след в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождали соответствующие формы поведения. Однако в сознании личности эта связь обычно не отражается. Зафиксировавшиеся в психике ребенка, прежде всего в его эмоциональной сфере, образцы, ассоциированные с конкретными лицами, являются как бы моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение. Глубинная память сохраняет образцы и образы поведения, которые постоянно повторяются в ситуациях взаимодействия. Все что остается незавершенным, будет продолжать существовать и требовать завершения [Адлер, 1997].

Результаты и их обсуждение

Анализ детских воспоминаний позволил нам проникнуть в то, как многие из насильственных преступников начинали свою жизнь. Человек поддерживает уровень несчастья, к которому привык у себя в родительской семье. Феномен «навязчивого повторения» [Адлер, 2021] «инстинкт дома» - воссоздает эмоциональный фон. Мы взяли одно впечатление и использовали его для объяснения целой серии поступков. События, запоминаемые из детства, близки к основному стилю жизни. Чувства, которыми проникнуты ранние воспоминания, помогают удерживать эмоциональный тон, соответствующий избранному жизненному стилю. Обращение к прошлому через воспоминания детства лучше любого другого способа раскрывает – ядро жизни индивида. В стиле жизни, сформировавшемся в четырех - пятилетнем возрасте, мы обнаруживаем связь между содержанием воспоминаний и действиями в настоящем. Ранее воспоминание говорит ему; «Вот чего ты должен ожидать», или: «Вот чего ты должен избегать», или: «Вот что такое жизнь». И вновь мы должны подчеркнуть, что само по себе событие не так важно, как тот факт, что именно это переживание настойчиво сохраняется в памяти и используется для кристаллизации того значения, которое придается жизни. Каждое воспоминание – это напоминание».

«Не бывает случайных воспоминаний: из бесчисленного множества впечатлений, которые выпадают на долю человека, он выбирает для запоминания только те, которые хотя и смутно, но ощущаются им как связанные с его нынешним положением. Эти воспоминания представляют собой «Историю моей жизни»; историю, которую человек повторяет, что бы предостеречь себя или утешить себя, чтобы поддержать направленность на избранную цель, чтобы с помощью прошлых переживаний подготовить себя к встрече с будущим, используя уже проверенный стиль действий.

Согласно анализу данной выборки преступников у насильственных преступников в воспоминаниях фигурирует мать. Фигура матери «ограничивающая» [Антонян, Еникеев, Эминов, 2000] и отвергающая, авторитарная и властная. Первая женщина которая появляется в жизни любого человека это мать. В контакте «мать-сын» закладываются важные модели поведения будущего мужчины. Основная задача матери быть «достаточно хорошей» [Фрейд, 1998] т.е закрывать все потребности ребенка, создавать условия в которых ребенок развивается и приобретает необходимые навыки для адаптации. В противоположно случае «кастрирующей матери» [Антонян, Еникеев, Эминов, 2000] мать открыто выливает ненависть на ребенка, что бы приспособиться, психика ребенка выбирает защитный механизм «идентификация с

агрессором» [Фрейд, 2017]. В результате работы этого защитного механизма ребенок сам превращается в садиста и мучителя, тем самым оправдывая действия матери. Профессор А.О. Бухановский, составивший психологический портрет А. Чикатилло обозначил новый психологический феномен и назвал его «мать Чикатилло» [Винникотт, 1998].

«Мать Чикатилло» женщина с набором определенных психологических качеств. Качества, которые выделяет профессор А.О. Бухановский: жестокие, деспотичные женщины с властным характером и ярко выраженной ролью семейного лидера, часто одинокие или унижающие своих мужей, оттесняющие их на периферию воспитания сына. Нередко у таких отцов эпизодически «просыпается раж воспитания»- фактически они на ребенке срывают свою униженность в семье. У сыновей таких матерей детские годы, когда коммуникация со сверстниками жизненно необходима для формирования будущей личности, проходят под строжайшим контролем и запретом на все «внеслужебные» контакты. Трагический дефицит общения со сверстниками, родительской любви, постоянное отсутствие положительных эмоций, неумение понять и выразить самого себя способствуют необратимым изменениям личности. Отсюда - неспособность к симпатии, к общению с другими людьми, неумение быть привязанным, любить, сопереживать. Эти дети не умеют защитить себя, ни в моральном, ни в физическом плане, прячутся от действительности в мир необычных жестоких фантазий. У таких мальчиков полностью отсутствует интуиция, способность понимать невербальную информацию, «читать между строк», совершенно нарушена шкала этических ценностей, образы родителей, в частности матери;

Ярким примером является Владимир Муханкин воспитанный именно такой женщиной, которая деформировала структуру личности ребенка своим отвержением. Следовательно, который расследовал уголовные дела с участием В. Муханкина известно, какими были отношения с матерью. Заключение оставил следователю 18 тетрадей стихов посвященных взаимоотношениям с матерью.

Кроме основополагающей фигуры матери в конструкции воспоминаний насильственных преступников ярко проявляются ситуации одиночества и отвергнутости, используя терминологию А. Адлера -гипоопека (т.е полное ее отсутствие). Гипоопека является криминогенным фактором, так как, ребенок, предоставленный сам себе, с незакрытыми потребностями является мишенью для насмешек со стороны сверстников (неухаживаемый, обделенный вниманием родителей) на фоне этого формируется низкая самооценка, низкая приспособляемость, низкие адаптивные функции. В этой связи прослеживается следующая закономерность: 68% осужденных на момент совершения преступления нигде не работали и не учились, т.е не были включены в социальное взаимодействие и социальные связи. Проблемы взаимоотношений с окружающими, изоляция, обособление от других, уход в себя оборачивается нравственным оскудением, отсутствием эмпатии, т. е. способности чувствовать, переживать эмоциональные состояния другого человека, сопереживать ему, что содействует совершению особенно тяжких насильственных преступлений. Приведем один из примеров детских воспоминаний насильственного преступника где четко прослеживается ситуация отчужденности, непринятия и отвергнутости матерью, бабушкой и в дальнейшем социумом. *«В 5 лет отец ушел в другую семью, потом на 6 лет посадили маму».* Судимость матери является еще одним криминогенным фактором. Отчужденная мать, отсутствие отца, непройденный эдипов конфликт обеспечил слабость структуры «Сверх-Я», что явилось причиной невозможности усвоения моральных норм общества, табу и ограничений. *«Воспитывала мама бабушка, прабабушка не стала со мной справляться, так, как я постоянно хулиганил,*

устраивал драки. Меня взяла бабушка, мама моего отца. Во втором классе я первый раз попробовал сигареты». «Потом меня отдали в интернат, где я был первым хулиганом».

Ярко прослеживается механизм формирования ненадежной тревожной привязанности (описанная Дж. Боулби) [Фрейд, 1993]. Отвержение семьи привело к образованию комплекса неполноценности, ощущение отверженности, отчужденности, неуверенности в себе. Это и есть ключевые составляющие стиля жизни данного испытуемого. Именно это переживание настойчиво сохраняется в памяти и используется для кристаллизации того значения, которое придается жизни [Антонян, Эминов, 2018]. Компенсаторные защитные стратегии, направленные на подавление тревожности, проявились в формировании враждебности, агрессивности по отношению к социуму [Бухановский, Кутявин, 2003]. Тревожность можно определить как общую неуверенность человека в себе, и в своем предназначении, неопределенность социального статуса в жизни, постоянное ощущение неустойчивости своего существования, опасения разрушить собственное представление о самом себе, своей самооценности. Тревожность обладает большой криминогенностью, которая представляет собой беспредметный страх. В основе тревожности лежат неосознаваемые личностью источники угрозы, связанные с депривацией потребности в безопасности. В рассматриваемом случае тревожность активно стимулирует преступное поведение, когда человек начинает ощущать необходимость защиты от людей или явлений, которые он субъективно воспринимает как угрожающие. Криминогенность тревожности состоит не только в том, что она включает в себя беспокойство, ощущение незащищенности, уязвимости, но и в том, что она определяет специфическое восприятие окружающей среды как чуждой и враждебной. По механизму эмоционального переноса такая личность рассматривает как чуждые нормы и запреты этой среды, в результате чего выходит из-под действия социального контроля.

«В интернате я бывал редко, постоянно убегал и жил у друзей, которые были намного старше меня. В итоге интернат от меня отказался, и бабушка, оформила меня в детский дом. Но и там я вел привычный для себя образ жизни, убегал, курил, начал выпивать и воровал все, что попадалось на глаза».

Потребность в принятии стимулирует широкий спектр человеческого поведения [Боулби, 2003]. Потребность в принятии актуализируется на 3 уровнях: социальном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях. Принятие на социальном уровне означает быть принятым первоначально в родительской семье. Если этот процесс не реализован, происходит отчуждение. Отчуждение личности, изоляция от социально-позитивной микросреды побуждает его к поиску микросреды, где он мог бы найти признание и поддержку. Такой микросредой являются группы антиобщественной направленности, состоящие из таких же отчужденных и дезадаптированных личностей. Длительное нахождение в таких группах приводит к криминализации личности с последующей ее деградацией. Изоляция, обособление от других, уход в себя оборачивается нравственным оскудением, отсутствием эмпатии, т. е. способности чувствовать, переживать эмоциональные состояния другого человека, сопереживать, что содействует совершению особенно тяжких насильственных преступлений.

Про мать отзывается достаточно тепло, в этом проглядывается «синдром жертвы» или «Стокгольмский синдром», когда жертва оправдывает своего мучителя и испытывает к нему благодарность и эмоциональную привязанность. Ключевой характеристикой синдрома отчуждения родителем своего ребенка является сильная психологическая зависимость ребенка от отчуждающего родителя [Фрейд, 1999].

Воспоминания заключенного о матери: *«Когда она освобождалась, все было хорошо, никогда не ругались, всегда находили общий язык. В любом начинании она меня поддерживала, а если что-то делал неправильно, не ругала. Хоть мы и редко с ней виделись, но я ее любил».*

В данном случае мать не может удовлетворить потребности ребенка, т.к. *«она обычно находилась в заключении».* В результате испытуемый О. оказывался в ситуации постоянного неудовлетворения потребностей. *«Я всегда испытывал чувство зависти. Когда я видел своих сверстников хорошо одетых, живших в достатке, мне тоже всего этого хотелось, и чтоб родители жили вместе».* Комплекс неполноценности, сопровождающийся ощущением отверженности, отчужденности, неуверенности в себе препятствовал усилиям адаптации и социализации.

Это связано с тем, что в основе преступного стиля жизни многих осужденных лежат травмирующие детские воспоминания, которые закладывают нездоровую основу для формирования ценностей и самооценки.

Также предполагается, что преступники, осуждённые за насильственные преступления, акцентируют внимание на качествах, отражающих взаимоотношения с другими людьми. Это может отражаться в мотиве убийства: с его слов *«Веди себя нормально, не говорила бы со мной таким высокомерным тоном, ничего бы, не произошло».* Триггерная точка это высокомерие убитой женщины. Если обратиться к его детским воспоминаниям, то мать демонстрирует не любовь (как он считает) а глубокое равнодушие. Мать, испытывающая равнодушие вполне может быть высокомерной. Что бы удержать образ «любящей матери», психика символически избавляется от высокомерной женщины.

Заключение

Подводя итоги исследования целью, которого являлось выявить основные психологические феномены, формирующие личность насильственного преступника мы пришли к следующим выводам: Данное исследование показало эффективность анализа детской биографии, которая скрывает жизненный стиль и выбранный человеком сценарий. Во всех детских воспоминаниях фигурирует мать, исследуя эти воспоминания мать насильственного преступника властная доминирующая символически «кастрирующая» все мужское или «отсутствующая мать». Зигмунд Фрейд писал, что успешность мужчины напрямую зависит от того, как его мать относилась к нему в детстве. Учёный исследовал отношения в разных семьях и пришёл к выводу, что в тех из них, где росло несколько детей и мать выбирала из их числа «любимчика», росли будущие гении и магнаты бизнеса. Следующий психологический феномен который мы отследили в рамках исследования это «покинутость» и одиночество в семье, которое подталкивает ребенка в сторону неблагополучных и деструктивных референтных групп. И еще один «конструкт» на котором формируется личность насильственного преступника это отсутствие безопасности и как следствие тревожность, которая провоцирует агрессию. Актуализируя в жертве беззащитность, беспомощность в психике насильственного преступника происходит разрядка внутриспсихического напряжения вызванного собственной детской незащищенностью.

Библиография

1. Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. Преступник : основные понятия и черты личности - Москва : Норма : Инфра-М, 2018. - 383 с

2. А.А.Зуйкова. Особенности мотивации преступлений против личности: монография Н.Новгород Нижегородская академия МВД России,2022 -116с
3. Адлер А. Наука жить/. пер. с англ. и нем. – К.: Port-Royal, 1997. – 288 с.
4. Адлер А. Понять природу человека /; [перевод с немецкого Е. Цыпина]. Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Философия – Neoclassic).
5. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания.- М.: Пенатес-Пенаты, 2000.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. - СПб.: Алетейя, 1998
7. Фрейд З. Введение в психоанализ /; пер. с нем. Г.В. Барышниковой — Москва: АСТ, 2017. — 624 с. — (Тайны науки).
8. Винникотт Д.В. В 48 Маленькие дети и их матери/Пер. с англ. Н.М. Падалко. — М.: Независимая фирма "Класс", 1998. — 80 с.— (Библиотека психологии и психотерапии).
9. Фрейд А. Психология "Я" и защитные механизмы : [Пер. с англ.] / Анна Фрейд. - Москва : Педагогика-пресс, 1993. - 140 с.
10. Бухановский, А. О. , Кутявин Ю. А. Общая психопатология: Пособие для врачей / М. . — 3-е изд.перераб. и доп. — Ростов н/Д: Изд-во ЛРНЦ «Феникс», 2003. - 416 с.:
11. Боулби, Дж. Привязанность = Attachment / Джон Боулби ; Общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской; Пер. с англ. Н. Г. Григорьевой и Г. В. Бурменской. - Москва : Гардарики, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 447 с.
12. Фрейд, З. Влечения и их судьба / Фрейд. - Москва : ЭКСМО-пресс, 1999. — 428 с.
13. Фрейд, З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб., "Алетейя", 1998. / Фрейд З. Вытеснение. С 108 – 123.
14. Кинодо, Жан-Мишель. Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / Жан-Мишель Кинодо ; [пер. с фр. О. Я. Журавлева]. - Москва : Когито-Центр, 2012. - 416 с.

Analyzing early memories as a key to understanding the life style of a violent criminal

Alsu A. Zuikova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603144, 3, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the childhood memories of violent criminals using the method of Alfred Adler "Analysis of childhood memories". The study was conducted with the help of the correctional colony's psychological service. The object of the study was the childhood memories of violent criminals who committed crimes under Articles 105, 131 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of this study is to try to trace in the childhood memories of a violent criminal the main psychological phenomena that shape a personality, to track how a lifestyle shapes life events. One of the main factors that influence the formation of personality is the interaction of a child with a significant adult. If there was a significant accepting adult object in the child's life (and this is not necessarily the parent), even his "substitute" this will be a sufficient condition for his normal development. Interaction of future violent criminals with "significant adults" or their "substitutes"

Alsu A. Zuikova

For citation

Zuikova A.A. (2024) Vliyanie detskogo imprintinga na vybor stilya zhizni [Analyzing early memories as a key to understanding the life style of a violent criminal]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (10A), pp. 82-89.

Keywords

Childhood memories, family situation forming a violent type of criminal, lifestyle, early fixations, imprints, the phenomenon of "obsessive repetition", "instinct at home", "Mother Cicatillo", domineering mother, "significant adult" "good enough mother" "castrating mother", the influence of childhood memories on lifestyle, basic psychological phenomena that form the personality of a criminal, hypoopection, the formation of unreliable anxious attachment, anxiety, rejection.

References

1. Antonyan, Y. M., Eminov, V. E. (2018). Prestuplenie: osnovnye ponyatiya i cherty lichnosti [Criminal: basic concepts and personality traits]. Moscow: Norma; Infra-M.
2. Zuykova, A. A. (2022). Osobennosti motivatsii prestupleniy protiv lichnosti: monografiya [Features of motivation for crimes against the person: monograph]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Adler, A. (1997). Nauka zhit' [The science of living] (Trans. from English and German). Kyiv: Port-Royal.
4. Adler, A. (2021). Ponyat prirodu cheloveka [Understanding human nature] (Trans. from German E. Tsypin). Moscow: AST Publishing House.
5. Antonyan, Y. M., Enikeev, M. I., Eminov, V. E. (2000). Psikhologiya prestupleniya i nakazaniya [Psychology of crime and punishment]. Moscow: Penates-Penaty.
6. Freud, S. (1998). Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the pleasure principle]. St. Petersburg: Aleteya.
7. Freud, S. (2017). Vvedenie v psikhoanaliz [Introduction to psychoanalysis] (Trans. from German G. V. Baryshnikova). Moscow: AST Publishing House.
8. Winnicott, D. W. (1998). Malen'kie deti i ikh materi [Little children and their mothers] (Trans. from English N. M. Padalko). Moscow: Independent Firm "Class".
9. Freud, A. (1993). Psikhologiya "Ya" i zashchitnye mekhanizmy [The psychology of the ego and defense mechanisms] (Trans. from English). Moscow: Pedagogika-Press.
10. Bukhanovskiy, A. O., Kutuyavin, Y. A. (2003). Obshchaya psikhopatologiya: posobie dlya vrachey [General psychopathology: A guide for doctors] (3rd ed., rev. and expanded). Rostov-on-Don: LRNI "Phoenix".
11. Bowlby, J. (2003). Privyazannost' [Attachment] (Ed. and intro by G. V. Burmenskiy; Trans. from English N. G. Grigoryeva G. V. Burmenskiy). Moscow: Gardariki.
12. Freud, S. (1999). Vlecheniya i ikh sud'ba [Drives and their fate]. Moscow: EKSMO-Press.
13. Freud, S. (1998). Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize [Fundamental psychological theories in psychoanalysis]. In Z. Freud, Ocherk istorii psikhoanaliza [Essay on the history of psychoanalysis] (pp. 108–123). St. Petersburg: Aleteya.
14. Kinodo, J.-M. (2012). Chitaya Freyda: izucheniye trudov Freyda v khronologicheskoy perspektive [Reading Freud: A study of Freud's works in chronological perspective] (Trans. from French O. Ya. Zhuravleva). Moscow: Cogito-Center.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
  - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
  - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

